

1970

ՀԱՅԿԵՍՏԱՆԻ
ՅՈՒՐԱԿՐԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

Լիտերատուրնայ

ՏՐՄԱԿ

1870

ապրել

1970

«В. И. Ленин». Худ. Г. Геловани.

Литературная

ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

4

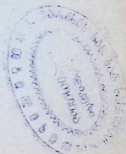
ОРГАН
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕИ
ГРУЗИИ

АПРЕЛЬ

1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

89.303

„ლიტერატურული პრესა“ (რუსულ ენაზე)

საქართველოს ლიტერატურულ-მხატვრული და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

წელიწადი 14-ე

№ 4

აპრილი 1970 წ.

საქართველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის ორგანო

Главный редактор
Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная
коллегия:

Григол АБАШИДЗЕ,
Тенгиз БУАЧИДЗЕ,
Марк ЗЛАТКИН,
Лавросий КАЛАНДАДЗЕ,
Натела КАРАШВИЛИ
(ответственный секретарь),
Серго КЛДИАШВИЛИ,
Георгий МАЗУРИН,
Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,
Владимир МАЧАВАРИАНИ,
Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,
Эммануил ФЕИГИН,
Нико ЧАВЧАВАДЗЕ,
Алеко ШЕНГЕЛИА.

Год издания четырнадцатый

Рукописи объемом
менее авторского листа
не возвращаются

На 1-й стр. обложки — «В. И. Ленин»,
худ. Н. Чернышков.

Адрес редакции: Тбилиси, 8. Улица Ленина, 5. телефон 99-06 5*

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТЫ ГРУЗИИ — ЛЕНИНУ

САНДРО ШАНШИАШВИЛИ. Слово к Ленину. Перевод Сергея Алиханова	5
АЛИО МИРЦХУЛАВА. Ленин. Перевод Влади- мира Леоновича	5
ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ. Ленин в Самгори. Перевод Александра Межирова	6
КАЛЕ БОБОХИДЗЕ. Мудрость Ленина. От Волгограда до Москвы. Рябина. Перевод Евгения Елисе- ева, Владимира Соколова и Василия Никонова	6
АЛЕКО ШЕНГЕЛИА. Ленин. Перевод Александра Межирова	7
ИВАН ТАРБА. Первое слово. Перевод с абхазского Станислава Куняева	8
РЕВАЗ АСАЕВ. Я видела родного Ильича. Перевод с осетинского Игоря Лашкова	8
ЛАДО СУЛАБЕРИДЗЕ. Вот лижет соль олене стадо... Перевод Сергея Алиханова	9
ОТАР ЧЕЛИДЗЕ. Он во всем и везде. Перевод Вла- димира Леоновича	10
ТЕИМУРАЗ ДЖАНГУЛАШВИЛИ. Баллада о скрипке. Перевод Сергея Алиханова	10
ТАМАЗ ЧИЛАДЗЕ. Ленин. Перевод Владимира Соколова	11
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ. Слушайте Ленина, Москва, 21 января. Перевод Семёна Шахбазова	11
МОРИС ПОЦХИШВИЛИ. Он родился весной. Перевод Владимира Леоновича	12
ДИЛАР ИВАРДАВА. Владимиру Ленину. Отрывок из поэмы. Перевод Василия Забелина	13
ГЕОРГИЙ МАРГВЕЛАШВИЛИ. Грузинская поэтиче- ская Ленинина	14

ВОЖДЬ, МЫСЛИТЕЛЬ, ЧЕЛОВЕК

РУСУДАН НИКОЛАДЗЕ. Незабываемые дни и мгновения	23
ВАНО СТУРУА. Мои воспоминания о В. И. Ленине	32
СЕРГО КЛДИАШВИЛИ. Перед бурей. Из недалекого прошлого. Перевод Майи Бирюковой	33
ЗАХАРИЙ ШВЕЛИДЗЕ. Они учились с Лениным	34
НИКОЛАЙ ДЖАШИ. Ленин и вопросы эстетики	40
ДИМИТРИЙ КАЛАНДАДЗЕ. В. И. Ленин и некоторые аспекты истины	48
БЕКРБИ ХАСИА. Осуществление кооперативного плана В. И. Ленина в Грузии	55
РОБЕРТ ЗЛАТКИН. Светлая судьба Сакраула. Очерк.	63
К истории одного стихотворения, посвященного В. И. Ленину	66

ПРОЗА

ОТАР ЧХЕИДЗЕ. Подъем и спуск. Роман. Авторизованный перевод Михаила Заверина. Продолжение	67
ЭЛИЗБАР ЗЕДГИНИДЗЕ. Весеннее половодье. Роман. Авторизованный перевод Веры Киреевой. Продолжение	86

Сандро ШАНШИАШВИЛИ

СЛОВО К ЛЕНИНУ

Я видел в юности тебя, в одном из городов швейцарских.
Во мгле Россия тяжело несла орлов двуглавых, царских.

Я помню, как ты говорил, врагов труда разоблачая,
Всю глубь вопросов и проблем веков грядущих освещая.

Охранки царской избежав, работая подпольно, скрытно,
Ты всем народам обещал свободу, право, самобытность.

Сегодня снова предо мной великий образ, лоб объемный.
И ты указываешь нам, где ровный путь, а где подъемы.

И путь, указанный тобой столь точно, верно, прозорливо,
Эксплуататоров сметет и землю сделает счастливой.

Ты пробудил свою страну, и ты разжег из «Искры» пламя,
И над планетой водрузил побед и революций знамя.

И мудростью твоей горят глаза сознательных рабочих.
Все, что разумно на земле, — твоей руки и мысли росчерк.

Летосчисленье началось тогда, когда родился Ленин.
И нет теперь иных времен и нет иных летосчислений.

Как светит солнце над землей — так ты земным народам
светишь.
И нам на каждый наш вопрос незамедлительно ответишь.

И мы идем, всегда вперед, тобой направлены, ведомы,
А ты указываешь нам, где ровный путь, а где подъемы.

Перевод Сергея АЛИХАНОВА

Алио МИРЦХУЛАВА

ЛЕНИН

В последний раз взглянула, не рыдая,
Простилась — лик белее полотна —
И скорбная страна и молодая
В снега и траур вся облачена.

Безвременно страна осиротела,
Зменится чернь по краю кумача.
Всем сердцем у последнего предела
Мы присягаем слову Ильича.

Ты плакать не учил — и мы не плачем.
Ты по другую сторону черты

Остался, как и был, — живым и зрячим.
Любимым и родным остался ты.

О, нет, мы глаз твоих не похороним —
Прикроем только веками веков,
Мы в чести сохраним и не уроним
Прозванье славное большевиков.

Великая доверена страна им.
Тебе клянемся мы в последний час,
Что дорогих знамен не запятнаем,
Что светлый разум не затмится в нас.

И тело ледяное пусть хранится,
И к мавзолея каменным плечам
Придем мы поклониться, поклониться,
Но не как верующие мощам.

Не вовремя страна осиротела.
Змеится траур в складках кумача.
Всей жизнью у последнего предела
Мы присягаем делу Ильича.

Перевод Владимира ЛЕОНОВИЧА

Григол АБАШИДЗЕ

ЛЕНИН В САМГОРИ

Светится в памяти первая встреча
На побережье далекой поры.
Я увидел из долины двуречья —
Ленин стоит над плотиной Куры.

Жизненным светом наполнен до края,
На пьедестале, на свежем ветру,
Сильную руку к реке простирая,
Ленин великий глядит на Куру.

И от Загеса над Грузией круто
Свет заревой поднимается ввысь.
В сердце моем навсегда в ту минуту
Е Ленин и свет воедино слились.

Светится встреча далекая эта,
Память о ней до сих пор горяча,
Стал для меня воплощением света
Облик любимого мной Ильича.

Я проходил над бурливым Рионом
И на Храмгесе боролся с волной,
Ленин повсюду в краю озаренном
В образе света вставал предо мной.

И на Самгорской изрытой равнине,
Там, где слагаю я песню свою,
Ленин великий мне видится ныне,
Облик немеркнувший вновь узнаю.

Снова Ильич заревыми лучами
Нас озаряет в родной стороне,
Крылья растут у меня за плечами,
Дальняя даль открывается мне.

Слышу листву на самгорском просторе,
Вижу мечтой, как у самой волны
Ленин великий стоит над Иори,
Волны Иори покорства полны.

Чудится мне, что Ильич с пьедестала
Светлой Иори приказ отдает,
Чтобы она по степи разметала
Соямы лучей, устремленных в полет.

Скоро прольется в безбрежье степное
Этот лучистый поток проливной.
Ленин родной над иорской волною
В образе света встает предо мной.

Перевод Александра МЕЖИРОВА

Кале БОБОХИДЗЕ

МУДРОСТЬ ЛЕНИНА

В даль зовет дорога голубая,
Медленно отчалил теплоход.
Но ни днем, ни ночью, не смолкая,
Ширится над Волгой гул работ.

Поднялась бетонная громада
Из холодных, девственных глубин,
Волны, как взбесившееся стадо,
Атакуют лопасти турбин.

Знаю, будет смята их атака,
Вспыхнет в небе лезвие луча.
Люди добывают свет из мрака,
Прославляя имя Ильича.

В этом имени такая сила,
Что пред ней ничтожен динамит.
Пять морей оно соединило —
Пять материков объединит.

Перевод Евгения ЕЛИСЕЕВА

Прощай, Волгоград!
В бесконечной дали
Плывет самолет,
Улываает, поет.
По синей полоске,
Внизу, на канале, —
Как малая чайка,
Большой пароход.

Несет моя птица меня...
А под нами
Поля и овраги
Цветными коврами,
Леса и луга,
Золотящийся день,
А вечером —
Только огни деревень,
Огни городов,
Поездов огоньки,
Вечерние
Крохотные светляки.

Загягивает,
Обнимает простор.
Мы словно
Попали в таинственный невод.
Но вот отпускает нас
Темное небо,
Под нами — огней
Бесконечный узор.
Он близок. Молчим.
Замирают слова...
И вот уже нас
Озаряет Москва.

И вот уже стаял
Пропеллерный ветер.
И вот уже город,
И Кремль — это он!
Бессонное сердце
Большого столетия,
Великое зарево
Ленинских знамен.

Перевод Владимира СОКОЛОВА

РЯБИНА

Я на поезде ехал и думал о вас,
Любовался полями и рожью.
Не скрываю, красив мой родимый Кавказ,
Как и ваше красиво Поволжье.

Мимо плыли деревни, сады, города,
Вырастали дома-исполины...
Я, признаться, впервые увидел тогда
Грезды красные русской рябины.

И стояла на поле, пылая свечой,
Величаво, красиво и просто.
Я с грузинской сравнил бы ее алычой
И воскликнул: «Они ли не сестры?»

Я хочу, как они, молодеть и цвести,
И навеки с Россией сродниться.

Хорошо бы в Тбилиси рябине расти,
Алыче бы на Волге прижиться.

И рождались в душе за строкою строка,
Зрели песней никем не пропетой.
Может, здесь вы стояли с двустволкой
в руках,
Любовались погожим рассветом...

Как бы ни было там...
Но от русских полей
Вам, великому русскому сыну,
Привезу обязательно я в мавзолей
Алычу и родную рябину.

Перевод Василия НИКОНОВА

Алеко ШЕНГЕЛИА

ЛЕНИН

Он родился весной. Он умер зимой.
И навеки оставил в наследство весну нам.
Мы идем по весенней дороге прямой
Вслед за партией, в мире просторном
и юном.

Он весну человечества в сердце носил,
О себе забывая, трудился упорно.
Мы жалея для потомков ни жизни, ни сил
И растил терпеливо грядущего зерна.

И когда в январе на просторе седом
Дни и ночи бушуют ветра и метели,
Люди думают светлую думу о том,
Кто родился весной, в далеком апреле.

Мчится время, раскатами лет грохоча,
Снова полнится соком весенним, как чаша,
Освещенная лампочками Ильича
И кремлевскими звездами родина наша!

Перевод Александра МЕЖИРОВА

Первую песню и первое слово
я посвящаю от сердца ему,
верному другу наречья родного,
кто предоставил мне вольное слово —
Ленину!

Видится мне наяву,
как из родного гнезда вылетает
песня абхазская — и в небеса! —
как моя родина гордо срывает
черный платок с молодого лица.
Я говорю и с грузином и с русским,
с равными равный, и это — навек.

В нашем дерзанье почетном и трудном
ленинский мы сохранили завет.
Милые села, где россыпью злата
всюду сверкает абхазский язык,
наша надежда и наша отрада,
он расцветает в краю, где когда-то
словно частица природы возник.
В песне народной, в легенде и сказке
Ленин увидев всю силу его...
С нами всегда говорит по-абхазски
преданный друг языка моего.

Перевод с абхазского Станислава КУНЯЕВА

Реваз АСАЕВ

Я ВИДЕЛА РОДНОГО ИЛЬИЧА

*По рассказу горянки Ольги Плиевой
несколько раз видевшей Владимира
Ильича Ленина в 1920 году.*

Двадцатый век —
Он на своих весах
Мое двадцатилетье строго взвесил.
Стояло лето, и тревожный ветер
Летел в наш край на красных парусах.

В сердца всеял уверенность и силу,
Звал грудью встретить недруга в бою.
В тот грозный год я в партию вступила,
Чтоб посвятить Отчизне жизнь свою...

Враг наступает с яростным упорством,
Но гнев зовет нас дать ему отпор.
Горячий бой идет в ущелье Рокском,
И выстрелы гремят на склонах гор.

Октябрь!
Его дыханьем и гореньем
Осегия моя озарена.
И чаша асенародного терпенья
Вскипает, переполнена она.

Мы были беспощадны в каждой схватке,
Освобождая горы и дуга.
Отгоченный кинжал до рукоятки
Вонзали в сердце каждого врага.

Вдохнул народ мой радостно и гордо,
Сбылась она, заветная мечта.
Ильич знамена правды и свободы
Прислал за грань Кавказского хребта.

Еще следы боев и разрушений
Повсюду были явственно видны,
Но в красную Москву позвал нас Ленин,
Туда стекались люди всей страны.

Могла ли я подумать, что когда-то
Увижу сон заветный наяву?
В руках мандат —
Я еду делегатом
На Всероссийский женский съезд в Москву.

Остались позади хребты Кавказа,
Летит состав, по рельсам грохоча.
Спешу я в сердце Родины с наказом
К нам пригласить родного Ильича.

Мне земляки с ним встретиться везели,
Сказали: «Где живет он, разужнай,
У дома подожди, а выйдет Ленин —
Ты пригласи его в наш горный край!»

Друзья мои!
Я счастлива безмерно,
Что шла по Красной площади тогда.
И надто мной Кремля седые стены
Стояли, словно горная гряда.

Ни мавзолея не было, ни следы.
Спешил с работы трудовой народ,
И вдруг воскликнул кто-то рядом: «Ленин!»
Смотрите, Ленин вышел из ворот!»

Его улыбка светлая согрела
Меня в незабываемый тот час.
Но растерялась я и не успела
Тогда заветный выполнить наказ.

Потом в глубокой видела печали
Я Ильича. Мне скорбь сдавила грудь.
Когда Инессу Арманд провожали,
Соратницу вождя, в последний путь.

Знамена к гробу красному прильнули.
 В молчании застыл Колонный зал:
 Ильич стоял в почетном карауле,
 В руках ушанку черную держал.

Улыбка всем знакомая исчезла,
 Во взгляде отражались грусть и боль.
 Он знал — ушел от нас товарищ честный,
 Испытанный нелегкою борьбой.

Прощаясь с большевичкой, как с солдатом,
 Прошедшим сквозь лихие грозы дней,
 Он тяжело переживал утрату —
 Ильич всегда умел ценить людей.

И вновь в Москву вела меня дорога.
 Да разве я забыть о том смогу,
 Как ехала с посланцами Востока
 В столицу делегатом от Баку.

Ильич нас принимал в кремлевском зале.
 Внимательно и чутко слушал он,
 Как люди разных наций выступали —
 Востока большевистский легион.

На многих языках в Кремле звучали
 Слова посланцев Родины моей.
 Я знала — Ленин видел за речами
 Все нужды и стремления людей.

Он хорошо знаком был с нашим краем,
 Где жизнь орлиный начала полет.
 И требовал, вопросы задавая,
 Чтоб был предельно точен перевод.

Он, обхватив рукою лоб высокий,
 Заметки заносил в свою тетрадь,

Грядущий день Советского Востока
 Сумел для нас открыть и показать.

Тогда в Большой театр нас пригласили,
 Полно людей. Сидим к плечу плечо.
 Казалось, собралась тут вся Россия,
 Чтоб встретиться с любимым Ильичем.

Когда он вышел — гром рукоплесканий.
 Взлетел, как несмолкающий прибор.
 Мы видели, что вождь народов с нами,
 Живет судьбою нашей и борьбой.

На сцене председатель был растерян;
 Он знал — утихомирить шторм нельзя;
 Тогда часы спокойно вынул Ленин,
 Сказал: «Нам время дорого, друзья!»

И сразу же утихла буря в зале.
 И а наступившей чуткой тишине
 Слова вождя родного зазвучали
 О Родине, о мире и войне.

Он говорил о будущем России
 Устами умудренного отца.
 И вещи слова мы заносили
 Навечно в открытые сердца...

Осетия моя!
 Великий Ленин
 В твой горный край приехать не успел,
 Но даже в самых маленьких селеньях
 Видны следы его высоких дел.

Всегда и всюду он шагает с нами,
 Ведет страну дорогами побед.
 Над миром реет ленинское знамя
 И негасим его горячий свет.

Перевод с осетинского Игоря Лашкова

Ладо СУЛАБЕРИДЗЕ

Вот лижет соль олене стадо,
 внимая шорохам земли.
 В лесах весна уже настала,
 и ты прислушайся, замри...

Тогда, к исходу гульбищ зимних,
 лишь март, насупившись, мокрел,
 Тогда еще не взяли Зимний
 и не являлся в мир апрель.

Сейчас же почки раскрывает,
 не только солища дивный свет,
 и ленинская мысль живая
 в природе оставляет след.

Горят неистово пожары
 суровой яростной борьбы,

и нет такой страны, пожалуй,
 где есть безмолвные рабы.

И всех великих проявлений
 людских стремлений сил и дел
 есть двигатель единый — Ленин.
 Он вечный двигатель людей.

Но будут тягостные жертвы
 из наших сожнутых рядов;
 потом наступит время жатвы
 всех человеческих трудов.

Теперь же над планетой нашей,
 сметая гниль и лед и сель,
 все радостней, весенней, краше
 проходит ленинский апрель!

Перевод Сергея АЛИХАНОВА.

Это было письмо
из Кремля, из столицы:
— Ждите Ленина,
Ленин у вас исцелится...
И зажмурил глаза
и раскрыл широко —
потому что глазам
не поверил Серго.
Повторяла делеша
слова золотые —
до единого слова —
и все запятые.
— Ленин едет! —
несется по Грузии весть.
— В гости едет...
— Приехал...
— Давно уже здесь...
Так горюпит молва
драгоценного гостя,
и в давящую летят
виноградные гроздья.
И надеется шваб
в самом бедном доме,
что Ильич как-нибудь
завернет и к нему.
Стол готовят и дом,
и в дорогу гостинец —
и суровый хевсур,
и мегрел, и рачинец.
Еле слышно под ветром
шумят дерева —
золотая листва —
золотые слова...

Черноморские волны
притихшие рады
ильичевы омьт
незажившие раины.
В круг сошлись для совета
с горою гора,
словно в белых халатах своих
доктора.
Всё — ему:
милосердые осенней погоды,
и земные плоды,
и людские заботы.
И согласно
правительственному письму
уже не выздороветь
невозможно ему!
Так и было и шло —
только вышло значе.
Он тогда не доехал
до Грузии нашей.
Придетела другая —
горчайшая — весть...
Но молва справедлива:
он все-таки здесь.
Он во всем и везде —
исцелившийся Ленин,
и не надо читателю
Перечислений.
Правдой жизни своей
сам Ильич — в свой черед —
исцеляет сердца,
вдохновляет народ.

Перевод Владимира ЛЕОНОВИЧА

Теймураз ДЖАНГУЛАШВИЛИ

БАЛЛАДА О СКРИПКЕ

И смотрит ссылный из окна, как закружились бесы пушкинские.
Разбито вдребезги пургой молчанье неба, как стекло.
И ветры, как гонцы земли, со всех концов несутся в Шушенское.
Но жизнерадостный огонь гудит — и в комнате тепло.

Возможно ли глухую тьму развеять по земле беспомощной?
Он видит свет, далекий свет, сквозь непроглядность этой тьмы.
Пускай и ссылки и тюрьма, но жизнь он сделает безоблачной.
Поднимет, поведет людей, которые пока немы.

И революций твердый шаг отсюда начинался исподволь,
Из мглы заснеженных полей, из темной, маленькой избы.
Произносила в эту ночь природа горестную исповедь
Пред Лениным о том, как в ней живут бессмысленно рабы.

И Ленин слушал у окна и видел пред собой измученных.
Он устранил земли своей извечный, тягостный недуг.
Потока гнева и борьбы быстрины видит и излучины.
Но кто-то в дверь его стучит, и к Ленину приходит друг.

И Ленин с другом со своим тепло, по-братски поздоровался.
 Гость входит в комнату, с собой он скрипку бережно принес.
 А небо бьет крылами туч, земля сугробами коробится,
 И черный снег, бескрайний снег, все занавесил, все занес.

Внезапно ветер подхватил и вынес из избы мелодию,
 Ее рассеял по полям, в снегах заставил заиграть.
 Как будто скрипке этой дан наказ Кирилла и Мефодия —
 Составить азбуку борьбы и гимн свободе написать.

И утро мира занялось, и дрожью грозной и нешуточной
 Пробрало землю сквозь снега, запахло почками, весной.
 И «Баркарола» разнеслась по русской по земле, по Шушенской.
 И с красным знаменем зари вставало солнце над страной.

И Ленин говорит: «Еще, сыграй еще». Его стремление
 Себя всего отдать борьбе еще осветит мир огнем.
 И Красников играет вновь. И ясен, светел облик Ленина.
 Еще не ведает никто: Россия сердце бьется в нем.

Он скоро миру принесет свободу и освобождение.
 Его идеи и труды, его неповторимый ум
 Разгонит рабства подлый мрак—народов злое наваждение.
 А музыке — единый час, всю жизнь — гореную дел и дум.

А в Шушенском еще темно. Окна нетленное мерцание.
 Темны овраги и холмы, леса и реки и простор.
 Россия спит, и спит Сибирь, и, как застоя отрицание,
 Не спит лишь Ленин. Мысль свою он над землею вдруг простер,

Чтоб пробудить прекрасный мир от сна тяжелого и долгого,
 Чтоб осветить бескрайний путь великой Красною звездой.
 Мир просыпается. Плынут удары сердца очень доброго,
 Как колокола перезвон, над всей землей, над всей землей...

Перевод Сергея АЛИХАНОВА

Тамаз ЧИЛАДЗЕ

ЛЕНИН

Острый выстрелов звук доносился.
 Ошетилилась баррикада.
 И, как сердце восстания, бился,
 Бился Смольный в груди Петрограда.

Смольный... Залпы звучали все глуше...
 Ждали Ленина с жарким волнением.
 И спустился по лестнице Ленин
 И вошел навсегда в наши души.

Перевод Владимира СОКОЛОВА

Джансуг ЧАРКВИАНИ

СЛУШАЙТЕ ЛЕНИНА

Голубеет апрель,
 И песни о жизни нетленны.
 У монумента вождя
 Звучат они в радостный час.
 Не видели мы Ленина,
 Но Ленина
 Сквозь битвы и сраженья
 видел нас!

Природа поет,
 Зеленеют побеги растений
 И всевластно уже
 Они прорастают сквозь наст.
 Не видели мы Ленина,
 Но Ленина
 Сквозь битвы и сраженья
 видел нас!

Знамена кипят,
Озаряя глубины Вселенной.
И взлетают ракеты,
Металлом на солнце лучась.
Не видели мы Ленина,
Но Ленин
Сквозь битвы и сраженья
видел нас!

Голубеет апрель,
И песни о жизни нетленны.
И счастлива юность
Всех народов и рас.
Не видели мы Ленина,
Но Ленин
Сквозь битвы и сраженья
видел нас!

Мощный разум его
Вновь ведет в наступленье

И светом своим
Озаряет дорогу для масс.
Не видели мы Ленина,
Но Ленин
Сквозь битвы и сраженья
видел нас!

Планета к весне
Продолжает всевластно
движение.

Запад притих,
Под знаменами
замер Восток.

Слушайте все,
Слушайте все,
Это Ленин
Вновь говорит
С трибуны грядущих эпох!

МОСКВА, 21 ЯНВАРЯ

Ветер крут.
На площади
Очередь с утра.
Люди ждут.
Люди ждут —
А шумят ветра.
Вот
пришли так рано
Дети, старики.
Но пробьют куранты —
Зазвучат шаги.
Солнышко негромкое
Площади к лицу,
И летит поэмка
Как в седом лесу.

Но идет держава.
Траур вечных плит
Гения и славу
Бережно хранит.
Как кизил, алеет
Солнце у Кремля.
Щепчут губы:
Ленин,
Родина,
Земля.
А по всей России —
Белый, белый снег.
А над всей Россией —
Негасимый свет.

Перевод Семена ШАХБАЗОВА

Морис ПОЦХИШВИЛИ

ОН РОДИЛСЯ ВЕСНОЙ

Как весна начинается?
Исподволь,
шагко и валко.
Из-под снега проглянет —
и озябнет фиалка.
Ветрен март —
у него же тепла она просит
и цветет так доверчиво,
а ее и знобит и морозит.
Нет погоды надежной.
Погодки, погодки...
Но за мартом «безумным»
апрель занимается кроткий.
Набирает тепло.
Там, где зимние склоны серели,—
зеленеет,
и скоро там будет так буйно-бело...
Он родился в апреле.

Зацветает миндаль.
Это верный сигнал, эстафета
первых робких цветов,
непременного белого цвета —
и пошло! —
обегают долины
и в горы взлетает пернато,
чтобы вспыхнуть в июне
неистовым светом граната.
Так грузинское лето вскипает —
котел колоссальный...
Кое-где
высоко
еще светится кустик миндальный —
отблеск, память весны,
легкий тон акварели,
но строфу мы закончить должны.
Он родился в апреле.

И, по-старому,
в первой его половине,
когда лед проплывает по Волге —
по тихой, по ясной равнине,
и почти он прошел,
только изредка
у середины,
словно лебеди,
в сумерках
редкие светятся льдины.

Это дивное время...
А что тут недавно творилось,
когда это ломалось
и в Каспийское море ломилось...
Боже мой!
Давка, гомон и ропот
и вздох обретенной свободы.
Он родился в апреле,
в часы просветленной природы.

Перевод Владимира ЛЕОНОВИЧА

Дилар ИВАРДАВА

ВЛАДИМИРУ ЛЕНИНУ

Отрывок из поэмы

Покончено с рабством!
Великий Октябрь
Сияет теперь над планетой.
Позорное рабство
Не будет вовек
Унылою нашей планидой.

Поставлена точка.
И тот человек
Нас вывел из бездны, как светоч.
Он в судьбах народов,
В делах всей земли
Всегда прозорлив был и сведущ.

Корабль угнетенных —
Родную страну
Направил он в море Свободы.
Под знаменем красным
За ним мы пошли —
За нами пойдут все народы!

И все эти годы
Он шел впереди
В вернейшем из всех направлений.
Мы знали — и в войны,
И в радость побед
Ведет нас всевидящий Ленин.

И мы победили.
Наш молот и серп —
В лучах благодатного солнца.
И герб наш — свобода,
И честность — наш герб.
Вперед мы ракетой несемся.

Навеки он с нами,
Могучий кузнец
Большого народного счастья.
И наши успехи
В борьбе и трудах
Народной достигнуты властью.

И ясная правда
Сопутствует нам
В труде вдохновенном, победном.
Мы учимся, служим,
Мечтаем, живем
По ленинским мудрым заветам.

И Ленина образ
В свеченьи знамен,
Над миром восторженно рея,
Проносится нами
По нашей земле
В дни ленинского юбилея.

Перевод Василия ЗАБЕЛИНА

Грузинская поэтическая Лениниана

Грузинская поэтическая Лениниана родилась «в ночь на 25 октября 1917 года». Эти слова — «в ночь на 25 октября 1917 года» с добавлением — «Кутайси» были приписаны Тицианом Табидзе к стихотворению «Петербург», в котором грузинская поэзия устами одного из блистательнейших своих представителей впервые произнесла имя «Ленин». Таким образом, имя это пришло к нам вместе с первой телеграфной вестью об Октябрьском перевороте, вызвав в воображении поэта образ и облик революционного Петрограда:

Ветер с островов курчавит дужи,
Бомбой взорван воровской притон,
Женщины бредут, дрожа от стужи.
Их шатают ночь и самогон.
Жаркий бой. Жестокой схватки звуки.
Мокрый пар шинелей потных. Мгла.
Медный всадник опускает руки.

Мойка лижет мертвые тела.
Но ответ столетий несомненен,
И исход сраженья предreshен.
Ночь запомнит только имя «Ленин».
И забудет прочее, как сон.

(Перевод Б. Пастернака)

В эти дни, в эти «звездные дни» человечества, другой грузинский поэт, которому история и непомерный поэтический дар определили быть гениальным выразителем духа своей эпохи и души своего отечества, — Галактион Табидзе, — оказался единственным из грузинских поэтов очевидцем Октябрьских свершений в Москве и Петрограде, свидетелем исторической материализации романтических мечтаний, которыми всегда обуреваема и юность поэта и юность мира и которая на рубеже эпох так естественно связывалась с именами Уэллса или Джека Лондона. Но вместе с Александром Блоком и Джоном Ридом, вместе с Владимиром Маяковским и Валерием Брюсовым ему открылась в те дни не «Россия во мгле», по печально-знаменитому выражению Уэллса, а яркая вспышка света, озарившая мглу потрясенного мира:

Уэллс и Джек Лондон — и лучшей оснастки
Юности шхуна на всех парусах,
Мачты согнув, вылетает из сказки —
Прямо на рифы — и небо в глазах.
Из огня — в полям!

Будто исконные связи наруша
Косного камня и гибкой воды.
Сердца восторг и потайная стужа.
Цвет облетит — и созреют плоды,
Роза ветров — на дыбы —

Что же, я выпью
Чашу, Россия, — и в путь роковой,
Все раскачал колоссальною зыбью
Марш

и пожаром
Искры мятежные ввысь взнесены.
Над ледяным и ночным полшаром —
Света полоска — кромка весны.

петербургский

трагический

твой —

(Перевод В. Леоновича)

А петербургские видения, возникшие перед взором поэта, были одновременно прекрасны и трагичны, страшны и величественны, кровавы и одухотворенны, а короче и точнее — революционны в прямом и единственном смысле этого слова:

Черная морось и полночь морозная —
Полночь святая во имя любви.
Кровь переулками хлещет веиозная:
Город недаром стоит на крови.
Шорох обоев — как будто тишайшая
В доме разбитом слышна лития.
Резкая, трепетная, высочайшая

Над переулком — звезда бытия.
...В небо взлетает видение города —
Огнеобъятого — в тучах ночных.
— Стой! Кто идет? — О, как знобко и
молодо
У парпетов твоих ледяных!

(Перевод В. Леоновича)

И вот поэт, для которого события революции не могли не соотноситься с судьбой далекой родины, временно оставшейся за пределами этих свершений, пишет свое знаменитое петроградское послание грузинским друзьям:

О, разве я не жажду вместе с вами
Принять наследье предков и беречь
Дарованную нам святую чашу!
И быть на страже тех обетований,
Исполненных достоинства и чести?
И разве эта гордость не по мне?
Но, верьте, летописец вдохновенный,
Счастливей очевидец наших дней,
В свои тома многовековой кладки,
В страницы неподкупных фолиантов —
Иные откровения занесет.
Он засвидетельствует: рухнули громады,
Сорвались скалы с мест тысячелетних,
Над миром вихрем пронеслись самумы,

Достигнув Грузии. И в них, в их
сердцевине,
Неслыханная зазвучала лира —
Души грузинской праведная плесь!
О, как же я хочу — хотя бы на день
И к нам завлечь крылатую свободу,
Расправить крылья под ее крылом!
Какая злейшая несправедливость,
Чтобы такому, господи, уделу,
На белом свете, как моя отчизна,
Не выпал революции удел!
Оркестром вулканическим да грянет
Моя мечтой озвученная лира!

(Перевод Г. Маргвелашвили)

Все эти «петербургские строфы» Галактиона Табидзе мы вспоминаем именно потому, что как раз на фоне этих видений и благодаря такому видению вошел в его душу и в его поэзию образ Ленина. И недаром в стихах, закрепляющих размышления и воспоминания о революционной России, в стихах, как бы зародившихся на корабле «Далаид», возвращающем поэта на родину, впервые прозвучало у него имя вождя революции:

Медленно плыл я, и «Далаид» стоял над волною,
Словно Нарцисс, очарованный собственной тенью.
Темные лавры томили меня и влекли за собою,
Лунные лилии их стерегли в отдаленье.
Я возвращался на родину новой дорогой.
Поднят с постели, томился и хмурился малость.
Отчая кровля казалась такой бесконечно далекой.
Да была ль она? Может быть, лишь вспоминалась?
Воспоминаний толпа вслед за мною летела.
Ленин. Москва. Петроград. Кремль... И в дрожанье и в стуже
«Далаид» волну рассекал, и Черное море кипело...
Взгляд затуманили первые слезы разлуки.

(Перевод Н. Заболоцкого)

Мы не ошибемся если скажем, что «Далаид» Галактиона Табидзе и «Петербург» Тициана Табидзе едва ли не первые по времени стихи в мировой поэтической Лениниане. Они созданы в Октябрьские дни за три года до победы в Грузии Советской власти. И тем более оказались они закономерным воплощением тех настроений и чаяний, которые лелеял в душе грузинский народ и наиболее прозорливый, ясновидящий авангард его интеллигенции. Позднее эти настроения и эти впечатления примут в стихах грузинских поэтов еще более конкретное и точное очертание, и к романтической символике стихов-очевидцев добавятся реалистическая хроникальность и социальная обобщенность стихов-воспоминаний. И «видение города», представившееся взору Галактиона Табидзе в 1917 году, в двадцатых годах подчинится у него уже несколько иной, а бы сказал, рационалистической, режиссуре, с более четкой мизансценировкой:

Однажды ночью мы сквозь снег
Шагали — грудь дышала вольно,
И вдруг перед нами — как во сне,
Виденем небывалым — Смольный.
Бессмертным Смольный той поры —
И грозный меч и молот ярый!
Слилась в единый с ним порыв
Шестая часть земного шара.

Бессонный Смольный, страж времен,
В пылу уверенной работы,
Великой думой озарен,
Казался символом Заботы!
И встретив пулеметный ствол,
Зиявший дулом из расщелин,
На окрик: — Кто вам нужен? Стой! —
Не дрогнув, я ответил: — Ленин!

(Перевод И. Поступальского)

25 февраля 1921 года, с победой в Грузии Советской власти, вместе со страницей Истории перелистывается и страница грузинской Ленинианы. В трудную и сложную пору осмысления новой исторической реальности грузинская поэзия именно в Ленине видит оплот и гарантию не только социального, но и национального возрождения своего отечества, твердо уверовав в ленинскую заповедь о незыблемом праве наций на самоопределение и о том, что «интернациональная культура не безнациональна», как это представлялось не-

которым вульгаризаторам и жетолкователям революционной и социалистической доктрины. Глубокое понимание истинных духовных основ и гражданских предпосылок стремительно и бурно мчащегося исторического потока савозило уже в блестящем поэтическом экспромте Паоло Яшвили «Новой Грузии», произнесенном им весной 1921 года и явившемся первым откликом в грузинской поэзии на победу в республике власти Советов:

Ворота Азии! В огнях зеленых
Переливается росистый сад,
Легенды прошлого в твоих знаменах
Неуловимым шепотом звучат.
О Грузия! Ты рабства не страшилась!
В чужом господстве не нуждалась, нет!

Лишь небеса оказывали милость,
Одев тебя свечением планет.
Коней твоих, винтовки, патронташи
Скорей готовь на справедливый бой:
Мы увенчаем будущее наше
Железным братством с красною Москвой!

(Перевод И. Сельвинского)

Разумеется, среди грузинских поэтов, так же как и в грузинской интеллигенции в целом, понимание и оценка революционных событий были далеко не одинаковы. Но можно без преувеличения говорить об единодушной дань уважения и восхищения перед разумом и волей Владимира Ильича Ленина. Даже представители так называемых правых литературных группировок, в те годы довольно сильных и многочисленных, занимавших весьма далекие, а порою и осторожные по отношению к новой исторической реальности позиции, признавали не только всемирно-исторический масштаб и значение деятельности Ленина, но и удивительную силу и цельность, нравственную высоту и гражданскую безупречность, интернациональное бескорыстие и гениальную одухотворенность самой его личности. Так, например, главный и наиболее солидный общественно-литературный орган упомянутых выше течений — журнал «Кавказские» в первом же своем номере, вышедшем в феврале 1924 года, в одной из программных, по сути редакционных, статей, открывающих журнал, давал такую оценку деятельности и личности Владимира Ильича Ленина:

«Ленин — удивительнейший феномен истории. Мир на последних стадиях своего существования не знает столь цельной личности. Эпохальным европейским типом до сей поры оставался Гамлет. Гамлетизм был свойствен почти любому историческому деятелю Европы. Ленин — первый в европейской эре человеческой истории — антипод Гамлета, личность цельная и неделимая, подобно пламени огня. С него начинаются новые рубежи.

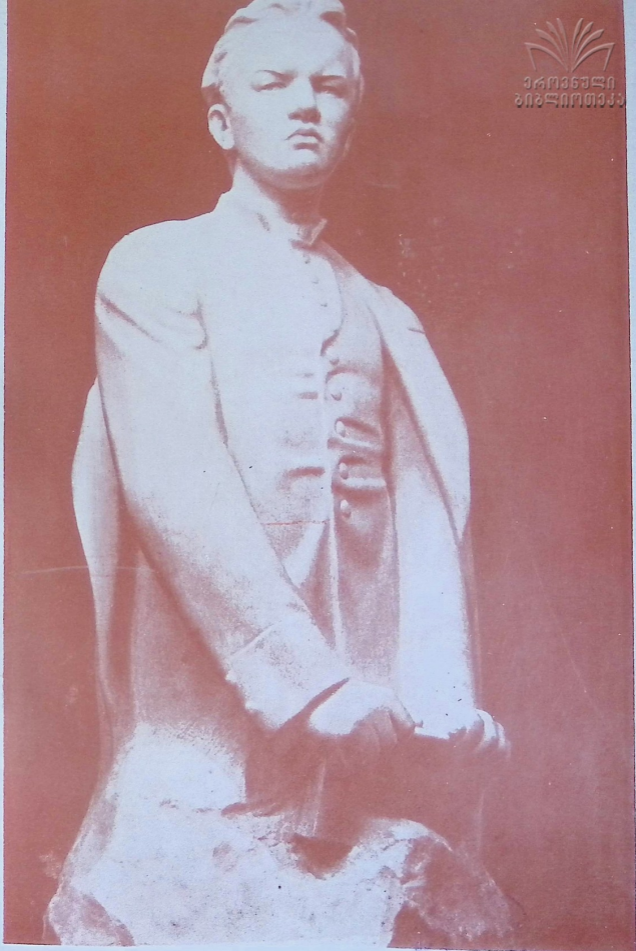
О ленинском феномене будут написаны тома. Поражают в нем: идеал интернациональный и природа национальная, слитые воедино...

Примат воли!.. Но волю в нем не следует противопоставлять интеллекту. Как раз в этом феноменальность Ленина. Разумеется, иной может окончить четыре университета и тринадцать факультетов, поднять и разрешить с редкой оригинальностью тысячу проблем. Мы имеем в виду не это. Мы говорим об интеллекте, который дан как бы в самом «фатуме», в «роке» — в их античном понимании. Отсюда берет начало великий инстинкт, присущий Ленину: мгновенное постижение всего без помощи томов и трактатов. Этим же порожден его точнейший и безошибочный глазомер. Отсюда же и его революционная целеустремленность, и его революционный такт.

Ленин — величайший революционер. В этом у него нет равных. Не нужно бояться смелых утверждений. В Европе революция предвещала и приносила главным образом перераспределение материальных благ. В России же революция переросла во вселенскую проблему. Во всяком случае, своим лафосом и романтикой. Этот пафос и эта романтика созданы Лениным. Но, разумеется, романтика — не как малокровная «метательность». Более того: в лице Ленина воплощена новая натура революционера. Здесь воля и разум суть едины.

Отсюда — вывод: вслед за марксизмом родился ленинизм... Об этом будут написаны тома. Ленин — Судьба, а следовательно — Судия. На такой «суд» по отношению к миру еще не решался никто. И такое возмездие еще не постигало капиталистическую систему. Само имя его — «Ульянов-Ленин» — подобно урагану. В Ленине нет ничего, что может оставить равнодушным. Он нестигаем и неуязвим. Он неумолим, но — неумолимостью творца и художника. «Личное» в нем как бы стерт, ибо сквозь него проглядывает лик самой истории. Таким бывает только «фатум». В этом его сила и мощь.

Многое еще можно сказать, но достаточно одного: тот, кто испытал, что такое рабство — гнет — голод — унижение — страдание, — не может не принять революцию; тот, кто испытал, что есть свобода — ликвидация рабства — возрождение человеческого достоинства — обновление мира — самоопределение народов, — не может не произнести имени Ленина независимо от партийной соотнесенности и программ.

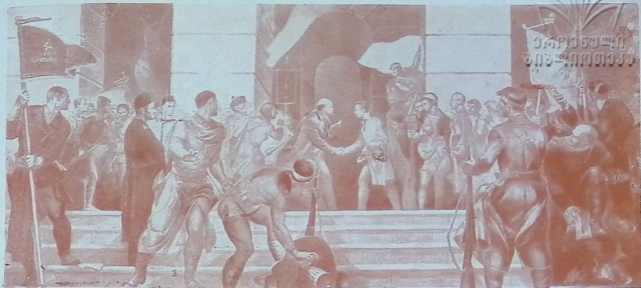
«Ленин — гимназист». Скульптор В. Цигель.

30
1950
1950

88.30.3

«Возвращение Ленина из Финляндии», Худ. Г. Джаши.

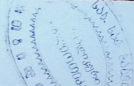

«10 дней, которые потрясли мир». Худ. Д. Хундадзе.

«Штаб Октября». Худ. И. Вепхвадзе.

89.303

«С. Орджоникидзе и С. Киров». Худ. С. Мансашвили.

Когда радио оповестило мир о его смерти — наверное, содрогнулись волны эфира. И вряд ли найдется в мире человек, которого не потрясла смерть Ленина».

Смерть Ленина вписала скорбные и мужественные страницы и в грузинскую поэтическую Лениниану. Траурным январем 1924 года сложились стихи Галактиона Табидзе, на высоких нотах плача, веры и клятвы передающие состояние, которым были охвачены Москва и весь мир, поэт и человечество в те памятные дни:

Город изглодан тоскою и горем:
Окна ослепли и скваны скверы.
Ленин недвижен. Но двинулось море,
Круша непогоду,
Хлынуло валом в закрытые двери.
— Настежь! Дорогу слезам непокорным! —
И голоса, надрываясь, валторны,
Рыдают фаготы...
Я до конца осушу эту чашу,
Вылью до дна, как целебное зелье.
Город изглодан тоской и горчайшей
Отравой вшпелен.

Ленин — постыдного выстрела жертва,
Трех сатанинских кровавых метелей,
И все же: трех революций бессмертье
И сретенье — Ленин!

Чуют апостолы ленинской веры:
Снежной мечтой заперошены избы,
На перекрестках железного века
Стоит пролетарий.

Это: весь мир ожиданием пронизан,
Это: племен угнетенных сощетья
Светом, воистину новозаветным,
Планету одарят.

Клонятся долу победные стяги,
Близятся сроки всемирного лада,
Сбудутся в душах добра и отваги
Земные заветы:

Голод повержен, разбита блокада,
Сникли сплохи гражданских пожарищ,
Но приближается время, товарищ,
Восстаний, всесветных!..

(Перевод Г. Маргвелашвили)

Паоло Яшвили пишет стихотворение «На смерть Ленина», о котором вскоре будничней его переводчик Борис Пастернак, сам посвятивший Ленину блистательнейшие строфы и страницы, скажет: «Стихотворение Паоло — потрясающее. Я ничего живее и крупнее на смерть Ленина не читал». На смену романтической общечеловечности и философически-обостренному лиризму Галактиона Табидзе здесь приходит реалистически четкая, с элементами поэтической хроники и биографически достоверных свидетельств, пластически зримое описание, переданное с интонацией сдержанно-горестного рассказа:

Поэзия в почетном карауле
Неделю в скорби не смыкает глаз.
Тифлис умолк, как кладбище в ауле.
Шестую ночь среди травы предгорий
Ни ветра, ни молвы...
Но все замрет в тот час,
Когда народ в нерасторжимом сборе
На Красной площади Москвы
Предаст земле, даренья недостойной,
Прах Ленина...

Товарищи, Октябрьский вихрь
Притих на миг.
Пройдете в шель затишья песню горя.
Нет, никогда, так глубоко,
Друзья! Леван, Арчал и Залико!

И жарко так земля не горевала.
Вы помните ль годны небывалой
Источенный цингой и тифом визг,
Который ночью зимнею в Тифлис
Вы привезли к нам из-за перевала?
Вы помните ль про мрачный Петроград
В потемках девятнадцатого года
Рассказ ваш? И про питерских ребят
У Ленина, и как в потемках этих
Светился он заботою о детях
И подбирал их, как худых цыплят?
Так пусть сейчас толпою ребятнищ
Обступит гроб ватага слов монах.
Товарищи, Октябрьский вихрь
Притих на миг
Пройдете песню горя в дверь затишья.

(Перевод Б. Пастернака)

С Паоло Яшвили перекликается его друг и сотоварищ по недавним литературным спорам Валериян Гаприндашвили:

В цвет ворона облекся весь Тифлис,
Застывшая безмолвна высь.
Январская Кура — еще печальней.
Шумит она: в столице дальней
Скончался Ленин. Имя — ураган.
На холмах Грузии — туман.
...Стоит почетный караул:
С таким лицом он сторожит,
Как будто прах вождя лежит
Пред ним. Стихает улиц гул.

Молчаньем громче выражают
Боль, что терпеть уже не в мочь.
Из типографий мчится стая
Газет, чернеющих, как ночь.
Не скоро с сердца боль мы снимем:
Так вечно зеленеет ель.
...Ленин — это нежнейшее имя,
Которое детям дают: Нинель!

(Перевод А. Чачикова)

Смерть Ленина, обрушив на мир очистительное горе, еще сильнее сплотила вокруг пророческих заветов вождя людей доброй воли, готовых в этот миг «сой-

ти на нет в революционной воле». И воистину — «стала великим коммунистом-организатором даже сама Ильичева смерть». В год ленинской смерти прозвучал Галактион Табидзе и свою знаменитую клятву, в которой от имени всех грузинских поэтов, в преддверии новых мировых бурь и катастроф, присягнул в верности ленинским заветам. Стихи открываются грозным предчувствием:

Вновь мне снятся траншейные ходы.
И, отчаянием сердце наполнив,
Снятся в скалах раскат непогоды,
Снятся отсвет полуденных молний.
Это танковых гусениц скрежет.
Это ливней свинцовых работ.
Луч прожектора шарит и режет
Черный мрак по следам самолета.

И дальше звучит клятва:

Нам, поэтам грузинским, не вновь
Сумасбродства кровавой метели,
И мы знаем, в какое станье
Занесет Сюареса с Клоделем.

Имя Ленина, облик Ленина, мысль о Ленине естественно вплетаются и в воспоминания о давнем и недавнем прошлом, и в осмысление магистральных событий настоящего, и в пристальную думу о будущем. Образ Ленина сопровождает поэтов по маршрутам времени и пространства. С ним связаны прочнейшие комплексы самых благородных и гуманных чувств — международной солидарности, социальной справедливости, духовной свободы и раскрепощенности, интеллектуальных дерзаний и круговой поруки культуры и творчества.

Имя Ленина звучало буквально у колыбели целых поколений, сплетаясь с первыми воспоминаниями детства, с памятью об отчем доме и революционных традициях грузинского народа. Вот весьма характерное стихотворение Карло Каладзе «Ленин в Тбилиси»:

В ту тревожную ночь мокрый ветер и мгла
Из распахнутой двери обдали меня,
И багровая морда жандарма вспыхла
Прямо в блики того боевого огня:
Жег отец мой бумаги, Горящий листок
В этой ночи мой путь озарил через тьму.
Как жандарм каблуками топтал — и не мог
Затоптать тот огонь, неподвластный ему!
Ничего, что, когда зарумянился день,
Черным трауром пепел лежал на окне;
Ничего, что я к матери жался, как тень,—
Тот огонь навсегда поселился во мне,
Хлопнул дверью, жандарм поутру ускакал,
Пол завален был рваными книгами весь.
И спросил я, как взрослый:—Кого он искал?

С далеким детством старших поколений перекликается (и вместе с тем контрастирует с ним) детство наших современников-малышей, с одним из кото-

Живет со мною по соседству
Мальчишка шустрый за стеной.
В его глазах сияет детство
Безоблачной голубизной.
Он непоседлив — ну и что же?
Зато сметлив, настойчив, смел,
И зубы белые, как мел,
Оттенены загаром кожи.
Он, словно птичка-невеличка,
Влетает в комнату ко мне,
Когда витаю в тишине
Гудков рассветных перекличка.
Малыш, как луч рассветный, ярок,
Ворвался в комнату мою.

И в ответ на огонь оружийный,
На рычанье стомиллиметровый,
Дружно грянут седые вершины
Гордым эхом ущелий суровых.
Желто-серые ржавые тучи
Перекроют багряные выси...
Может быть, этот сумрак гнетущий
И прорвется внезапно к Тбилиси.

(Перевод П. Антокольского)

Мы же станем, где Огненный Ангел
В окровавленном небе простерся.
В новых вихрях проходим чеканку
Мы, грузинской земли стихотворцы.

(Перевод Г. Маргвелашвили)

Мать ответила: — Ленина!

— Ленин был здесь?

Да, тогда уже Ленин был с нами, тогда
Жил незримо в Тбилиси, в огневском доме,
Вместе с первой строкой букваря в те года
Знал я Ленина имя и верил ему!
И повел меня ленинской мысли огонь,
Он, как яблоко, бомбу вертел, был он смел,
Жег врага с баррикад, уходил от погонь,
Из-под бурок дождем прокламаций летел.
...Ленин сердца грузинского слушает ритм,
Через годы в грядущее вскинув лалонь,
И над бронзой немеркнущим светом горит
Тот, знакомый мне с детства, бессмертный
огонь.

(Перевод М. Максимова)

Он получил букварь в подарок, —
И я об этом узнаю.
Страницы медленно листая,
Сидел мальчишка день за днем.
Задор будили буквы в нем,
Как в птичелове птичья стая.
И вскоре, как на ветке птицы,
Пять букв крылатых сели в ряд.
Слагаясь в слово на странице,
Они о многом говорят.
Впервые вывел слово Ленин
Мой друг, мой маленький сосед.
Пять букв, — как пять его побед!
Порядок строя неизменен.

(Перевод А. Межирова)

Как известно, Ленину не довелось побывать в Грузии, при всем его пристальном интересе к грузинскому революционно-освободительному движению с его интернациональными традициями и демократическим размахом, к движению, которое он считал образцовым еще со времен девяносто пятого года. Поэтому эта заманчивая и желанная тема стала часто воплощаться в форме поэтизированной народной мечты, как, например, в блистательной балладе Отара Чедиани «Он во всем и везде» или в стихотворении Георгия Леонидзе, где милободому сельскому учителю, остро сожалеющему о том, что Ленин не бывал на его родине, с наивной уверенностью возражает старый школьный сторож Каха:

Я-то видел его! Очевидец я!
Здесь мы голос ленинский слушали.
Разве не был он в каждой хижине
В дни, когда мы былое рушили?
Знал меня он! Клянуся я Лениным,
Наизусть он знал жизнь батрацкую.

Протянул он мне с алого знамени
Руку друга с улыбкой братского!
Улыбнулся учитель-юноша:
— Это верные рассуждения!
Каха, Каха! Сказал ты правильно!
...И читает он книгу Ленина.

(Перевод Л. Мартынова)

Книга Ленина, ставшая настольной для миллионов, сама всегда воскрешала образ «человечейшего человека», каким он и предстает в стихотворении Ладо Асатиани, так и названном — «Книга Ленина»:

Я прочитал чудесных книг немало
И упоенье испытал не раз.
В одних, признаться, сказка увлекала,
В других рисунки радовали глаз.
Иные чувства нежные будили,
Но перешли к любимой нль к друзьям.
А многие под слоем книжной пыли
Я сохранил, хоть им не верил сам.
Немало книг на полках полиняло
И в мрак ушло, свою судьбу кляня.
Но эта — самой драгоценной стала
И, словно воздух, нужной для меня.
Целитель древней скорби поколений,

Моих напевов гордость и венец, —
С ее листов ведет беседу Ленин,
Желанный и в безбрежии вселенной
И в запovedных тайниках сердца.
Когда б не свет зари ее высокой,
Иные беды подавили б нас.
И если бы не ленинские строки,
Мы реже б знали вдохновеня час.
Немало книг на полках полиняло
И в мрак ушло, свою судьбу кляня,
Но эта — самой драгоценной стала
И, словно воздух, нужной для меня.

(Перевод Г. Цагарели)

Вариация на тему «Ленин в Грузии» принимает у Георгия Шатберашвили более конкретные и реалистически мотивированные очертания, как бы приземляясь в высокогорной хевсурской деревне:

Как будто солнце темной ночью встало,
Разлив вокруг неугасимый свет.
Семь юношей в хевсурской сакле старой
Разглядывают ленинский портрет,
И кажется, что в тесной сакле горной
Сам Ленин у светилника сидит

И о борьбе тяжелой и упорной
Негромко с пастухами говорит.
Всяелят в них пылливый дух дерзая
Чудесный гость с прищуром мудрых глаз...
Он открывает первое собрание
Архотских комсомольцев в этот час.

(Перевод И. Снеговой)

Ставшая классической и хрестоматийной, после Маяковского, тема духовного общения с Лениным — «фотографией на белой стене» — своеобразно повторена у Мирзы Геловани (вскоре после этого погибшего на фронте Отечественной войны). К тому же здесь эта тема сливается и с другим не менее классическим мотивом — «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше».

В миг ли усталости, в час ли сомнений,
В день ли погони за трудным ответом,
Словно бы вняв череду откровений, —
Перед твоим постыть мне портретом.
Как ни устал я, но ясность настанет
В чувствах застывших на шаге превратном.
Едруп до предела понятно мне станет:
Вот перед кем я в долгу неоплатном.
Вижу, как, подняты делом и словом,
Грозно встают городские кварталы...
Цепь юнкеров перед зданьем дворцовым.

И крейсеров огневые сигналы...
Вижу я площадь, где правду святую
С броневика ты поведал солдатам.
Вижу Россию, босую, худую,
В пламени буйном, в дыму бородачом.
Вижу, молчу — и проходит усталость,
И безнадежность умчится в мгновенье,
И остается мне то, что осталось:
Творчество, поиски и вдохновенье.

(Перевод Ю. Ряшенцева)

Понятно, что грузинская поэтическая Лениниана становится не менее интересной, когда она из области воспоминаний и поэтической мечты, прозрений

прошлого и лирической исповедальности переносится на почву повседневности: черная тема и образы в сфере практического воплощения ленинских замыслов и предначертаний. Именно так, воплощенным в одну из социалистических повестей, оживает имя Ленина в стихотворении Ираклия Абашидзе «Лучи ленинского света»:

Сегодня, через несколько минут
Иорская вода придет в Самгори,
Посадку лоз колхозники начнут,
Ряды встанут саженцы на взгорье.
Сегодня вмиг иорская волна
Соленые озера обессолит,
Над Сацхенис свет зажжет она
И ночь лучами к бегству приневолит.
Сегодня, через несколько минут,
Сады, как по условному сигналу,
К прохладной влаге радостно прильнут,
Вода Самгори вылетет по каналу
И, пробудив бесплодные поля,
Чью почву зноем солнце опалило,

Она ворвется, пенясь и бурля,
В распахнутые двери Диди-Лило.
Сегодня, через несколько минут,
Начнется море около Махаты.
Над котловиной молнии сверкнут
И грянут грома гулкие раскаты.
Тяжелых туч зателится очаг,
Возникнет дождь, прохладен и отраден;
И капли в электрических лучах
Заблещут наподобье виноградин.
Пронизан электрическим огнем
Самгорский дождь — как добрая примега.
Светиться будут радугою в нем
Лучи живого ленинского света.

(Перевод А. Межирова)

Примерно этой же теме посвящен и на этом же реальном материале воплощен целый поэтический цикл Григола Абашидзе «Ленин в Самгори», открывающийся одноименным стихотворением. Поэт вспоминает об одном из самых ярких впечатлений детства — о Загэсе, впервые электрификации Грузии. Над Загэсом — знаменитая скульптура Шадра — фигура Ленина с протянутой рукой. Свет и Ленин объединились в сознании будущего поэта. Шли годы, и поэт встречался со знакомой фигурой всюду, где зажигались огни социалистического строительства. Сегодня глазами мечты он видит Ленина и над Самгорской долиной, над укрощенными волнами Иори. В основе замысла и композиции стихотворения, как и цикла в целом, как раз и лежит сравнение: «Свет — это Ленин, Ленин — это свет».

Светится в памяти первая встреча:
На побережье далекой поры
Я увидал из долины двуречья —
Ленин стоит над плотиной Куры.
...И от Загаса над Грузией круто,
Свет заревой поднимается ввысь.
В сердце моем навсегда в ту минуту
Ленин и свет воедино слились.
...Я проходил над бурливым Рионом
И на Храмгэсе боролся с волной,
Ленин повсюду в краю озаренном
В образе света вставал предо мной.
И на Самгорской изрытой равнине,
Там, где слагаю я песню свою,

Ленин великий мне видится ныне,
Облик немеркнувший вновь узнаю.
Слова Ильич заревыми лучами
Нас озарят в родной стороне,
Крылья растут у меня за плечами
Дальняя даль открывается мне.
...Чудится мне, что Ильич с пьедестала
Светлой Иори приказ отдает,
Чтобы она по стели разметала
Соимы лучей, устремленных в полет.
Скоро прольется в безбрежье степное
Этот лучистый поток проливной.
Ленин родной над иорской волною
В образе света встает предо мной.

(Перевод А. Межирова)

Памятник Ленину над Загэсом (кстати, один из первых и, несомненно, лучших памятников Ленину в стране) не мог не привлечь внимания многих грузинских поэтов разных поколений. И одна из наиболее сильных поэтических разработок этой темы принадлежит Симону Чиковани:

Михет Арагвой обвит и Курюю...
Где бы я ни был, рассветной порой,
Лишь глаза на мгновение закрою,
Вижу — Ленин стоит над Курой.
Вижу — Ленин стоит над волнами,
Озирая земли торжество,
И листва Зедазени, как знамя,
За плечами шумит у него.
Смотрит пристально он с пьедестала,
Как цветут берега над водой
Там, где прежде волна клокотала,
В белой кипени, в пене седой.

Пробудились деревья во Михета
В чистом цвете живого луча,
И сверкнул этот луч на рассвете,
Словно мысль над челом Ильича.
И красно увенчаны строгой
Гордых скал вековые верхи,
Где Военно-Грузинской дорогой
Пушкин брел, сочиняя стихи.
Где ветра разносили впервые
Над снегами нагорий седых
Сочиненный поэтом России
Воспевающий Грузию стих.

И прекрасен рассветной порою
Гор Кавказа незаблемый строй.

Там, где Ленин стоит над Курюю,
Загорается свет над Курой.

(Перевод А. Межирова)

А вот в стихотворении Карло Каладзе «По мирным дорогам Грузии» скульптурный образ Ленина — поначалу вполне реальный, а затем принимающий обобщенно-символические очертания — возникает на перепутьях горной Аджарии:

...Утомясь от полдневного солнца,
Любишь ты наклоняться к ручью.
Чтоб ладошкой с самого донца
Зачерпнуть ледяную струю.
Погоняя гнедую лошадку
Иль в машине своей за рулем,
Все названия сел по порядку
Вспоминаешь ты ночью и днем.
Ты несешься дорогой крутою,
Выше, выше! И вдруг, как живой,

Мудрый Ленин с простертой рукою
На вершине встает пред тобой.
Мчишься ты по высоким подъемам,
Устремленный к труду и борьбе.
Ленин издали жестом знакомым
Открывает дорогу тебе.
И летишь ты с веселою песней, —
Ты ведь знаешь, что наша весна
Этой мудрой рукою чудесной
Для отчизны твоей создана.

(Перевод Н. Заболоцкого)

Стихи Арчила Сулакаури переносят нас на центральную тбилисскую площадь, воскрешая в нашей памяти впечатления середины пятидесятих годов, когда эта площадь была названа именем Ленина и на ней заложен теперь уже неотделимый от нее памятник:

Расправив неба синий парус,
В мой милый край плывет весна,
Чтоб почки лопнули, распарясь,
Чтоб пела роща, птиц полна.
С Мтацминда глянет на Тбилиси
Открытой почкой миндаля
И спустится с небесной выси,
Чтоб зеленела вновь земля.
Апрель на площади я встречу,
Я шапку перед ним сниму.
Он мне тепло прольет на плечи,

Кураясь в сиреновом дыму.
Именем Ленина площадь зовется
Ленина знамя над площадью вьется.
...Здесь встанет
Памятник бессмертный,
Чтоб свет веками излучать,
И станут ласковые ветры
Листвой над площадью качать.
Расправив неба синий парус,
В мой милый край плывет весна,
Чтоб почки лопнули, распарясь,
Чтоб пела роща, птиц полна.

(Перевод Е. Николаевской)

Мы привели примеры своего рода «центростремительного» решения ленинской темы в грузинской поэзии, примеры ее максимальной локализации, когда она — эта тема — получила прописку в Ленинграде, Москве или Тбилиси, на Самгорской долине или у Загеса, даже еще конкретнее — на тбилисской площади Ленина. Но сильна в грузинской Лениниане и «центробежная» тенденция. Вот образ Ленина возникает в стихах Симона Чиковани, посвященных Польше:

В пути на Татры, возле поворота,
За перелеском, на исходе дня
Окликнул дом бревенчатый меня,
И я вошел в открытые ворота.
...Здесь на стекле запечатлелись взоры
Глядящего в просторы Ильича,
И эхо слов хранят ревниво годы,
И слышен голос горного ключа.
И ленинскими мыслями до края,
Как книжный том, наполнен этот дом,
Здесь на меня, горя и не горя,
Зарницы мыслей падают дождем.
Здесь даже дверь — как родины частица,
Открыта для грядущего она,
И слышу я, как о порог стучится
Истории тяжелая волна.
Когда весной, прохладной

Его тропа охотничья вела, —
Скалистыми ущельями
с двустовкой
Он подходил к окраине села
И затевал с крестьянами беседы,
И слушал здесь пастушеский рожок.
Он сеял искры. Он зарю победы
Под кровлей дома этого зажег.
Густые тучи шли по окоему,
Клубилась мгла под соснами внизу,
И Ленин в Татрах радовался грому,
Подставив грудь под вешиною грозу.
В дверь домика история стучится
И домик этот видится тебе,
Как в летописи вечности
Страница
О ленинской работе и борьбе.

и недолгой,

(Перевод А. Межирова)

Стихи эти, как нетрудно догадаться, — результат своего рода поэтического паломничества по ленинским местам в Польше. Кстати, с ним связано и другое стихотворение Симона Чиковани «Ленин в Кракове». А поэтесса Анна Каладзе

ВОЖДЬ, МЫСЛИТЕЛЬ, ЧЕЛОВЕК

Незабываемые дни и мгновения

С Финляндского вокзала мы возвращались далеко за полночь. Домой я и Тамара пришли порознь и пешком. С нашими спутниками по машине нас разлучила лавина моряков, ворвавшаяся на платформу вокзала. А с Тамарой мы потеряли друг друга у ступенек вагона, из которого выходил Владимир Ильич Ленин. Следом за Лениным тогда показалось радостно взволнованное лицо Михаила Цхкая, которого мы давно знали по Кутаису. Одно время он был даже стипендиатом Кутаисского общества женщин.

Изумленная этой встречей, я неожиданно для самой себя закричала во все горло, перебивая шум толпы: «Батона Миха! И вы здесь?! Вместе с Владимиром Ильичем?!»

Вместо ответа на столь «умные» возгласы, он сам задал мне вопрос: «Не дочь ли ты Нико? — чисто джихаистским оборотом речи, и получив подтверждение, продолжал: — Твоего отца мы оставили в Стокгольме¹. Он просил передать, что еще немного задержится, что дела идут хорошо. Нико мне так и сказал, если моя сумасшедшая дочь встретит вас на вокзале, то передайте... Ох, ребята, здравствуйте!» — вдруг увидел он в толпе своих людей и, сразу забыв обо мне, пошел с ними по направлению к вокзальной площади.

Только мы с Тамарой попали домой, как раздался телефонный звонок. Встрепенутый голос Ираклия Церетели выяснял, «не потерялись» ли мы? Он сообщил, что на следующее утро мы должны были быть во дворце: туда должен был прийти Владимир Ильич.

На следующий день точно в назначенное время Ленин шел в Колонный

зал Таврического дворца, у входа в который его встречали руководители «левого крыла». Мы, младшие их сотрудники, собрались возле телефонных будок и не спускали глаз с дверей, чтобы не пропустить ни одного мгновения с момента появления дорогого гостя. И вот он вошел вместе с сопровождающими его товарищами, приветливо пожал руки всем исполкомовцам, что-то сказал Ираклию Церетели о Женеве, — значит, узнал...

И не только его, — это было для меня радостным праздником — он узнал и меня, когда, обходя с ним дворец, Карло Чхеидзе привел его к нашим будкам:

— Это ваш будущий телефон, Владимир Ильич, — сказал он Ленину. — А это — он указал на нас, — наши телефонистки.

Ленин сначала ограничился общим приветствием, со свойственным ему радужием поклонившись всей нашей группе. Но потом внезапно остановил свой взгляд на мне:

— Мы, кажется, встречались, — произнес он, скорее утвердительно, чем с вопросом. Владимир Ильич с улыбкой протянул мне руку, хотя я от смущения скрывалась за спинами товарищей.

— Неужели вы... — начала я изумленно, но он, быстро взглянув на Ираклия, снова повернулся ко мне, договори-

— В Женеве...

А Чхеидзе продолжал представлять нас:

— А это наша старшая телефонистка. Нет слов, чтобы описать мое изумление и восторг. Счастливей меня не было в тот день человека во всем мире!

А каким напряженным и загруженным оказался тот день!

Наш «дорогой» телефон заставил нас бегать без передышки. Только накануне ночью Чхеидзе закрыл Всероссийское совещание Советов. Но что могло заставить депутатов разъехаться, после того как Чхеидзе сообщил им, что «через два часа приезжает Ленин»?!

¹ Н. Николадзе как редактор «Русской воли» был командирован для покупки новой линотипной машины для типографии.

Продолжение. Начало в №№ 2, 3.

Участники совещания, конечно, отправились на вокзал встречать Ленина. А на следующий день с утра же заполнили дворец, как и в предыдущие дни, как будто совещание и не прекращалось. Вернее, оно именно теперь получило новый размах, стало глубже, серьезнее.

В тот исторический день Ленин несколько раз выступал с речами и докладами на собраниях различного масштаба: утром он встретился с членами большевистской фракции того совещания. Они закрылись на два-три часа в изолированной комнате второго этажа. И нам запрещено было вызывать к телефону кого-либо из них, пока не закончится совещание. Там Ленин прочел доклад, в котором осветил свои знаменитые Апрельские тезисы.

После короткого перерыва Ленин ознакомил с теми же тезисами уже полный состав «закрытого» предыдущей ночью совещания. Это было объединенное собрание большевиков и меньшевиков, проведенное в зале заседаний. И отсюда нам уже было разрешено вызывать к телефону. Очень часто беспокоили в тот день членов президиума, звонили и из других городов. А особенно моряки из Кроунштадта — ярые ленинцы. Они его всегда называли своим: «Наш Ленин», «Ленин — наш!» Ленин это, конечно, чувствовал и не мог не радоваться тому, что после стольких лет тяжелой борьбы и самопожертвования встретил здесь такую любовь и преданность к себе и к общему делу.

Кронштадтские матросы настойчиво требовали Ленина к телефону с первого же дня его прибытия в Петроград. И Ленин вскоре вынял их просьбе и поехал к ним. «Море» на целых три дня отнял его у Петрограда.

Ленин сразу же точно наметил, как должен был развернуться дальнейший ход событий.

Не только рабочие, но и крестьяне ясно почувствовали, на чьей стороне правда: ведь основная масса демобилизованных солдат представляла собой сельских труженников. Какие глубокие корни оказались в сельской целине у ленинского обращения «К деревенской бедноте», подаренной нам в Женева. Сейчас мы воочию убеждались в том, как далеко виден был его автор. Здесь, на берегах Невы, мы стали свидетелями того, как со дня приезда Ленина все действующие силы разворачивавшихся событий восстанавливались по своим местам. И нам тоже становилось ясно, до какой степени «вслепую» до сих пор наблюдали мы за происходящим в Таврическом дворце.

Со дня четвертого апреля многое изменилось в нашем представлении. И если с февраля «левое крыло» Таврического дворца казалось нам боевым крылом сокола, то с апреля, услышав Ленина, мы стали воспринимать это кры-

ло, как воронье и, в первую очередь, из-за отношения к войне: левое крыло и не пыталось ничего предпринять, чтобы ее прекратить.

Незабываемые дни, когда я имела возможность близко видеть Ленина, длились с 3 апреля по 15 июня. С середины июня наш «нижний этаж» — семья Николадзе-Полиевковых — отправился в Джихаиши¹. Мне же с мужем из-за ребенка пришлось провести лето в Железноводске. И только в августе мы попали к нашим в Джихаиши. Но вскоре начались заботовки на железных дорогах и многих других предприятиях и учреждениях. Начался полный хаос, и мужу одному удалось выехать обратно, чтобы поспеть к началу занятий. Я же не только к концу отпуска, но и в октябре не решилась пускаться в путь с малым ребенком на руках, которому еще и двух лет не было. Не шутка была в те дни одной отправиться в такой дальний путь, который в тот период длился два-три месяца! Я это знала от мужа, который и без ребенка достаточно измучился в пути, еще в сентябре. А сейчас стало еще хуже.

Так что из Таврического дворца в Смольный наша группа телефонисток перебралась уже без меня и Тамары. И наша «таврическая секция» Общества изучения революции 1917 года под председательством того же Полиевкова, тоже без нас была переименована в «военную секцию», после того, как перенесла свою деятельность из Таврического дворца в казармы. Вместо нас пригласили других секретарей. Как мы переживали это с Тамарой в Джихаиши... Из нашей семьи там стала работать наша кузина Елизавета Тариэловна Джавришвили - Лецинская, историчка-бестужевка, ныне заслуженная учительница ГССР.

Все эти новости во всех подробностях и деталях сообщил нам мой муж, причем вести от него к нам доходили чудом, с оказией, поскольку почтовая связь с Грузией была прервана. Эти письма я получала в Тифлисе через С. М. Кирова, который в те годы был направлен в нашу республику.

Но вернемся к дням, проведенным в Таврическом дворце. В то время мы еще жили по старому календарю, и поэтому наш первый свободный Первомай, который во многих странах Европы отмечался по новому стилю, мы праздновали по-прежнему 18 апреля. В страхе перед ожидаемыми первомайскими выступлениями Милоков опять возобновил свои несбыточные, начатые в такое неудачное время, попытки протащить тем

¹ Селение Диди-Джихаиши Самтредского района Грузии, где сейчас Дом-музей и показательный техникум имени Н. Николадзе.

или иным путем к власти регента. И сейчас это требование его и всего воистину «временного» правительства было выдвинуто, как бы на обсуждение будущего Учредительного собрания. Этот шаг вызвал сильное возмущение, свидетелями которого были и мы на традиционном предмайском собрании, которое в том году проводили на Васильевском острове, в гигантском актовом зале Морского корпуса. Мы с Тамарой получили специальные пропуска, по сей день бережно хранящиеся в нашем архиве: «Пропустить на хоры в Морской корпус 16/IV 17 года». Третий пропуск для моего мужа достать не удалось. Но и с билетами оказалось невозможным не только пройти в зал, но даже войти в подъезд, чтоб подняться по лестнице, столько людей напирало с улицы на входную дверь (члены президиума проходили с другого входа). Тамара уже просила меня идти домой, — видишь, мол, что делается. Но я не теряла надежды, что кто-нибудь нам поможет. И не ошиблась: внезапно раздалась любимая песня кронштадтских моряков (и наша тоже, еще из Пети):

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно,
В роковом его просторе
Много жертв погребено...

Это, конечно, шли наши дорогие кронштадтцы! Вскоре показались и они сами, исполнители этой песни. К нашей радости, они тотчас же узнали нас, очень нам обрадовались и когда выяснили, в чем дело, весело крикнули:

— А ну, товарищи, расступитесь! Дорогу морякам и Грузин!

И ни я ни Тамара не успели опомниться, как очутились на плечах у двух моряков и через три минуты уже глядели в партер с высоты лучших мест хоров этого красавца-зала с гигантской статуей Петра I. Здесь хозяевами были моряки, и их теплое гостеприимство было как бы ответом на наше хорошее обслуживание моряков по телефону. Здесь мы встретились и с тем мичманом, с которым меня на Финляндском вокзале, где я встречала Ленина, свел случай: я чуть не подожгла его своим факелом. Он очень насмешил меня и Тамару, вспомнив об этом случае на вокзале и о том, как только что, желая нам помочь проникнуть на свои места в зал, матросы посадили меня и сестру на плечи и бережно пронесли сквозь толпу.

Хочу отметить, что наши хоры в ту ночь почти не принимали участия в очень бурном собрании, проводившемся внизу. Причиной тому было то, что в ответ на требование с хоров и из аудитории: «Первое слово Ленину», кто-то из президиума ответил морякам: «Сегодня его слушают в другом месте».

Ленин, оказывается, в эти же часы выступал с докладом в нашем дворце(!). Мы же, как и все моряки, не зная этого, рвались сюда, чтобы послушать именно его! Когда выяснилось, что Ленина на этом заседании не будет, почти вся наша «галерея» потеряла интерес к тому, что происходило внизу, в зале. Мы с Тамарой рассказывали матросам по их просьбе все, что знали о Ленине еще с Женевы. Они же рассказывали нам о встречах с ним в Кронштадте.

Только во время выступления лучших ораторов мы на время прерывали нашу беседу и прислушивались к ним. Но почему-то ни одно из выступлений того дня не было настолько ярким, чтобы сохраниться у нас в памяти. Все казалось нам бесцветным в тот вечер, по-видимому, потому, что, понав с таким трудом в этот зал, все готовились слушать Ленина. И никого не волновало пережевывание доводов о неприемлемости приглашения регента и возращения Романовых на престол.

Даже смешно было, что все эти вопросы обсуждались перед людьми, свергнувшими царский трон. И где? На первом свободном предмайском собрании...

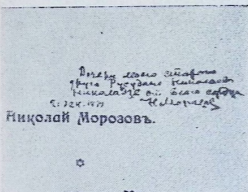
— В открытую дверь ломаются, — кратко оценили кронштадтцы этот вечер. А знаменитый зал Морского корпуса на набережной Васильевского острова, с галерки которого мы наблюдали в тот вечер многолюдное собрание «левого крыла» Таврического дворца, гудел, бурлил, волновался. Но эта горячность не достигала цели: нас, например, на хорах несколько не трогал предмет спора, которому, по любимому выражению Акакия Церетели, не хватало «перца». Мы лишь изредка поглядывали в зал, чтоб узнать, кто выступает, и слышали только гул нового моря этого собрания, но не его проповедников. Все наши мысли, думы и сами мы всем сердцем были там, где Ленин призывал народ к прекращению войны.

Здесь же, в зале, в эти же минуты под развешенными транспарантами с лозунгами «Помните о войне!», «Без победы нет свободы!» выступали ораторы с этими же требованиями.

Вот так мы встретили в тот год первый свободный Первомай во «вновь освобожденной России», как тогда писали во всех газетах. Еще оставалось более шести месяцев до Октября. Двух дней и ночей...

Плохую службу сослужил тот день Временному правительству, действовавшему под влиянием Милюкова. Еще 2 и 3 марта, когда Временное правительство впервые выслушало, а вечером опубликовало в газетах «программную» речь Милюкова, в рабочих кварталах и казармах начались волнения. Положение спасло лишь то, что 3 марта вместе с манифестом об отречении царя

был получен и отказ Михаила от каких-либо претензий на трон! Это несколько успокоило прихлынувших к трем часам дня ко дворцу рабочих и солдат...

Неужели же все эти события и возникшая в результате этого напряженность миллионного населения и вооруженных сил столицы ничему не научили их партию, носившую название «Народная свобода»? О чем думали они вместе со своей газетой, у которой тоже было такое ничего не говорящее название: «Речь»? Любое из трех значений этого слова — часть ли речи, язык или произносимое слово, было таким же неуместным для наименова-

ния газеты, как требование регента или хотя бы «конституционной», но все же монархии на третий день после событий 27 февраля!

Перечитывая свой дневник того дня, я наткнулась на запись, сделанную 21 марта. Сейчас она меня лишь рассмешила: «Поздно вечером вышли «Известия» № 6, вечерний выпуск, с программным выступлением Милокова (опять монархия, престолонаследие, регент!). Если это не искажение корреспондента, то значит наш премьер-кретин! Представляю, как будет рад Бюкенен, что мы пригласили такого идиота министром иностранных дел» (Бюкенен был английским послом в России. И его, как и его правительство, потрясли революционные события в России).

С тех пор до «первая» (т. е. до середины апреля) прошло полтора месяца, и в течение всего этого периода не только каждый новый день, а каждый час делал все более и более невозможной и недопустимой даже мысль о восстановлении монархии. Какой же «внутренний голос» подсказал этому профессору-министру, к тому же специалисту по русской истории (!) такой неразумный ход? А «безвременное», как тогда его называли, правительство включило эти требования и в свою первомайскую ноту, что поставило на дыбы буквально всю страну! А с 19 апреля в Советах рабочих и солдатских депутатов и в помещавшемся в нашем левом крыле их Исполкоме началось такое брожение, что правительство Милокова 21 апреля выпустило «Поправку» к своей злосчастной «ноте», но и это не помогло. И потому 22—23 апреля вместо того, чтобы отметить пятилетний юбилей со дня выхода первого номера «Правды» (22/IV—1912—1917), в городе было объявлено «революционное осадное положение». Юбилей же «Правды» мы отметили по-домашнему у себя, в «Обществе революцион», возле наших телефонов!

Все эти события правое крыло Таврического дворца приписывало приезду Ленина. И не ошибалось. Ленин необычайно ярко выявил подлинный характер и истинные цели созданного 2 марта правительства, раскрыв глаза на происходящие события всем слоям трудящихся города и деревни.

Ленин вообще с поразительной быстротой умел ориентироваться в сложнейшей обстановке и выявлять основную нить любых обстоятельств. И все это понимали: и враги, которым это, конечно, было отнюдь не на руку, и единомышленники, в которых это рождало безграничное доверие к вождю, больше чем к самим себе.

Его влияние на людей было безгранично и в то же время носило такой непосредственный и доброжелательный характер, что мы подчас забывали, что общаемся с великим, всемирного масштаба деятелем, и делились с ним всеми своими заботами или радостями, когда он со свойственной ему теплотой, проходя мимо нас, всегда спрашивал:

— Ну, а как здесь идут дела у наших юных помощниц?

Или еще:

— Ну, как наше море? — то есть, мол, что слышно из Кронштадта?

Он обладал поразительной памятью и необыкновенной способностью связывать совершенно отдаленные факты, сопоставлять их и, исходя из этого, делать самые точные заключения. Он оперировал непостижимых масштабов контрастами из истории, являющейся для него таким же обыденным материалом, как для нас счет до десяти или факты сегодняшнего дня.

Так расценивал характер ленинской политики и необычайно смелую «самобытность» его диалектического мышления Николай Морозов (1854—1946) активный деятель революционного движения, начиная с 70-х годов шليسельбургец, самоотверженный борец за свободу и одновременно известный ученый, почетный академик Академии наук СССР.

Хочу сказать о нем несколько подробнее, прежде чем снова вернуться к событиям тех дней — в апреле и мае. Николай Морозов еще с Женевы, помнится, был связан с нашими родителями теплыми дружескими отношениями. И сейчас, здесь у Невы, после февральских дней они снова встречались так же тепло, как и в Женеве. Первая их встреча произошла на собрании, посвященном вопросам перехода науки на новые пути развития, организованном Максимом Горьким. Вылеты отец принес из редакции.

Это заседание Горький провел 9 апреля в помещении одного из бывших императорских театров — так называемом Михайловском театре, отведенном под постановки на французском языке. Это было учредительное заседание «Ассоциации позитивных наук», так его называл Горький. С основным докладом выступил он сам. Он охарактеризовал значение науки в прогрессе человечества, подчеркнул ее особое значение для освобожденного народа.

Затем большой доклад прочел Николай Суханов. Он говорил о том, какую роль должна сыграть наука в условиях социализма для подъема экономического благосостояния народа, которое, в свою очередь, придадо бы большой размах созданию и приумножению духовных богатств освободившихся народов нашей многонациональной страны.

Собрание было многолюдным, но аудитория заметно отличалась от той, к которой мы привыкли в Таврическом дворце. Преобладали представители высшей школы — профессора и студенты. Но для нашей семьи это собрание было особенно памятным по иной причине: по пути в зал заседаний, на лестнице, мы услышали возглас: «Олио, дорогая!» — и, преградив путь нашей матери, к ней с распростертыми объятиями бросился Николай Морозов, сблившийся с грузинскими студентами в Женеве, еще до шليسельбургского ареста. В своих замечательных воспоминаниях «Повесть моей жизни», написанных в Шлисельбургской крепости, в томе, посвященном Швейцарии («Свободные горы»), он с большой любовью вспоминает свои встречи, переросшие в настоящую дружбу с тремя студентками-грузинками, которых он называл «очаровательный трио». Это были Като Николадзе, Машико Церетели и Олио Гурамишвили. Последнюю он называет красивой Гурамовой и красочно передает историю ее «беспаспортного бегства» из дому (не совсем точно, но зато романтично). Затем он вспоминает грузинских девушек по совместному восхождению на гору Салев, где они встречали восход солнца, и подробно рассказывает о субботних (открытых) заседаниях эмигрировавших из Парижа коммунаров, которые они усердно посещали. В конце он приводит на память запомнившиеся ему стихи его друга тех лет Николая Саблина, посвященные этому «трио» и перепланные им из Верна в Женеву (автограф хранится в архиве наших родителей). Саблин был известным народовольцем. По возвращении из Швейцарии в Россию он принимал участие в подготовке убийства Александра Второго. И когда 3 марта 1881 года жандармы пришли к нему, чтоб его арестовать, он покончил с собой.

В Женеве и Саблин и Морозов очень тепло подружился с нашей матерью (Гурамовой). Понятно поэтому, сколько радости доставили им встречи с нею в России. В 1881 году группа грузинских шестидесятников, «тергдалеули», командировала Ольгу Гурамишвили в Петербург просить любимца царя, министра Михаила Лорис-Меликова заменить Нико Николадзе бессрочную ссылку в Ставрополь высылкой «на Север» — в Петербург. Министр удовлетворил эту просьбу. Как раз в эти дни, в Петербурге, на похоронах Достоевского она встретила Саблина. Это было за месяц до царубийства и самоубийства Саблина. Олио и Саблин были безмерно рады друг другу, целый час восторженно беседовали в одном из глухих уголков кладбища. Разумеется, это не укрылось от всевидящего ока охраны: Олио Гурамишвили немедленно была допрошена

шефом жандармов и выслана на родину.

В архиве нашего отца, в республиканской публичной библиотеке имени Карла Маркса, у Тамары Мачаваряни, хранится записанный профессором Поллиевтовым (для Симоном Хундадзе) рассказ нашей матери об этом допросе (в присутствии Лорис-Меликова), о том, к чему привела эта встреча с Саблинным и как спас «земляк-министр» — навказец Лорис-Меликов нашу мать из лап жандармов и от верной тюрьмы. Ограничились лишь высылкой из «престольного града» в течение 24-х часов.

Но вернемся к Ассоциации позитивных наук и к встрече матери с Николаем Морозовым. С ним вместе была женщина, выглядевшая намного старше него. Это была Вера Фигнер, тоже шлицельбуржка, в действительности почти его ровесница, лишь на два года старше него (1852—1942). Это страдания, выпавшие на ее долю, наложили такой отпечаток на ее внешность. Встреча эта тоже доставила большую радость обеим сторонам после запомнившегося им знакомства и бесед нашего отца с Верой Фигнер в Цюрихе в 1873 году. И уже не знаю, как это получилось, но нам шестерым, то есть этим двум замечательным парам и мне с Тamarой открыли шестиместную ложку. И тот день стал для нас с сестрой незабываемым праздником: не хватило бы и двух толстых тетрадей, чтоб записать все, что было услышано нами в тот день в нашей ложе!

* * *

Настал май. Природа расцветала повесеннему, жизнь заметно оживилась, как бы ускорились и стала полнее. Утвердили, наконец, и основное увлечение мужа — «Общество изучения революции 1917 года» с его «таврической секцией», которая тотчас же, не теряя ни одного дня, усердно приступила к делу под руководством М. А. Поллиевтова, моего мужа... Мне с Тamarой была поручена секретарская часть, со всем штатом наших «педагогичек». Деловодом же этого сложного начинания был средний сын академика И. П. Павлова, зоолог, подружившийся с Тamarой и ее группой на Мурманской биостанции, — Виктор Павлов. Было решено начать с опроса главных участников событий февральских дней, связанных с нашей территорией.

Но с кого лучше было начать этот опрос? С которого крыла? С «правого» или «левого»? По пословице: никто не пророк в своем отечестве, ни один член «левого крыла» и близко нас к себе не подпустил. Все от нас открепивались. Какое время спрашивать и записывать? Не видите, в каком огне горим, — какое время философствовать?!

Единственный человек, которого в этом крыле привело в восторг наше начинание, был Керенский, но он был одновременно и министром, т. е. и правым крылом. Он сразу же дал согласие и для беседы назначил нам встречу в Министерстве (уже в военном, где он заменил Гучкова). Здесь он принимал нас, окруженный своими адъютантами. Во всем чувствовалось, в каком он был восторге от того, что он министр. Три раза привозила нас к нему его машина на этот опрос, и говорил он так много, что мы проклинали свою судьбу, когда пришлось расшифровывать его записки и сводить их в единый протокол. Это дело отняло у нас несколько вечеров. Как раз в этот период произошло «омоложение» Временного правительства, т. к. из него ушли монархисты. Кроме того, началось формирование и новых дополнительных министерств, и пошла такая путаница во всех делах, с которыми мы соприкасались, что я уже ни в чем не могла разобраться и даже в дневник свой почти ничего больше не заносила.

Да и времени не оставалось на эти записки, так как с первых же дней моя деятельность в нашей «опросной секции» отнимала буквально каждую, свободную от дежурств во дворце и работы в институте, минуту. В мае я с трудом находила время и для сна, — так мы были увлечены событиями тех пламенных дней.

Переезд Временного правительства в Маринский дворец (у Синего моста и памятника Николаю Первому) заметно изменил, уже с апреля, распределение точек на территории крыльев нашего дворца. Вскоре после четвертого апреля, когда Ленин опубликовал свои тезисы, изменилось (если не ошибаюсь, по идее Ленина) использование средней части дворца, превращенной в проходной вестибюль, его Колонного зала, в центре которого помещались и наши телефонные будки.

Сейчас здесь установили справочные столы некоторых дальних комнат, а также столы различных изданий «левого крыла». В их числе был незабываемый для меня маленький стол «Солдатской правды», о которой особенно заботился Ленин. В один прекрасный день, еще в апреле, Ленин, увидев меня у этого стола, вдруг обратился ко мне:

— А ну-ка, воинственная Грузия! Посмотрим, как вы разберетесь в делах окошной жизни. Поручаю вам письма солдатиков с фронта.

— Как поручаете? Для чего? — пришла я в ужас.

— Ай-ай-ай, — рассмеялся он, — а еще грузинка! (Это по поводу того, что я так струсила). Выяснилось, что нужно было ежедневно читать письма из окопов, направляемые в адрес дворца, отбирать

их, редактировать для «Солдатской правды», словом готовить их тексты к печати.

Как захватила меня эта работа, сколько нового открылось передо мной! А главное, она дала мне возможность больше видиться с Лениным, чаще слышать его. Сколько таких счастливых минут подарил она мне!..

Незабываемы для меня часы, проведенные у скромно поставленного к стене маленького редакционного стола. Сколько нового ввели они в наше жадно устремленное к знанию миропонимание! Ибо что могло сравниться с минутами возле Ленина и с созданной им «галактикой» на небосводе нашей грешной планеты, и в нашем уже шагающем в космос веке?

Кроме того, какле неожиданные для нас черты выявлял этот окопный листок у столь непреклонного, твердого как сталь и разящего как молот борца: с какой чисто отеческой любовью и лаской разбирал и анализировал он подчас запятанные кровью солдатские треугольники. И так же, как любящая мать все прощает своему малышу, великодушно и сверхнисходительно принимал этот, непостижимой для нас природы человек, самую тяжелую клевету и оскорбительные обвинения, нередко приносимые этими простодушными бумажными треугольниками...

Ясно было, что в окопах проводилась большая работа в пользу продолжения войны. Та же почта приносила довольно много писем с соответствующими лозунгами и требованиями воевать до победы. И хотя письма сторонников войны были не в решающем большинстве, нельзя было не считаться с ними и редакции газеты, и работникам тыла.

В первый же день, когда мне было поручено разбирать письма, из нескольких десятков я с ужасом отобрала четыре-пять прямо-таки ужасных писем. В одном из них было даже такое требование: «Вернуть Ленина Вильгельму!» Или заявление: «Ленин — предатель» и еще что-то не менее дикое. И когда я увидела идущего к столу Ленина, я поспешно опустила их в левый карман моего рабочего платья с модными тогда огромными нашивными карманами, чтобы на столе оставались лишь письма, предназначенные для использования в газете, рассортированные на несколько групп. Только я успела это сделать, как подошел Ленин и кратко справился: «Что обнаружили интересного?» Я не ожидала такого вопроса и растерялась: Ленин всегда требовал точного и четкого ответа. А тут что я могла ему коротко ответить, когда полученные листки с детскими каракулями требовали полной стилистической переработки? Для выигрыша времени я подала ему одну из отобранных пачек писем, где приветствовали его приезд

и звали его в себе: побывай, мол, у нас и научи, как быть дальше?

Ленин и не взглянул на мою руку, подававшую ему листки писем, а с широкой улыбкой быстро извлек запрятанные мною в карман ужасные письма. Я, конечно, страшно смутилась и что-то бессмысленно залепетала:

— Ай, это не то, это... это...

Ленин же отошел к окну и с веселым смехом вслух прочел всю эту адресованную ему брань и проклятия. Затем, положив все эти листки во внутренний карман пиджака, вернулся к столу и, указывая на мой заполоучный карман, весело воскликнул:

— Вот где был интересный материал... Эх вы! — И добавил: — Вот где результаты обмана и отравления умов...

Хороший урок получила я в тот день. И с тех пор я всегда точно и честно докладывала ему содержание всех полученных писем.

Газетный стол был совсем близко от наших телефонных будок, и поэтому новая работа сделала возможными частые, хотя бы минутные встречи с Лениным, так как во время пребывания его во дворце чаще всего его можно было найти в двух местах: в основном, у стола Елены Стасовой, в комнате с табличкой «Секретариат ЦК РСДРП(б)». Туда вошел сразу же пришедший во дворец 4 апреля Ленин. И мы бежали в ту комнату, чтобы позвать его к телефону, или же, чтобы справиться, в каком уголке дворца находился он в тот момент.

Второй же его излюбленной «пристанью» понемногу, к нашему счастью, стал маленький стол этой небольшой военной газеты, т. е. вокруг него все чаще стали собираться приезжавшие с фронта, из окопов «отпускники», иногда подолгу осаждавшие свою светлую надежду — Ленина, окружая его плотным кольцом, как железные опилки облепляют сильный магнит...

Излишне говорить, как ростоно было нам наблюдать из наших будок эти встречи Ленина с солдатами: какими замечательными были его ответы на вопросы фронтовиков и какими удовлетворенными уходили они из дворца. С мая месяца черновую работу над прибывавшей с фронта почтой и обслуживание телефонов мы совмещали еще и с деятельностью нашей «исторической» секции.

На этот же стол мы с Тамарой и Виктором Павловым перенесли работу над расифровкой, упорядочением и сличением записей наших «опросов» и занимались этим в свободные от газетной работы часы, особенно ночью, когда телефоны допоздна нужны были «левому крылу».

С первых же чисел мая (по старому стилю) еще более изменилось лицо «ле-

вого крыла» нашего дворца, а также состав и настроения их посетителей. И это очень ощущалось в характере и интенсивности работы комитета, названного «хвездзевским исполкомом», с тех пор, как приведенное в смятение и околчательно растерявшееся из-за приезда Ленина Временное правительство после своей роковой неудачи, пыталось исправить последствия авантюристического шага — требования регента, вместо удалившихся из его состава Гучкова и Миллюкова, решило укрепить свой состав приглашением в правительство социалистов и деятелей народнического типа, в том числе двух «аясков» хвездзевского крыла — Ираклия Церетели и Матвея Скобелева, окруженных суетливым вниманием Керенского.

Кроме Церетели и Скобелева, вместо выбывшей тройки: Родичева, Гучкова и Миллюкова в их состав были включены еще четыре новых министра, более левых направления, то есть, всего шесть министров, по поводу чего Ираклий и Скобелев шутили: за битого, мол, двух небитых даем (мы — социалисты, вместо уходящих монархистов)! Эти четыре новых члена были: Виктор Чернов, уже знакомый нам по Женеве, Пешехонов, Шаховской и Переверзев (этот последний, помнится, был кооптирован немно- го раньше).

Эту замену с большим оживлением приветствовало несколько сатирических журналов и новая газета Плеханова «Единство», которая, если не ошибаюсь, первую назвала их прежний состав «правительством постольку, поскольку» (что было любимым выражением партии кадетов), а кооптированного тудя Годнева — Никуда Негоднейым. На Скобелева же и других новых министров-социалистов, как их окрестили, нацелился «Сатирикон», взяв на мушку в первую очередь женитьбу Скобелева на певице Давыдовой, исполнительнице роли Кармен в театре «Музыкальной драмы»; с ней он познакомился на одном из модных в те времена «концертов-митингов», в котором они оба выступали. В своем очередном номере на титульном листе журнал изобразил Скобелева в костюме тореадора, обнимающего на сцене Давыдову-Кармен. Подпись под рисунком была такая: «Каждый сам себе концерт-митинг», сказал Скобелев, женившись на Давыдовой».

В том же журнале была помещена шутилка частушка на тему будто бы романтической склонности Ираклия Церетели к одной хорошо известной молодой партийной работнице не из его партии.

Вот начало той частушки:

Свещет, свещет паровик,
Прилетела птичка,

Мой миленок меньшевик,
А я большевичка.

Вообще, в основном, для юмора была использована лишь личная жизнь этих двух молодых друзей, видимо, потому что их министерства («почта и телеграфов» и «труда») не имели прямого отношения к делам войны. И, наоборот, пресса неистово ополчилась против Керенского, который вздумал стать (и стал!) после Гучкова военным министром и именно на этом посту дошел до вершины своего ломанья и самолюбования.

Поэтому эти же журналы помещали на Керенского куплеты совсем иного типа. Например, в моем альбоме того времени сохранилась такая открытка: изображен Керенский без бороды и усов, как тогда было принято у видных адвокатов, и внизу куплет в стиле частушек:

Правит с бритой рожой
Россией растерзанной
Не «помазанник Божий»,
А присяжный поверенный.

И действительно, какой же серьезный юрист, адвокат по профессии, уже достигнув в этой области должности министра юстиции, мог переквалифицироваться в военного министра — да еще в такой напряженной обстановке, в какой находилась Россия в марте и апреле той весны.

А. В. Луначарский, с которым мы познакомился в мае, называл его «вездесущим Петрушкой» за то, что он был членом всех трех взаимно противостоящих руководящих коллективов: Временного правительства, Думского комитета и Исполкома «левого крыла» нашего дворца. Луначарский считал, что назначение Керенского военным министром окончательно дискредитировало «Временное правительство», придавая ему характер скоморошества, и превращало в клоуняду решение сосредоточенного в его руках основного вопроса всей их политики: быть или не быть войне?

И Луначарский был вполне прав; с ним согласилось почти все население Петрограда сразу же после первых выступлений нового военного министра.

Вообще, к военной деятельности Керенского никто не относился серьезно. А моряки всех ступеней службы, от матросов до адмирала, просто не выносили его, заявляя, что он «превращает в цирк» дело, за которое они проливают свою кровь.

* * *

С мая развернулась деятельность нашего «Исторического общества». С помощью наших студенток из пединститута и однокурсниц Тамары мы в течение

трех-четырёх недель, — до открытия Первого съезда рабочих и солдатских депутатов (2 июня), успели опросить до двадцати лиц, стараясь охватить оба крыла, вместе с возглавлявшими их Родзянко и Чхеидзе.

Кроме их двоих и Керенского, нам удалось опросить следующих лиц: Скобелева (после его назначения министром), Терещенко, начальника телефонов и всего здания, полковника Энгельгардта, адъютанта Керенского (по его настоянию), некоего Чиколлина из ВК — военной комиссии Думского комитета — и еще кого-то (уже не помню).

Мы уже тогда имели отпечатанный типографским способом опросный листок и такой же проспект самого общества. Проспект же «таврической секции» был размножен на машинке и скреплен круглой печатью общества.

В моем портфеле того времени сохранились все эти образцы и квитанция членского взноса Исторического общества под номером 34, на сумму 5 рублей, датированная 7-м мая 1917 года.

Во время опроса мы давали опрашиваемому гарантию, что в течение 50 лет эти записи будут сохранены «под сургучом», т. е. не будут преданы огласке, и, следовательно, не будут использованы и для научных целей. Просмотренные опрашиваемыми листки, исправленные, если они считали это нужным, и подписанные ими экземпляры были сданы в сейф библиотеки Академии наук председателями Общества и «таврической секции» — профессором Пресняковым и моим супругом — проф. Полневковым. Мы же с Виктором Павловым сняли для себя копии с части тех материалов, которые считали наиболее интересными, чтобы в нашей семье (у Полневковых) сохранились бы дубликаты, тоже запечатанные на 50 лет, на случай, если бы пропали или оказались поврежденными их оригиналы, в силу той или иной случайности военно-революционных лет.

И этот шаг оказался вполне оправданным. В 1966 году, к 50-й годовщине Февральской революции, в нашу тбилисскую горько осиротевшую квартиру пришел запрос из Москвы о том, где находятся протоколы проведенных

в Таврическом дворце опросов в период Февральской революции?

Ни мужа моего, ни других историков, членов того общества, уже не было в живых. Я же никак не могла, находясь здесь, выяснить, куда делись оригиналы оставленные нами за 50 лет до этого в Ленинграде. Я предложила авторам запроса ознакомиться с нашими копиями тех протоколов, до сегодняшнего дня тоже еще не вскрытыми и хранящимися в нашем архиве, если это их удовлетворит.

В ответ на это вскоре из Московского педагогического института к нам на квартиру был командирован историк Эдуард Николаевич Бурджалов, который десять дней проработал над этими протоколами, из которых пять приводит в своей докторской диссертации, изданной отдельной книгой: «Вторая русская революция. Восстание в Петрограде». Издательство «Наука», 1967». На использованный им материал этих опросов Бурджалов в своей книге ссылается так: «Материал Комиссии Опросов Общества Изучения Революции 1917 года. Небольшая часть этих материалов имеется в личном фонде профессора М. А. Полневкова, хранящемся у его вдовы» (стр. 78—79, 128, 159, 163, 220, 291).

Таким образом, если оригиналы наших протоколов, то есть переписанные начисто, исправленные рукой опрашиваемого и подписанные им экземпляры временно (или навсегда) утеряны, то наши копии уже сослужили службу хоть одному исследователю предоктябрьских дней у Невы. Причем тайна, как и было обещано, была нами сохранена точно в течение 50 лет. Профессор Бурджалов успешно защитил диссертацию, и ему присуждена степень доктора исторических наук.

...Так прошел май, прибавивший еще одно очень важное живое звено к потоку февральских событий на Неве: на историческую арену вышел и Совет крестьянских депутатов — любимое детище Ленина. На съезде, созванном этим Советом в Народном доме, принял участие и сам Ленин, хотя в те майские дни и этот Совет возглавляли люди «дооктябрьских» направлений...

Русудан НИКОЛАДЗЕ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О В. И. ЛЕНИНЕ

В 1899 году, когда я работал в Главных мастерских Закавказской железной дороги, в Тифлисе, мне пришлось прочесть книгу «Развитие капитализма в России», на обложке которой стояла фамилия автора — Ильин. Прочел я эту книгу поперхотно и мало что понял. Но в первом социал-демократическом кружке, членом которого я был, нам рекомендовали эту книгу для основательного изучения. Позже я узнал, что под псевдонимом «Ильин» пишет Ленин. Книгу я перечитал основательно, а потом уже приходилось довольно часто читать статьи товарища Ленина в газете «Искра».

В 1903 году, со Второго съезда РСДРП, где наметился раскол, вернулся Л. Б. Красин, сделавший нам, работникам нелегальной бакинской типографии, доклад о съезде. Тов. Красин подчеркивал выступления товарища Ленина на съезде, и мы пять товарищей, работавших в типографии ЦК РСДРП, примкнули к большинству съезда. Вскоре Красин передал нам для напечатания материал о Втором съезде, и мы тогда выпустили «Извещение» с резолюциями и с программой, причем на нашем издании стояла надпись «Р.С.-Д.Р.П. (большевиков)».

После этого многие издания ЦК РСДРП (большевиков) издавались нами.

Товарища Ленина мы не видели, но знали его хорошо. Знал и он, что мы работаем в Баку, в подпольной типографии.

Однажды ночью (днем никого не допускали к себе) зашел к нам один из товарищей и принес письмо от Владимира Ильича. Письмо это было написано очень привлекательно и задумчиво, и в нем Ленин называл нас «героями» и «кротами» революции. Мы были глубоко растроганы этим обращением к нам лично нам не знакомому, но хорошо известному и чтимого нами тов. Лениным.

Давно уже меня мучило желание познакомиться с тов. Лениным, познакомиться с ним, и вскоре этот случай представился.

До манифеста 17 октября 1905 года мы продолжали свою работу в бакинской типографии, а в конце декабря 1905 года ЦК распорядился ликвидировать нелегальную типографию в Баку. Все главные части типографии — печатную машину, которую мы любовно называли «Ниной», резальную и швейную машины мы направили в Петербург и следом выехали сами, причем первым отправился в столицу тов. Абель Енукидзе. 18 января 1906 года все мы были в Питере, а наша бакинская типография

уже легально работала на Литейном проспекте, рядом с домом, где жил Победоносцев.

Первым отпечатали на «Бакинке» (так звали в Питере нашу печатную машину) «Пересмотр аграрной программы рабочей партии» Ленина. Брошюра эта была роздана делегатам, направляющимся на Стокгольмский съезд, в противовес брошюре Маслова «О муниципализации земли».

В апреле 1906 года типографию перенесли в Литейного проспекта на Гороховую. В это время я узнал, что Ленин в Питере, но видеть его мне еще не приходилось.

В начале марта 1906 года нам, членам Союза печатников, наш секретарь Дмитриев объявил, что на курсах Леснера устраивается собрание, на котором выступит с докладом Ленин. Пришел я на это собрание задолго. Народу было порядочно, все разбилось на группы и вели оживленную беседу. Я примкнул к одной из групп. Кто-то среднего роста, светловолосый, с умным, располагающим к себе лицом спросил меня, откуда я. Я ответил, что с Кавказа. В это время Дмитриев объявил собрание открытым.

— Слово для доклада имеет тов. Ленин.

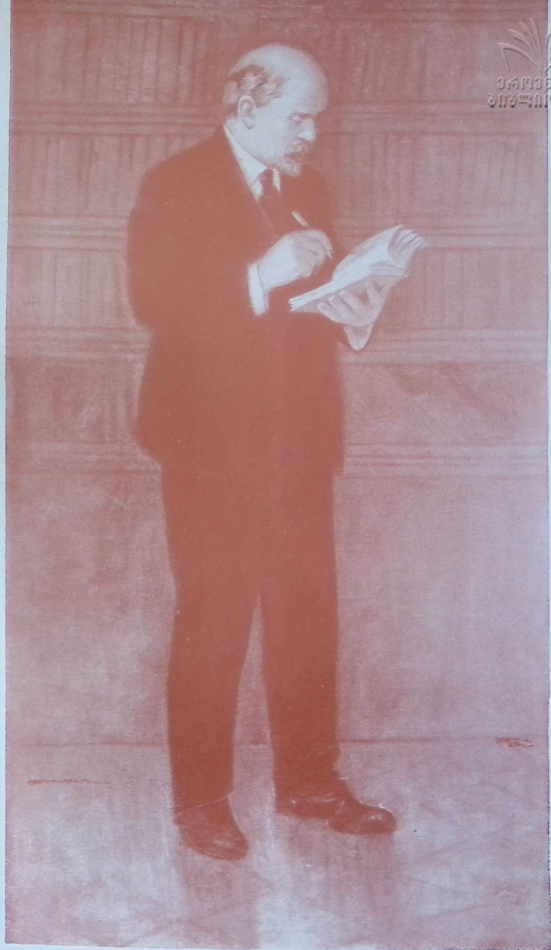
И тут я увидел, что к столу подошел тот человек, с которым я только что говорил в группе.

У меня даже сердце екнуло — неужели я только что говорил с Лениным?

Да, это был он. Привлекательный, приятный, просто и ясно рассказывающий о самых запутанных вещах, внушавший уверенность в себе.

После этого с Владимиром Ильичем мне приходилось видеться часто. Он приезжал почти каждый день в типографию на велосипеде, часов в 11 дня, просматривал газеты, писал передовицу для нашей газеты («Эхо», потом «Волна»), беседовал с нами и уезжал. Тут он познакомился со всеми товарищами, работавшими в нелегальной бакинской типографии: Сильвестром Тодрия, Ладом Думбадзе, Ваню Болквадзе, Семеном Енукидзе, Авелем Енукидзе и со мной.

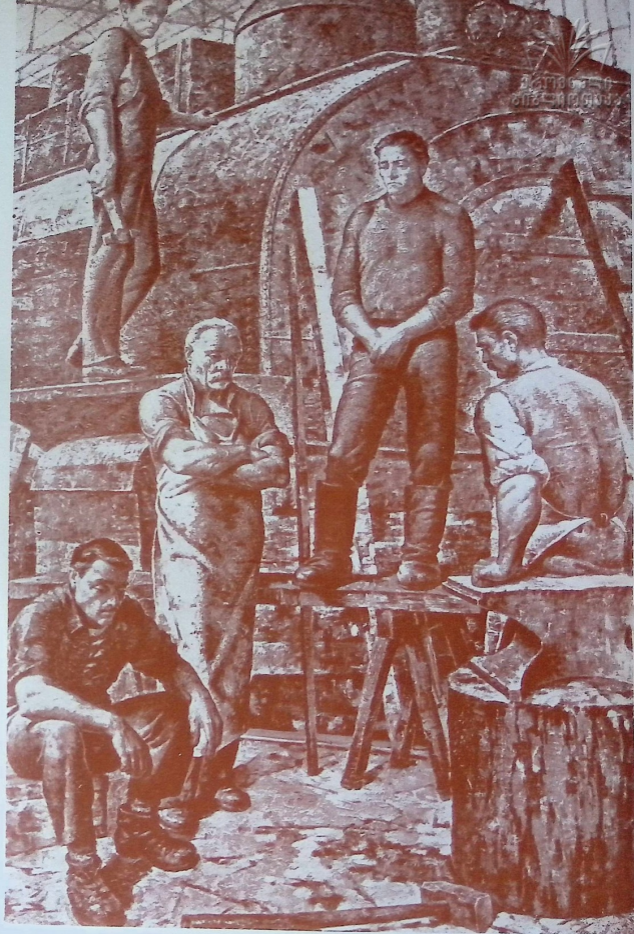
В 1907 году, когда нашу типографию ликвидировали, меня вызвал к Ленину тов. Красин. Я получил поручение поехать в Грузию за паспортными книжками и бланками. Выполнив поручение, я вскоре вернулся в Питер. Ленин очень интересовался положением дел на Кавказе и особенно тем, что делается в Грузии. Тогда мы в Грузии были в большом загоне, давили меньшевики.

«В. И. Ленин». Худ. К. Санадзе.

«Январь, 1924 г.». Худ. Ш. Холушвили.

«Минута молчания». Худ. Р. Кечакмадзе.

«Октябрьская симфония (по мотивам стихов Галактиона Табидзе)».

Худ. Д. Лолуа.

Фоторепродукции В. Балабуева и П. Шевченко.

Я на вопрос тов. Ленина сообщил ему, что дела наши в Грузии неважны и что только одно утешение: в профсоюзе сидит тов. Миха Цхакая и вербует рабочих.

Тов. Ленин засмеялся и сказал:

— Там патентованные меньшевики — Костров (Жордания) и все другие, но и тов. Миха у них в долгу не останется.

В 1907 году партийное издательство было перенесено в Финляндию, причем все дело было поручено, по выражению Ленина, «скавказцам», т. е. бывшим подпольщикам бакинской нелегальной типографии. Семен Енукидзе, Ваню Болквадзе, Ладю Думбадзе и Сильвестр Тодрия заарестовали в Выборге часть легальной типографии и принялись за печатание в ней воззваний, листовок и

еженедельной газеты «Петербургский рабочий».

Тов. Ленин в это время жил в Финляндии, занимал маленькую дачу в Куоккала.

Мне было тогда поручено транспортирование из Выборга в Питер. До мая 1907 года мне часто приходилось бывать у тов. Ленина в Куоккала то за материалом для газеты, то с корректурой, то за указаниями и иногда — за деньгами. В мае 1907 года, будучи послан на Кавказ с поручением, я был арестован в Кутанском уезде и попал в ссылку в Вятскую губернию. Бежав из ссылки, я вернулся в Питер в ноябре 1907 года. Но Владимира Ильича там уже не было: он переехал за границу.

С тех пор я не видел тов. Ленина, но его светлое лицо запечатлено в моем сердце.

Серго КЛДИАШВИЛИ

Перед бурей

Из недалекого прошлого

В здании бывшей генерал-губернаторской управы разместились Московский Совет рабочих и солдатских депутатов. Отсюда новое правительство руководит жизнью большого города. Днем сюда стекается масса народа, и ночью все окна ярко освещены.

В Совете работают несколько моих друзей, и я их частый гость. Здесь всегда точные и подробные сведения о положении на фронте, в стране и вне ее, и у меня есть возможность знакомиться с новостями по специальным бюллетеням.

Я спешил в Совет. Стояли тревожные июльские дни: в Петрограде усилелись выступления против Временного правительства, популярность Ленина росла ото дня.

Ленин скрывался в Разливе. Местопребывания его тогда никто не знал, кроме нескольких лиц. Его усиленно искали. Распространялись тысячи фантастических версий о том, где он может быть. Прошел слух и о том, что он скрывается где-то под Москвой.

Фронт постепенно распадался. Солдаты открыто заявляли, что пора кончать кровопролитие.росло недовольство политикой Временного правительства. Все чувствовали, что стоят на пороге великих событий.

У здания Совета, на площади, собралась масса народа. Посреди площади стояла машина, на которой несколько человек что-то устанавливали. Я подумал, что ждут какого-нибудь популярного оперного певца. Дважды-тремя неделями раньше здесь пел

знаменитый Собинов. Собинова обожали и как певца, и как человека. Студенты же, я говорю без преувеличений, просто боготворили его, — он был большим их другом и помощником. Мы, тогдашняя молодежь, предпочитали его всем, даже Шаляину.

Я протиснулся в толпе и пробрался к дверям Совета. Пробраться пробрался, но в самих дверях стояла вооруженная охрана и никого без пропусков не впускала.

Было жарко. Народ все прибывал. Около меня стояли, переговариваясь, несколько подвыпивших парней в картузах, по-видимому, ремесленники или приказчики. Судя по их разговорам, с минуты на минуту ждали Керенского. Мои подвыпившие соседи оказались его почитателями. Они расточали по его адресу похвалы, а с окружающими держались бесцеремонно, нарывались на скандал, но охотников связываться с ними не находилось.

Я остался ждать, но, конечно, не ради любви к Керенскому. Мне было любопытно поглядеть на человека, который пользовался в те дни среди обывателей изрядной популярностью. Отношение же к нему у меня сложилось давно, и не без причин... Я был тогда еще только гимназистом. Однажды дома, за обедом, отец мой рассказал матери: он и Кита Абашидзе сидели у председателя совета каменноугольной промышленности Георгия Здановича. Их гостем был член Государственной думы Александр Керенский. Разговор зашел о политике царизма в отношении народов империи, в част-

ности Грузии. Керенский высказал такие соображения по этому вопросу, что Зданович вспыхнул и сказал жестко:

— Александр Федорович, если вы так относитесь к Грузии, лучше не ступайте туда ногой!

Керенский сощурил глаза и что-то проормотал.

Отец говорил о ненавистнике своей страны с досадой.

Так начало складываться мое отношение к Керенскому...

В дальнем конце площади поднялся переполох. Послышался гудок — сквозь толпу к зданию Совета прибывала машина. Раздались приветственные выкрики, в воздух взлетели несколько шапок.

В открытой машине стоял худой, длинношей, еще довольно молодой светловолосый мужчина. При взгляде на него мне почему-то вспомнился молодой петух. Мужчина держал в руках шляпу и раскланивался в разные стороны в ответ на приветствия. Узнать Керенского было нетрудно, — его портреты тогда были развешены везде — на улицах, в учреждениях, в магазинах.

В машине был еще один человек — с ли-

цом монгольского типа, вздутыми щеками, хмурым выражением. Он глядел вокруг так, будто его раздражала толпа народа на площади. Он сидел глубоко в машине, неподвижно, будто прибитый гвоздем. Это был генерал Корнилов... Вот, оказывается, какова главная опора и надежда Временного правительства, правая рука Керенского! Вот человек, именем которого пугают народ и утверждают свою силу!

Я думал, что Керенский, этот знаменитый боец, обратится к собравшимся с речью, — но только машина приблизилась к дверям Совета, он тотчас же вышел и торопливо вошел в здание.

Керенский, этот калиф на час, претендовавший на руководство революцией, шагал сейчас рука об руку с генералом-монархистом, идолом которого был Николай Второй.

История вынесла ненавистнику моей родины достойный приговор. Он давно обратился в ничто, но чувства жалости и прощения во мне все же не вызывает. Таких не жалею!

Перевод Майи БИРЮКОВОЙ

Захарий ШВЕЛИДЗЕ

Они учились с Лениным

«Что вы бунтуете, молодой человек. Ведь перед вами стена», — сказал молодому Ленину, арестованному за активное участие в волнениях студентов Казанского университета в декабре 1887 года, пристав, сопровождавший его в тюрьму.

«Стена, да гнилая, тщи — и развалится»¹, — отвечал Ленин.

Но чтобы разрушить эту стену царского деспотизма и помещичье-буржуазного строя в России, десятилетиями вели борьбу представители нескольких поколений русских революционеров. В этой смертельной борьбе погибали тысячи героев — борцов за свободу. Но вместо павших вставали все новые и новые поколения борцов.

Радицева сменили декабристы. Им на смену пришли революционеры-разночинцы, «молодые штурманы будущей революционной бури», которые, начиная с Чернышевского и кончая героями «На-

родной воли»², не дрогнув, шли на верную смерть, ибо верили в окончательное торжество дела революции. Героев-разночинцев сменили пролетарские революционеры, вооруженные единственно правильной революционной теорией — марксизмом. Трудным и кровавым был путь русских революционеров. В поисках правильной революционной теории и тактики борьбы передовые сыны народа погибали в неравной схватке, их гноили в застенках царских тюрем.

В нарастающей революционной борьбе вместе с русскими революционерами принимала участие и революционная молодежь Грузии и Закавказья, обучающаяся в высших учебных заведениях России, твердо верившая в то, что победа общерусской революции принесет свободу и закавказским народам.

Новые архивные материалы помогают нам раскрыть яркие страницы совместной революционной борьбы сынов русского, закавказских и других народов

¹ Воспоминания родных о В. И. Ленине, 1955, стр. 22.

² В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 15, 4-е изд.

царской России. В частности, сегодня мы можем рассказать об участии в революционном выступлении студентов Казанского университета 1887 года грузина Ивана Михайловича Кавтарадзе и армянина Леонида Александровича Туманова. Как известно, главным зачинщиком выступления студентов был молодой Ленин.

* * *

Это был период господства в стране реакции, порожденной Александром III, обер-прокурором синода К. Победоносцевым, министром внутренних дел Д. Толстым, министром народного просвещения И. Делиновым и другими подручными «царя-чурчана», душиателя народов России.

Восьмидесятые годы, по словам В. И. Ленина, были периодом «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции»⁴. Особенное недoverие питал царизм к студенческой молодежи, считая студентов самыми опасными крамольниками.

В период 1879 — 1880 годов, когда усилилась волна студенческого движения, царское правительство приступило к разработке новых правил для студентов. В результате в 1884 году были изданы специальные правила, согласно которым запрещались всякие сходки и собрания студентов; университетская инспекция получила право свободно входить в квартиры студентов и обыскивать их.

С 1885 года почти вдвое увеличилась плата за обучение в университетах. Многие студенты были вынуждены искать заработок. По словам самих царских чиновников, студенты жили весьма «в дурной обстановке», плохо одевались, питались «в дешевых кухмистерских», ютились по сырым углам. Под давлением реакции университетские советы отказались принимать в высшие учебные заведения молодых людей, заподозренных в политической неблагонадежности.

С каждым годом царское правительство вводило новые меры, ограничивающие права студентов и профессоров. Чтобы закрыть двери высших учебных заведений для представителей малоимущей демократической среды, в июле 1887 года был издан реакционный циркуляр Делинова «О кухаркиных детях», преследовавший цель регулировать социальный состав студенчества, с целью превратить вузы в бюрократические учреждения, воспитывающие преданных царизму чиновников — выходцев из эксплуататорских классов. В том же 1887 году были изданы дополнительные правила, согласно которым каждый, посту-

пающий в вуз, должен был давать расписку в том, что он не будет участвовать в студенческих землячествах.

И все же студенческое демократическое движение не прекращалось, наоборот, оно принимало все более широкий размах. Еще в 1883 году студенты Московского университета, а вслед за ними и других вузов России начали создавать свои организации. Студенты Московского университета объединились в общество, названное «Общестуденческим союзом», впоследствии сыгравшим важную роль в расширении студенческих волнений по всей стране.

В 1886 и особенно в 1887 годах студенческие выступления во всех городах России, в том числе и в Казани, усиливаются. Новым толчком для этого послужила весть о покушении 1 марта 1887 года на жизнь царя Александра III и последовавшая за этим казнь мужественных революционеров А. И. Ульянова, П. Я. Шверева, В. С. Осипанова, В. Д. Генералова и П. А. Андрияшкина.

«Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти»⁴, — сказал тогда молодой Ленин. Летом этого же года Ленин поступает на юридический факультет Казанского университета. С наступлением учебного года здесь, как и в других университетах России, усиливается волнение среди студентов. Вскоре оно принимает характер массового выступления, вылившегося в конце ноября 1887 года в многолюдные сходки и демонстрации студентов, поддержанных передовыми профессорами, всей прогрессивной интеллигенцией.

Первыми выступили студенты Московского университета. 25 и 26 ноября перед зданием университета студенты устроили сходку, в которой участвовали 300—400 человек. Полиция устроила зверское избиение безоружных студентов. В ответ на это 27—28 ноября студенты собираются на более грандиозную сходку, требуя наказания виновников побойца, устроенного полицией. Волнения приняли такой широкий размах, что правительство решило закрыть Московский университет⁵.

Московские студенты разослали призы в университеты других городов. Незамедлительно откликнулись студенты таких крупных университетов, как Петербургский и Казанский. В записке попечителя округа П. Д. Шестакова сказано: «В тот же день, в который в Казань пришла телеграмма (из Москвы. — З. Ш.)... начались беспорядки и в Ка-

⁴ Ленин Владимир Ильич. Краткая биография, М., 1955, стр. 7.

⁵ Центральный государственный архив Октябрьской революции, ф. 102, 3 д-во, ед. хр. 657, ч. I л. 109.

³ В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 267.

занском университете, и начались самым бурным, неистовым взрывом»⁶.

Волнение, возникшее в конце ноября, 4 и 5 декабря принимает весьма бурный характер. Начались многолюдные сходки и демонстрации. Еще 3 декабря в городе появились воззвания, призывающие молодежь поддерживать московских соотечественников.

На сходке 4 декабря казанские студенты составили петицию, которую передали ректору университета. «Собралось нас сюда, — писали студенты, — не что иное, как сознание невозможности всех условий, в которые поставлена русская жизнь вообще и студенческая в частности, а также желание обратить внимание общества на эти условия и представить правительству свое требование»⁷. Далее были перечислены требования студентов: никакого контроля над личной жизнью студентов, свобода студенческих собраний и сходок, введение по всей империи единого, демократического по своему содержанию университетского устава, свобода подачи петиций, разрешение студентам иметь свою библиотеку, общественная столовая, починочная мастерская, ведение гласного студенческого суда, решения которого не могла бы изменить профессорская комиссия, права, позволяющие студентам самим рассматривать вопросы распределения денежных пособий, отмена сословного различия и уничтожение всяких препятствий для поступающих в высшие учебные заведения, отмена платы за учебу, отмена форменной одежды и так далее.

Петиция содержала также требования, поддерживающие московских соотечественников. «Для удовлетворения возмущенного нашего и общественного мнения, — читаем в петиции, — необходимо, чтобы были наказаны те лица, по приказанию или недосмотру которых были совершены в 20-х числах прошедшего месяца зверские насилия над нашими товарищами — московскими студентами...»⁸.

Не может быть сомнений в том, что требования студентов выходили далеко за рамки вопросов, интересующих лишь студентов-казанцев. Были затронуты общестуденческие и даже общеполитические социально-политические вопросы.

По своему политическому содержанию интересно воззвание «К русскому обществу», вышущее студентами в дни волнений. В нем говорилось, что народ только тогда может осуществить

свое стремление к справедливости, свободе и светлой жизни, если сам займет свое место в государстве, достигнет политической свободы. Поэтому конечная цель борьбы — это «свободные учреждения, демократическое правительство». Далее воззвание призывало «массы» к активной деятельности перейти ко всеобщей активной политической борьбе, ибо «царь — враг не только русского народа и свободы, а также враг цивилизации и науки»⁹.

В дни студенческих беспорядков в Казани появились еще несколько интересных воззваний: «Русские студенты и студентки Парижского университета товарищам» и своеобразный ответ на него «Казанские студенты студентам и студенткам Парижского университета», прокламация «К обществу» и другие, резко осуждающие царский деспотизм и открыто симпатизирующие революционерам, принесшим в жертву личную свободу и счастье за идею волевой и счастливой родины». Революционеры шли «на неравный бой с неограниченной монархией и после тяжелой жизни получили венец мучеников»¹⁰.

Таким образом, прокламации и воззвания казанских студентов были полны ненависти к царскому деспотизму, политических требований и идей присоединения к борьбе всей студенческой молодежи. Такая острота и сознательность борьбы казанских студентов была обусловлена политической зрелостью руководителей студенческих волнений, среди которых вместе с молодым Лениным в документах названы фамилии И. Кавтарадзе и Л. Туманова.

Весьма важен и тот факт, что студенты поддерживали передовые профессора Казанского университета, достойные премии профессора Шапова, жестоко наказанного правительством за проявление солидарности с восставшими крестьянами, расстрелянными царизмом в апреле 1861 года в селе Бездна.

В архивных документах указывается, что профессора Казанского университета Васильев, Шмуkenберг, Щербakov, Преображенский были против реакционных мероприятий попечителя округа, более того, во время студенческих сходок в университете они открыто выступили «словами против правительства»¹¹.

Вместе с тем в документах указывается, что в дни подготовки к выступлению со студентами Казанского университета поддерживал связь известный революционер-народник, участник грандиозного

⁶ «Русская старина», 1899, № 6, стр. 515.

⁷ ЦГАОР, ф. 539, 3 д-во, 1887, ед. хр. 74, л. 5—6.

⁸ ЦГАОР, ф. 539, 3 д-во, 1887, ед. хр. 74, л. 6.

⁹ ЦГАОР, ф. 539, 3 д-во, 1887, ед. хр. 74, л. 16.

¹⁰ Там же.

¹¹ ЦГАОР, ф. 539, 3 д-во, 1887, ед. хр. 662, ч. 1, л. 210.

студенческого революционного движения в Петербурге в 1861 году, член тайной организации «нечаевцев» Николай Федорович Анненский, который после окончания срока наказания работал в статистическом бюро казанской земской управы¹².

В архивных материалах указывается, что во время беспорядков «в его доме собирались подозрительные в политическом отношении люди, впоследствии высланные правительством из Казани». Не вызывает сомнения, что связь Анненского со студентами могла придать их выступлению организованный и политически острый характер.

Примечательно и тот факт, что недовольную часть студенчества всячески поддерживали передовые представители казанского общества. Они оказывали студентам моральную и материальную поддержку во время их выступлений и следовавшего за этим тюремного заключения. Им приносили глубокую благодарность студенты в своем воззвании «Прощай, Казань!», выпущенном перед высылкой их из города. «Искреннее спасибо, — писали они, — за сочувствие и материальную поддержку многих членов казанского общества»¹³.

Власти жестоко расправились со студенчеством. Самые активные из выступавших студентов были арестованы и брошены в казематы. Начались дознания и расправы.

Занятия в университете были прекращены. Прекратили выдачу пособий студентам. Полиция зорко следила за оставшимися на воле и при малейшем подозрении задерживала их.

Зачинщиками восстания были признаны 74 человека. Они были исключены из университета и высланы из Казани под надзором полиции. В числе главных руководителей выступления, исключенных особым списком, были Ульянов Владимир Ильич — из юридического факультета, Кавтарадзе Иван Михайлович и Туманов Леонид Александрович — из медицинского факультета¹⁴.

Но и тюремные стены не остановили студентов. И в камерах продолжали они обсуждать наиболее важные вопросы. По возможности арестованные студенты общались друг с другом, интересуясь, что будет делать каждый после освобождения. Именно здесь, в казанской тюрьме, окончательно сформировались взгляды молодого Ленина. «Ну, а ты, Ульянов. Что думаешь делать потом?» — спросил Владимира Ильича. Он ответил, что перед ним одна дорога — «дорога ре-

волюционной борьбы». С этих пор посвятил Ленин «всю свою жизнь делу борьбы против самодержавия и капитализма, делу освобождения трудящихся от гнета и эксплуатации»¹⁵.

Факты общения арестованных студентов в казанской тюрьме, руководящая роль Кавтарадзе и Туманова в волнениях студентов, исключение их из университетов вместе с В. И. Ульяновым по первому списку наводит на мысль о том, что Кавтарадзе и Туманов могли иметь связь с будущим вождем русского и международного революционного движения.

* * *

В новых архивных материалах, обнаруженных нами в Центральном государственном областном историческом архиве Татарской АССР в Казани и в Центральном государственном архиве Октябрьской революции в Москве, содержатся важные сведения об активной деятельности и руководящей роли закавказских студентов Кавтарадзе и Туманова в подготовке и проведении студенческих выступлений в Казанском университете.

Иван Михайлович Кавтарадзе родился 24 июня 1863 года в местечке Сигнахи Тбилисской губернии. Свидетельство, выданное 12 марта 1865 года грузинско-императорской синодальной канцелярией, указывает на то, что отец его, дворянин Михаил Афанасьевич Кавтарадзе, был помощником секретаря Сигнахского уездного управления¹⁶.

Окончив в июне 1887 года полный курс первой Тифлисской классической гимназии, И. Кавтарадзе в начале июля того же года посылает на имя ректора Казанского университета прошение о зачислении его студентом медицинского факультета. И. Кавтарадзе был принят в университет, и ему выдали студенческий билет за № 147.

В правлении университета, опасаясь студенческих волнений, у И. Кавтарадзе 13 августа 1887 года требуют расписку следующего содержания: «Я, нижеподписавшийся, обязуюсь не состоять членом и не принимать участия в каких-либо обществах, как, например, землячествах и т. п., а равно не вступать членом даже в дозволенные законом общества, без разрешения на то в каждом отдельном случае ближайшего начальства»¹⁷.

И все же, едва начались студенческие волнения, Кавтарадзе без колебаний примкнул к борцам за свободу и скоро оказался в самом центре студенческого движения. В официальных документах

¹² ЦГАОР, ф. 539, 3 л-во, 1887, ед. хр. 735, л. 7.

¹³ ЦГАОР, ф. 539, 3 л-во, 1887, ед. хр. 735, л. 32.

¹⁴ ЦГАОР, ф. 539, 1887, ед. хр. 662, ч. I, л. 186.

¹⁵ Ленин Владимир Ильич, Краткая биография, стр. 8—9.

¹⁶ ЦГИА Татарской АССР, ф. 972, оп. а/д ед. хр. 31310, л. 5.

¹⁷ Там же, л. 6

И. Кавтарадзе признан «одним из главных виновников студенческих беспорядков в Казани»¹⁸. Из этих же документов мы узнаем о том, что он был «в числе десяти студентов Казанского университета, действия которых были направлены против Инспектора студентов сего университета Потапова, получившего оскорбление от студента Алексея»¹⁹, а также, что он был человеком «буйного» характера²⁰.

Небезынтересны сведения о том, что во время студенческих беспорядков в Казани один экземпляр студенческого воззвания «К русскому обществу» был переслана почтой в Тифлис в редакцию газеты «Новое обозрение», редактируемой одним из идеологов грузинского революционного народничества Н. Я. Николадзе. На конверте адрес: «Тифлис, в редакцию газеты «Новое обозрение» и печать: «Почтовый вагон» и число²¹. Видимо, конверт был опущен непосредственно в почтовый вагон. Можно предположить, что отправление упомянутого воззвания в Тифлис не могло обойтись без участия Ивана Кавтарадзе.

По окончании дознания И. Кавтарадзе был исключен из числа студентов Казанского университета с запрещением жительства в тех городах империи, где имеются университеты²².

В обнаруженных нами архивных документах содержится интересные сведения о том, что в начале января 1888 года, когда волнения студентов, правда не с прежней силой, но продолжались, а Московский университет еще был закрыт, И. Кавтарадзе ездил в Москву и Киев. В докладе начальника Киевского губернского жандармского управления генерала Новицкого директору департамента полиции от 9 января 1888 года об этом факте говорится, что студент Казанского университета, дворянин Тифлиской губернии Иван Михайлович Кавтарадзе прибыл в Киев и «специально агитирует среди студентов Киевского университета, призывая их произвести беспорядки в Киеве, по открытии Московского университета»²³. Здесь же отмечается и то, «что среди московских студентов, благодаря его стараниям, состоялось решение вслед за открытием университета вновь приступить к волнениям и не подчиняться требованиям нового устава»²⁴.

¹⁸ ЦГИА Татарской АССР, ф. 977, оп. а/д, ед. хр. 31310, л. 8.

¹⁹ ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, 1897, ед. хр. 379, л. 3.

²⁰ Там же, л. 4.

²¹ ЦГАОР, ф. 539, 3 д-во, 1887, ед. хр. 735, л. 39.

²² ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, 1894, ед. хр. 579, л. 1.

²³ ЦГАОР, ф. 102, 1894, ед. хр. 379, л. 3.

²⁴ Там же, л. 5.

По распоряжению начальника Киевского жандармского управления в ночь с 4 на 5 января И. Кавтарадзе был задержан. При обыске ничего подозрительного у него не было найдено.

На допросе И. Кавтарадзе показал, что в Киев приехал с целью поступить в университет и отклонил предъявленное ему обвинение в антиправительственной пропаганде среди московских и киевских студентов. Правда, он признал, что ездил в Москву и там прожил несколько дней, но назвать гостиницу, где он ночевал, отказался, ссылаясь на свою забывчивость²⁵.

Не найдя достаточных и веских для сурового наказания материалов, жандармерия решила переслать И. Кавтарадзе в распоряжение начальника Тифлиского губернского жандармского управления для водворения его по месту жительства. Арестованный И. Кавтарадзе 7 января был «отправлен с конвоем в распоряжение харьковского губернатора для дальнейшего направления». Заслуживает внимания тот факт, что «Кавтарадзе, — читаем мы в документе, — при входе в вокзал железной дороги, обратясь к публике, закричал: «Господи, посмотрите, как с честными людьми поступают!» А харьковскому полицмейстеру, оказывается, «телеграфно было сообщено о Кавтарадзе, как о буйной личности, для принятия предупредительных мер на харьковском вокзале»²⁶.

Как видно из архивных материалов, И. Кавтарадзе, находясь в Тифлисе, также не подчинялся полицейским порядкам. Несмотря на запрет, он часто самовольно покидал дозволенное ему место жительства. Об этом говорит и тот факт, что, когда из казны 4 февраля 1888 года были пересланы тифлиской полиции личные документы Ивана Кавтарадзе, полиция долго не могла его найти, чтобы вручить ему эти документы²⁷. И только 9 апреля 1888 года удалось тифлиской полиции найти И. Кавтарадзе.

* * *

Студент II курса медицинского факультета Казанского университета Леонид Александрович Туманов происходил из мещанской семьи. Родился он 15 января 1862 года. В июне 1885 года окончил полный курс гимназии в Симферополе и в сентябре того же года поступил на медицинский факультет Казанского университета²⁸.

25 февраля 1887 года у Л. Туманова также отобрали расписку в том, что он «не будет состоять и не примет участия

²⁵ ЦГАОР, ф. 102, 1894, ед. хр. 379, л. 3.

²⁶ Там же, л. 4.

²⁷ ЦГИА ТАССР, ф. 972, оп. а/д, ед. хр. 31310, л. л. 13, 14, 15.

²⁸ Там же, л. II.

в каких-либо сообществах»²⁹. Но несмотря на обещание, когда в конце ноября 1887 года в Казанском университете начались студенческие выступления, Л. Туманов принял в них самое деятельное участие, за что и был привлечен к дознанию при Казанском губерском жандармском управлении. В 1887 году Л. Туманов был исключен из университета без права жительства в университетских городах империи и выслан из Казани. Его имя числится в том списке, по которому был исключен В. И. Ленин³⁰.

К сожалению, у нас нет более конкретных материалов, проливающих свет на революционную деятельность Л. Туманова. Неизвестна также его судьба после отчисления из университета и выезда из Казани.

* * *

Как же сложилась дальнейшая судьба И. Кавтарадзе? В нашем распоряжении имеются материалы, дающие возможность проследить его биографию только до 1900 года.

В первую очередь следует указать, что после студенческих волнений, ареста и высылки из Казани, И. Кавтарадзе решил поменять специальность. В Казанском университете он учился на медицинском факультете, а впоследствии решил продолжать учебу по курсу юридического факультета. Невольно возникает вопрос: не является ли такая эволюция в выборе будущей профессии результатом общения и обмена мнениями с молодым В. И. Лениным, выбравшим для себя профессию юриста, как наиболее подходящую и нужную для профессионального революционера.

Как свидетельствуют архивные материалы, И. Кавтарадзе в начале 1888 года, проживая в Киеве, видимо, действительно подал прошение начальнику Киевского жандармского управления о разрешении ему поступить в Киевский университет «Святого Владимира». Киевская жандармерия прошение Кавтарадзе и свое письменное соображение переслала директору департамента полиции, тайному советнику Дурново, а он, со своей стороны, переслал прошение Кавтарадзе в министерство народного образования³¹.

Началась характерная для царской администрации обширная бюрократическая

переписка. Собрание сведений о И. Кавтарадзе длится до конца 80-х годов. Наконец, ему разрешают поступить на юридический факультет Харьковского университета. Вероятно, это было в 1889 году. К сожалению, у нас нет возможности судить более подробно об этом факте, так как весь фонд Харьковского университета и вместе с ним и личное дело Кавтарадзе погибли в годы фашистской оккупации Харькова.

В 1894 году И. Кавтарадзе окончил юридический факультет Харьковского университета и, согласно требованиям реакционного университетского устава, вместе с дипломом должен был получить из правления университета свидетельство о благонадежности. Иначе его не допустили бы к государственной службе. Но такое свидетельство можно было получить только по единогласному решению всех пяти делопроизводств и многочисленных столов департамента полиции.

25 марта 1894 года министерство народного образования запросило у департамента полиции согласие о выдаче И. Кавтарадзе указанного свидетельства. Но полиция не спешила с ответом. 5 мая того же года вновь было послано в департамент полиции отношение следующего содержания: «Департамент Народного Просвещения имеет честь покорнейше просить Департамент полиции не отказать ускорить отзывом на отношение Департамента от 25 марта за № 6208, по делу о выдаче студенту Ивану Кавтарадзе свидетельства о благонадежности»³².

Из департамента полиции свидетельство о благонадежности Ивана Кавтарадзе, наконец, было выдано в форме весьма короткого отзыва. Видимо, это обстоятельство и послужило причиной того, что он был назначен не на официальную судебную должность, а всего лишь кандидатом на такую должность в Елизаветпольском судебном округе. И только в июле 1900 года соответствующие власти решили истребовать для И. Кавтарадзе назначения на официальную судебную должность в той же губернии³³.

К сожалению, о дальнейшей судьбе И. Кавтарадзе нет сведений в материалах, которыми мы располагаем. Будем надеяться, что дальнейшие поиски в этой области откроют не менее интересные страницы жизни замечательных сынов нашего народа, преданных идеям революции, делу великого Ленина.

²⁹ ЦГИА ТАССР, ф. 972, оп. а/д, ед. хр. 31310, л. 13, 14, 15.

³⁰ ЦГАОР, ф. 539, 3 д-во, 1887, ед. хр. 622, ч. 1, л. 186.

³¹ ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, 1894, ед. хр. 379, л. л. 9, 10.

³² ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, 1894, ед. хр. 379, л. 14.

³³ Там же, л. л. 16, 17, 18.

Ленин и вопросы эстетики

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась началом новой эпохи — эпохи расцвета подлинно народной культуры, литературы и искусства. После революции в нашей стране, впервые в истории человечества, были созданы наиболее благоприятные условия для невиданного до того роста и развития новой культуры, подлинно реалистической литературы и искусства.

В Тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина» сказано: «Важное место в создании духовных предпосылок коммунизма, в воспитании нового человека Ленин отводил литературе и искусству. Общество, строящее коммунизм, глубоко заинтересовано в расцвете литературы и искусства, всех форм художественного творчества. Их общественная ценность определяется высоким художественным мастерством, идейной бескомпромиссностью и партийной страстностью в утверждении коммунистических идеалов».

Большое внимание уделял В. И. Ленин вопросам искусства и культуры в период подготовки и проведения пролетарской революции, в период строительства социализма, считая, что проблемы литературы, искусства неразрывно связаны с общими проблемами пролетарской революции и строительства социализма. С первого же дня Советской власти в основу политики партии в области искусства легли теоретические труды В. И. Ленина дореволюционного и послеоктябрьского периодов. При разработке этой политики большое значение имело практическое руководство В. И. Ленина на том или ином участке строительства новой культуры.

На протяжении многих лет, особенно в первый период зная, советская философская и эстетическая мысль недостаточно была знакома с теоретическим наследием В. И. Ленина, с основами материалистической эстетики, разрабатываемыми в трудах классиков марксизма.

Развитию советской эстетической теории в свое время значительно препятствовали идеалистические эстетические направления различного толка, вульгарно-социологические взгляды. Труды советских эстетиков, такие, как «Социология искусства» В. Фиче (1926), «Опыт марксистского анализа истории

эстетики» Л. Зивельчинской (1928) и другие на протяжении ряда лет считались руководящими в марксистской эстетике, в то время как взгляды классиков марксизма-ленинизма, их высказывания о художественной литературе и искусстве были забыты. Более того, некоторые советские искусствоведы, литературоведы, эстетики даже отмечали, что Маркс, Энгельс и Ленин, которому история отвела самую великую роль — развить и претворить в жизнь идеи марксизма, ничего не успели сказать об искусстве, что лишь Плеханову, Каутскому, Мерингу, Люксембург, Луначарскому и еще нескольким видным марксистам удалось сравнительно продолжительное время работать в сфере искусства и культуры. О взглядах Ленина на искусство, по мнению этих искусствоведов, можно судить главным образом по воспоминаниям Клары Цеткин.

Буржуазные теоретики, целый ряд ревизионистов вообще пытались умалить роль классиков марксизма в вопросах литературы и эстетики. Мотивируя тем, что классики марксизма не оставили курса эстетики, некоторые «теоретики» пытались доказывать, что классики научного коммунизма не имеют цельного взгляда на искусство, что вроде бы они «не были заинтересованы» литературой и искусством и так далее. А были и такие советские искусствоведы и литературоведы, которые полностью игнорировали взгляды классиков марксизма на искусство и литературу.

Возникновение марксизма явилось величайшей революцией в науке. Теоретическая основа марксизма — диалектический и исторический материализм — это начало новой эпохи в развитии человеческого знания, эпохи подлинно научного понимания законов природы, мышления, общества и человека.

Эстетические взгляды Маркса, Энгельса и Ленина представляют часть их философской теории и политической борьбы за освобождение трудящихся от капиталистического гнета.

Заслуга основоположников марксизма в том, что они впервые в истории человеческого мышления объяснили процесс развития общества с философско-материалистических позиций. Считая, что развитие общества не что иное, как про-

должение развития природы, они в то же время были далеки от отождествления закономерностей природы и общества. Они указывали: задача науки состоит именно в том, чтобы исследовать природу и общество в соответствии с их общими признаками и отличительными особенностями.

Само же общество представляет собой живую динамическую систему, где различные явления и элементы находятся в постоянной неразрывной взаимосвязи. Поэтому ни одно из явлений этой системы, по Марксу, Энгельсу и Ленину, не может быть понято в отрыве от других общественных явлений. Это положение остается в силе и по отношению к искусству. Классики марксизма показали, что у искусства есть свое, свойственное лишь ему своеобразие. В то же время они считали, что невозможно правильно понять искусство и литературу, если исходить только из внутренних, имманентных законов их развития.

С точки зрения классиков марксизма, возникновение, развитие и общественная роль искусства, сущность его может быть понята только из анализа общественной системы, внутри которой экономическому фактору — развитию производительных сил в сложной взаимосвязи с производственными отношениями — принадлежит определяющая, первостепенная роль. Итак, искусство, по мнению классиков марксизма, представляет собой лишь часть исторического процесса в целом, материальную основу которого составляет развитие производительных сил и производственных отношений, а эти последние — две неотделимые одна от другой стороны способа производства. Марксизм открыл закон развития человеческой истории, тот до того скрытый под идеологическими наслоениями простой факт, что люди, прежде чем заниматься политикой, наукой, искусством, религией, должны производить материальные блага, необходимые для их существования, — продукты питания, одежду, жилье и так далее.

Основы эстетики труда и технической эстетики были заложены у нас еще в первые годы после победы революции. 29 ноября 1920 года В. И. Ленин подписал постановление Совнаркома об учреждении в Москве Высших государственных художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС), которые должны были готовить художников-мастеров высшей квалификации для промышленности, а также инструкторов и руководителей профессионально-технического образования¹.

В. И. Ленин отмечал, что революция пробуждает все скованные до того силы

и гонит их из глубин на поверхность жизни. Он прекрасно понимал, какое влияние оказывали на развитие живописи, скульптуры и зодчества мода и причуды царского двора, равно как и вкус и причуды господ аристократов и буржуазии. В обществе, основанном на частной собственности, художник производит товары для рынка, он нуждается в покупателе. Октябрьская революция освободила художника, советское государство стало на защиту его интересов, стало его заказчиком. Художник получил право на свободу творчества, возможность работать в соответствии со своими идеалами, независимо ни от чего.

Факты свидетельствуют о том, как бережно и заботливо относился вожьд революции к вопросам реконструкции Москвы, какое внимание уделял он охране культурного наследия, вопросам воспитания в молодой советской республике истинных художников и так далее.

Видный советский зодчий академик Жолтовский вспоминал, что В. И. Ленин поддерживал идею развития нового жилищного строительства в юго-западном направлении Москвы, в районе Воробьевых гор, Новодевичьего монастыря, уделял большое внимание вопросам создания в столице массивов зеленых насаждений. По совету Ильича были благоустроены Театральная площадь, Охотный ряд. При рассмотрении планов реконструкции Москвы В. И. Ленин говорил о необходимости сохранения памятников древнего зодчества, всего драгоценного, что создано художественным гением народа. Горячо отстаивая в искусстве подлинную красоту, Владимир Ильич предостерегал художников от опасности проникновения в их творчество мещанства.

В конце февраля 1921 года В. И. Ленин побывал в гостях у студенческой коммуны ВХУТЕМАСа, испытывавшей в то время влияние пролеткультовцев и футуристов. В связи с этим Ильич вносил предостережение против молодежи там хорошая, однако ее не обучают тому, что нужно¹.

В прошлом стремление трудового человека к прекрасному тормозили уродливые условия общественной жизни, резкое противопоставление труда творчеству, физическому труду труду умственному.

Приверженцы модернистской эстетики, выступающие против демократизации культуры, утверждают, что сближение литературы и искусства с народом неминуемо вызовет снижение его художественного уровня, что принцип массовости искусства несовместим с высоким уровнем эстетического критерия.

¹ В. И. Ленин о литературе и искусстве. 1967, стр. 590.

¹ В. И. Ленин о литературе и искусстве. 1967, стр. 715.

История мирового демократического искусства опровергает это утверждение. В беседе с Иларой Цеткин В. И. Ленин отмечал, что искусство должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс, оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. В этой же беседе Ильич подчеркивал, что «рабочие и крестьяне... получают право на настоящее великое искусство; широкое народное образование и воспитание создает почву для культуры, на этой основе должно вырасти действительно новое великое коммунистическое искусство, которое создаст форму соответственно своему содержанию»¹.

Поистине пророчески характеризовал В. И. Ленин путь, которым пойдет развитие народного социалистического искусства. Сочетание доступности искусства и его подлинной художественности было сложной творческой задачей, которая решалась мастерами искусства, преодолевшими немало препятствий.

В речи на вечере московского пролеткульта 6 ноября 1918 года В. И. Ленин отмечал, что «...могучее организующее орудие — искусство, монополизированное раньше буржуазией, — теперь в руках пролетариата. Лишь теперь пролетариат может творить свободно и радостно»².

В. И. Ленин доказал, что «искусство для искусства» — это только красивые слова, полные фарисейства, что в действительности капитализм низвел искусство до роли прислужника денежного мешка. Ленин решительно выступал в защиту художественного творчества, понятного и доступного народу. Модернистское творчество XX века он называл «полной бессмыслицей».

Уничтожающей критике подверг В. И. Ленин позицию А. Богданова и пролеткультовцев. Он отмечал, что объективное — это не то, что существует для кого-то (пусть даже для всех), а то что существует независимо от кого бы то ни было, независимо от всех.

Человек может познать эстетическое, использовать это знание для подчинения, преобразования природы, но не может создать эстетическое из ничего.

Пути строительства новой культуры В. И. Ленин связывал с весьма важными факторами, а именно с **развитием** лучших образцов, традиций, результатов **существующей** культуры с точки зрения мирозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры³.

Называя книгу А. Тодорского «Год с винтовкой и плугом» маленькой картинкой для выяснения больших вопросов, В. И. Ленин отмечал, что из нее следует извлечь серьезные уроки по самым важным вопросам социалистического строительства. Ильич предпочитал книги, отличающиеся правдивостью, богатым ценным фактическим содержанием, изданиями некоторых литераторов, сплошь да рядом за бумагой не видящих жизни.

Эстетическое в жизни и искусстве служит благородным и великим целям: созданию на земле самого справедливого, самого прекрасного общества, воспитанию гармонично развитого человека. Искусство должно «объединять чувство, мысль и волю... масс, подымать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их». Эта мысль В. И. Ленина еще раз подтверждает ту истину, что красота в природе, обществе и искусстве должны содействовать объединению чувств, мыслей и воли людей, формировать их эстетические вкусы.

В первых коммунистических субботниках В. И. Ленин увидел ростки коммунистического отношения к труду, первое условие перевоспитания человека в социалистическом духе и назвал их «великим почином». «Любите труд!» — один из бессмертных заветов Владимира Ильича Ленина.

Величайший стимул к труду заключается в эстетической среде. В первые годы революции этой стороне труда уделялось большое внимание, преследовалась цель уничтожить пропашь, раздельную труд и красоту. Задача эта логически вытекала из известного ленинского положения — «искусство принадлежит народу».

В последние годы в нашей стране делается многое для претворения в жизнь этого указания В. И. Ленина. В высших учебных заведениях постепенно реорганизуется система художественного образования, созданы художественно-конструкторские бюро в крупных промышленных районах, на больших заводах и фабриках. В 1962 году в Москве был создан Научно-исследовательский институт технической эстетики, а позже — его филиалы в союзных республиках.

В трудные годы гражданской войны и военной интервенции, когда русская контрреволюция и международная буржуазия стремились потопить в крови молодую Советскую Россию, когда трудящиеся проявляли невиданный героизм, борясь с разрухой и голодом, партия, великий Ленин не забывали о вопросах культуры и искусства, о их величайшей общественно-преобразующей, активно-воспитательной роли. Агит-

¹ В. И. Ленин о литературе и искусстве, 1967, стр. 665, 666.

² Там же, стр. 431.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 462.

тационные плакаты в гражданскую войну клеймили позором врагов революции, играли мобилизующую роль в деле сплачивания трудящихся масс вокруг коммунистической партии. Большое значение имели различные формы агитационно-массового изобразительного искусства (политический и военный плакат, оформление агитпоездов и агитпароходов, революционных празднеств и так далее). Изобразительное искусство в то время было тесно связано с политической агитацией. Но не только этим определялось значение искусства. Для дальнейшего роста и развития советского искусства огромное значение имел план монументальной пропаганды, выдвинутый великим вождем буквально на второй же день после победы революции.

Ленинский план монументальной пропаганды, представляющий собой осуществление на практике взглядов В. И. Ленина на искусство, был выраженным основным принципом социалистической эстетики.

Свои соображения относительно монументальной пропаганды В. И. Ленин изложил в беседе с А. Луначарским. В книге диалогов известного итальянского утописта Томмазо Кампанеллы «Город солнца» (1623 г.) говорится о фресках на стенах фантастического социалистического города; эти фрески являлись для молодежи наглядным уроком по естествознанию, истории, формировали гражданские чувства, то есть воспитывали, растили новое поколение. Эту идею Кампанеллы, названную Ильичем монументальной пропагандой, с некоторыми коррективами можно было применить и осуществить в условиях молодого Советского государства. Ленинский план монументальной пропаганды прежде всего ставил идеино-просветительские задачи. Характеризуя план монументальной пропаганды, В. И. Ленин отмечал, что он призван пробудить в трудящихся гражданские чувства; принять участие в деле просвещения, воспитания нового поколения.

14 апреля 1918 года в «Известиях» был опубликован Декрет первого в мире правительства рабочих и крестьян, — Совета Народных Комиссаров, — «О памятниках республики». Декрет явился началом претворения в жизнь ленинского плана монументальной пропаганды. Не прошло и месяца со дня переезда Советского правительства в Москву с момента подписания Брестского мирного договора, а уже по предложению В. И. Ленина в порядок дня заседания Совнаркома был внесен проект Декрета, который был утвержден 12 апреля 1918 года. Именно поэтому, по решению Первого Всероссийского съезда советских художников, 12 апреля, день, когда В. И.

Ленин подписал упомянутый Декрет, объявлен «Днем художника».

Ленинским Декретом поручалось специальной комиссии мобилизовать художников и организовать широкий конкурс для разработки проектов памятников, выражающих величие идей социалистической революции. К 1 мая 1918 года предусматривалось «снести некоторые старые памятники и вынести на суд масс модели новых памятников, а также празднично оформить Москву, заменить старые надписи, гербы новыми, отражающими идеи и чувства революционной трудовой России».

30 июля 1918 года Совет Народных Комиссаров по предложению В. И. Ленина принимает постановление об увековечении памяти великих революционеров, деятелей культуры, философов, литераторов, ученых, мастеров искусства. Декрет, постановление, а также последующие решения Советского правительства, касающиеся установления памятников, известны в истории под именем ленинского плана монументальной пропаганды.

По указанию В. И. Ленина соответствующие организации, и в первую очередь Народный комиссариат просвещения под руководством А. Луначарского, развернули работу в Москве и Петрограде. Суровый российский климат не позволял создавать фрески, поэтому сочли целесообразным сооружать на площадях скульптуры, барельефы, групповые композиции. На стенах зданий появились выразительные плакаты, лозунги. Большое значение придавали также и выбору материалов. Примечательно, что Ленину в то время для такой работы имел в виду не дорогостоящие материалы (мрамор, гранит и другие), а простые, несложные в изготовлении бетонные плиты.

Ильич уделял открытию памятников особое внимание и просил привлекать к этому делу крупных специалистов. По его мысли, открытие каждого памятника должно было являться пропагандистским актом, небольшим торжеством, в особенности в связи с юбилейными и праздничными датами. В. И. Ленин не раз присутствовал на открытии таких памятников и выступал с речью.

В осуществлении ленинского плана монументальной пропаганды, имеющего большое значение для развития искусства народов Советской России, активно участвовали видные советские художники и скульпторы: Н. Андреев, С. Меркуров, Л. Шервуд, С. Алешин, С. Коненков и другие. Их произведениями явились выражением революционного мировоззрения новой эпохи. Занятый ответ-

¹ В. И. Ленин о литературе и искусстве, 1967, стр. 571.

ственными делами огромного значения, В. И. Ленин особый интерес проявлял к проектам памятников.

На первых порах ленинский план монументальной пропаганды встретил много препятствий. Основное препятствие было вызвано объективными обстоятельствами, тяжелыми годами гражданской войны. Но не менее существенно было сопротивление, оказываемое так называемым формалистическим искусством.

Формалисты и «левые» руководители отдела изобразительного искусства Народного комиссариата просвещения были настроены недоброжелательно в отношении плана монументальной пропаганды. Но «левое» кубо-футуристическое и конструктивистское являне в лице его защитников (М. Королев, В. Татлин и другие) потерпело полное поражение.

Ленинский план монументальной пропаганды — одно из звеньев величайшей культурной революции, социалистической эстетики молодой советской республики, где трудовой народ впервые в истории взял власть в свои руки и не только взял, но и удержал, и успешно управлял государством, несмотря на голод, блокаду и многие другие трудности.

Учение о партийности литературы и искусства, заложенное в классическом труде В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», представляет собой огромный вклад в марксистскую эстетику.

Партийность искусства означает прямую, открытую связь искусства с интересами определенного класса, сознательное служение художника интересам этого класса. Партийность обязывает при всякой оценке явлений прямо и открыто становиться на позиции определенной общественной группы. Ленин учил, что беспартийность в буржуазном обществе всего лишь лицемерное, прикрытое, пассивное выражение принадлежности к партии сытых, к партии господствующих, к партии эксплуататоров, что беспартийность — буржуазная идея, а партийность — идея социалистическая, ибо строгая партийность есть спутник и результат высококоразвитой классово-борьбы.

Почти шестьдесят пять лет минуло с тех пор, как была написана статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», но положения, сформулированные в ней, освещали и освещают путь искусству социалистического реализма. Что же обусловило такую ее действительность и непреходящее значение?

Статья написана в период подъема первой русской революции, когда в новых условиях необходимо было определить место и роль печатного слова, пу-

блицистики, художественной литературы как могучих средств познания и преобразования жизни, поставить их на службу интересам пролетариата.

Партия — авангард русского рабочего класса — была уже создана, у нее уже имелась своя программа и устав. Одновременно с приближением революции ощущалась активизация реакции. Были необходимы максимальные организованность и дисциплина, обеспечение единства и сплоченности партийных рядов. Именно в этот момент русские меньшевики потребовали для партийной интеллигенции обеспечения особых условий. После II съезда РСДРП борьба меньшевиков за привилегированное положение литераторов еще более усилилась. Они все углубляли раскол, полностью захватили в свои руки центральный партийный орган «Искру». В своих устных и печатных выступлениях меньшевики отрицали тезис партийного руководства литературой, проповедовали всякого рода «беспартийность», «надклассовость», «надпартийность», «абсолютную свободу творчества» и так далее.

В этих условиях на новом этапе необходима стала разработка принципов политики партии в области литературы, защита чистоты ее идеологических позиций, выкорчевывание ядовитых корней, широко распространенных в рядах интеллигенции буржуазного индивидуализма и «барского анархизма». Эту благородную задачу взял на себя В. И. Ленин. В ноябре 1905 года он возвратился из эмиграции в Петербург и сразу же развернул большую организаторскую работу, руководил работой Центрального Комитета партии и ежедневной легальной большевистской газетой «Новая жизнь», в которой систематически печатались его статьи. Газета «Новая жизнь», выходявшая в ноябре — декабре 1905 года тиражом в 80 тысяч экземпляров, фактически представляла центральный орган партии и пользовалась широкой популярностью среди рабочих. Она сыграла большую роль в сплочении сил пролетариата, в деле роста и повышения политической сознательности. Царское правительство чувствовало это и обрушивало на газету репрессии. Последний номер газеты (№ 28) вышел нелегально 16 декабря 1905 года.

В 12-м номере «Новой жизни» от 13 (26) ноября 1905 года напечатана гениальная статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература». Одна из основных особенностей этой статьи, объем которой составляет половину печатного листа, заключалась в необыкновенной широте поставленной темы. Лаконичность в ней сочетается с глубиной мысли, с величайшей дальзоркостью определены

задачи партийной прессы, партийной публицистики и художественной литературы в новом историческом периоде. Статья освещает важнейшие вопросы эстетики. В ней говорится о роли и значении литературы, об идейности и классности, о своеобразии новой литературы, одухотворенной идеями социализма.

В. И. Ленин призывал партию еще в условиях капитализма (поскольку завоевана свобода печати) вырвать из-под буржуазного контроля литературное творчество революционеров. Необходимо создать, говорил Ленин, легальную социал-демократическую литературу, в том числе литературу художественную, которая в проклятое время идейного крепостничества говорила эзоповским языком.

«Мы хотим создать и мы создадим свободную печать не в полицейском только смысле, но также и в смысле свободы от капитала, свободы от карьеризма, — мало того: также и в смысле свободы от буржуазно-анархического индивидуализма».

Эти слова В. И. Ленина вызвали острую реакцию среди буржуазной интеллигенции и в оппортунистической части социал-демократии.

В статье В. И. Ленин первым в марксистско-ленинской эстетике сформулировал основной принцип создания и развития социалистической художественной литературы (искусства) — принцип партийности, основная суть которого состоит в том, что художественная литература (искусство) должна бескорыстно служить рабочему классу, делу всего народа.

В своей статье вождь коммунистической партии и народа дал замечательный анализ положения искусства в буржуазном обществе. В ней мы встречаемся не только с критикой искусства в буржуазном обществе, но и с целым рядом важнейших положений относительно характера, сущности и путей развития искусства социалистического общества. Эти положения статьи Ленина легли в основу советской эстетики.

Говоря о губительном воздействии на искусство буржуазного общества, Ленин наглядно показал, что в буржуазном обществе нет и не может быть творчества, стоящего над борющимися классами, надклассового искусства, беспартийного искусства.

В чем же состоит принцип партийности литературы, его основная суть? В. И. Ленин разъяснил, что принцип партийности не только в том, что для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп. Литература вообще не может быть индивидуальным делом, независимым от классовых интересов.

Говоря о том, что литературное дело должно стать «колесиком и винтиком» одного единого великого социал-демократического механизма, приводимого в движение сознательным авангардом всего рабочего класса, В. И. Ленин в то же время указывал, что литературная часть партийного пролетарского дела не может быть шаблоно отожествляема с другими частями партийных дел пролетариата.

Обращаясь к деятелям буржуазного искусства, В. И. Ленин отмечал: «В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунелствуют горстки богатей, не может быть «свободы» реальной и действительной».

Подчеркивая то, что эта «свобода» есть замаскированная или лицемерно маскируемая зависимость от денежного мешка, В. И. Ленин отмечал тот существенный момент, что так называемая «свобода» в буржуазном обществе, как выражение основ буржуазной демократии, есть и не может быть чем-либо иным, нежели свободой формальной.

Наша художники не мыслят своего творчества вне служения революции, социализму, коммунизму, народу, партии. Принцип партийности в искусстве это не просто общее политическое выражение идейного направления искусства, а эстетический принцип, который подразумевает как свободу и специфику художественного творчества, так и индивидуальное своеобразие каждого художника.

Марксизм-ленинизм вскрывает буржуазное фарисейство. Истинная свобода может существовать лишь в новом, построенном на социалистических началах обществе.

Метод социалистического реализма и партийность искусства не раз становились объектами нападков наших идеологических противников. Не так давно известный ревизионист Георг Лукач прямо выступил против статьи В. И. Ленина и утверждал, что труд «Партийная организация и партийная литература» имеет отношение скорее к партийной публицистике и никоим образом не связан с проблемами художественного творчества. О том же твердит ныне австрийский ревизионист Эрнст Фишер в книге «Искусство и сосуществование», в которой он клеветает на наш строй, проповедует сосуществование в идеологии, классовое примирение между буржуазией и рабочим классом.

Обосновав принцип партийности искусства, литературы, В. И. Ленин в то же время подчеркивал, что искусство, литература всего менее поддаются механическому уравниванию, нивелированию, господству большинства над меньшинством, что в искусстве (литературе) необходимо обеспечение большого про-

сторы личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию.

Апологеты эксплуататорских классов выступают с так называемой широкой беспартийности, но и она подразумевает не что иное, как партийность. Что и говорить, трудно выступать перед народом с защитой интересов эксплуататоров и надеяться на поддержку масс. Эгоистический идеал буржуазной партийности по существу антинароден и антиэстетичен, так как он направлен против жизненной правды. Поэтому он и стремится как можно искусней маскироваться. С этой целью наши идейные враги проповедают «абсолютную свободу» творчества буржуазного художника, трубят на весь мир о том, что партийное руководство ведет к нивелированию художественного творчества, будто оно убивает свободу творчества. А под свободой творчества они понимают свободу от общества, чего в природе нигде и никогда не бывало.

В. И. Ленин сформулировал ученые относительно существования двух культур в каждой культуре в условиях буржуазного строя. С одной стороны, — народная, демократическая культура, культура большинства народа, девяти десятых нации и, с другой, — культура господствующих, эксплуататорских классов, культура одной десятой нации. В подлинно демократической культуре, искусстве имеются элементы социалистической культуры, искусства, поэтому она не только народна, но и интернациональна.

В статье «Критические заметки по национальному вопросу» (1913) В. И. Ленин отмечал, что каждая национальная культура содержит, пусть неразвитые, но элементы демократической и социалистической культуры, так как каждый народ состоит из трудовой и эксплуатируемой массы, условия жизни которой неминуемо порождают демократическую и социалистическую идеологию.

Учение В. И. Ленина о двух культурах имеет огромное значение для правильного понимания проблемы культурного наследия, которое помогает трудящимся массам в деле освобождения, в деле строительства новой жизни.

В условиях разнузданного шовинистического угара, когда нападки буржуазных газет на «антипатриотизм» большевиков достигли крайних пределов, Ленин опубликовал статью «О национальной гордости великороссов» (1914), в которой изложил программные положения о том, как понимает патриотизм, национальную гордость передовой русский пролетарий.

В первые годы Советской власти в области культуры и искусства возник целый ряд чуждых и ложных течений,

группировок, проповедующих буржуазные идеи. С позиций большевистской идейности, партийности боролся В. И. Ленин со всякого рода антимарксистскими, антинародными тенденциями в новой культуре, в строительстве нового искусства.

Одну из вредных тенденций в строительстве новой советской культуры и искусстве проповеживали так называемые пролеткультовцы.

Под видом пролетарской культуры пролеткультовцы пропагандировали буржуазные взгляды в философии (матризм), в области искусства же прививали рабочим нелепые, извращенные вкусы (футуризм).

«Теоретик» пролеткультовцев, безызыскный апологет идеализма А. Богданов проповедал отрыв пролетарского искусства от жизни, подготовку идеологов пролетариата в узких кружках, оторванных от подлинной борьбы трудящихся.

В предисловии ко второму изданию «Материализма и эмпириокритицизма» (1920) В. И. Ленин писал, что под видом «пролетарской культуры А. Богданов навязывает буржуазные и реакционные взгляды».

История советской эстетической мысли неопровержимо доказала величайшую справедливость критики формализма В. И. Лениным, партийей. На протяжении всего развития советского искусства формализм представлял собой не только препятствие в деле роста нашей литературы, изобразительного искусства, ваияния, зодчества, но и активно боролся против прогрессивных сил в искусстве, стремился оторвать искусство от народа, от реальной общественной жизни. Так было в 20-х годах, когда представители ЛЕФа, «четыре искусства» и других формалистических группировок всячески стремились препятствовать росту реалистических тенденций в искусстве, так было в 30-е годы, когда изблгченный партийей формализм, уже не осмеливаясь прямо выступать против принципов социалистического реализма, пытался оторвать искусство от задач реалистического отражения советской действительности. Так было и в дальнейшем.

Коммунистическая партия на протяжении всей истории Советского государства вела решительную борьбу против всяческих проявлений в искусстве буржуазной идеологии, безыдейности, апатичности, формализма.

Борясь за глубоко реалистическое искусство, В. И. Ленин решительно осуждал каждое произведение экспрессионизма, футуризма, кубизма и других «измов». Еще в первые годы Советской власти Владимир Ильич с величайшим вниманием следил за первым шагами советского искусства, воспитанем

советской интеллигенции в духе диктатуры пролетариата. Он первым заметил художественный талант Демьяна Бедного, поддержал актуальность поэзии замечательного поэта советской эпохи Владимира Маяковского.

В январе 1918 года В. И. Ленин отмечал, что просвещенные люди уже сейчас переходят на сторону народа, помогают трудящимся в борьбе с прислужниками капитала. С упрочением Советской власти все увеличивалось число передовых представителей художественной интеллигенции, перешедших на сторону народа, принявших пролетарскую платформу: В. Маяковский, А. Вересаев, В. Брюсов, А. Блок, Н. Касаткин, И. Бродский, Н. Андреев, Б. Кустодиев, А. Моравов, К. Юон и другие.

С ленинским учением о партийности литературы тесно связана проблема ее народности. Основу задачи новой, социалистической литературы и искусства В. И. Ленин видел в том, что искусство должно служить народу, бороться за его интересы, быть тесно связанным с пролетариатом, рабочим классом, революционным движением.

С первых же дней установления Советской власти В. И. Ленин уделял величайшее внимание проведению мероприятий, помогающих развитию духовной жизни, культуры, интересов рабочего класса, трудящихся. В послеоктябрьских выступлениях, речах, директивах, наставлениях, указаниях Влади-

мира Ильича Ленина красной нитью проходит главная мысль — неустанно заботиться о просвещении, развитии, воспитании, повышении культурного уровня широчайших трудящихся масс. Капитализм губил, душил таланты, которых в народе было множество. Октябрьская социалистическая революция освободила народ, превратила его в активного строителя, творца своей собственной светлой жизни.

В. И. Ленин отмечал, что коммунистический строй способен создавать красоту, безмерно превосходящую все, о чем могли только мечтать в прошлом. Стремление человека к прекрасному разбивалось об уродливые явления общественной жизни, основанные на резком противопоставлении труда и творчества, физического и умственного труда. Уничтожив все виды эксплуатации, освободив людей от безработицы и нищеты, социализм создал реальные условия для всестороннего, гармоничного развития личности.

Владимир Ильич Ленин наметил основную путь развития советского искусства — тесный союз с рабочим классом, трудящимся народом, с их жизнью и борьбой, продолжил путь к глубокому изучению нашей действительности, к правдивому отражению существенных сторон жизни. На незыблемой методологической основе марксизма-ленинизма, на фундаменте материалистической эстетики развивается и расцветает прогрессивное искусство народов мира.

В. И. ЛЕНИН И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТИНЫ

Раскрытие тайн Вселенной и неуемное стремление к познанию истины всегда было основным направлением сознательной деятельности человека. Вопрос об истине — важнейший вопрос теории познания. Почему же вокруг этого вопроса на протяжении всей истории его существования идет такая ожесточенная философская борьба? Известно, как усердно и вдохновенно, и притом ценой какой жестокости и насилия, отстаивала религия и ее поборники ложные фантастические представления об истине, с каким старанием стремились идеалисты и метафизики объявить истиной внешне логически последовательную одностороннюю теорию, построенную на сугубо утилитарном подходе к вопросу, на извлечении удобства и пользы в практической деятельности человека.

Но действительно ли все заинтересованы в подлинном познании истины? Могут ли все давать верное и одинаковое толкование этому понятию? Можно ли обнаружить признаки истины в навязанных илзе высказываниях и суждениях о том или ином предмете лишь на основании того, что эта мысль логично и последовательно сформулирована?

Истина ли мысль, согласованная между людьми, или знание, которое приносит пользу определенной группе людей и создает выгоды для них условия? Вот некоторые вопросы, возникающие перед нами в процессе изучения проблемы истины. Мы не ставим перед собой цель осветить все стороны поставленного вопроса, а коснемся лишь ленинского определения истины и ее структуры.

С момента зарождения научного познания человек стремился изучить действительность такой, какой она существует независимо от сознания. Но направить познание так, чтобы постижение закономерностей действительности освободило от субъективных начал в сознании, оказалось весьма сложной задачей. В процессе познания всегда возникали трудности, происходящие из двух сфер, которые были главным камнем преткновения на пути постижения истины: одна — гносеологическая сфера, а вторая — социологическая.

При рассмотрении трудностей гносеологической сферы возникает вопрос о взаимоотношении материального мира и мышления. В данном случае перед человеком появились два пути, две возможности решения поставленного вопроса: первый — при

объяснении процесса познания исходить из собственных ощущений, идеальную картину считать действительной и отсюда идти к предмету, или второй — в процессе познаний исходить непосредственно из факта реального существования конкретно данного объективного предмета и на основе этого раскрыть природу познания, мышления, истины.

Если приемлем первый путь, тогда характер всех зависимых от комбинации ощущений и мышления знаний, структура предметов и явлений объективной действительности должны подчиняться законам сознания и мышления субъекта. Следовательно, истинной надо считать такое отражение действительности, которое может быть упорядочено волей субъекта или вообще сферой мышления.

Такую концепцию отражения действительности высмеивал Ф. Энгельс. Согласно идеалистическо-априорному методу, указывал Энгельс, «свойства какого-либо предмета познаются не путем обнаружения их в самом предмете, а путем логического выведения их из понятия предмета. Сперва, исходя из предмета, составляют себе понятие предмета, затем переворачивают все вверх ногами и превращают отображение предмета, его понятие в мерку для самого предмета. Теперь уже не понятие должно сообразоваться с предметом, а предмет должен сообразоваться с понятием»¹.

Таков идеалистический путь познания действительности.

Если приемлем второй путь, тогда природа отражения зависит от предметов объективного мира и законов их развития, и истинным является мышление, имеющее вещественную природу.

С этой точки зрения в решении вопроса истины возникли две противостоящие друг другу концепции: идеалистическая и материалистическая.

В современной буржуазной философии продолжаются споры вокруг проблемы истины. Большая часть мыслителей считает, что за основу истины можно принять такое суждение, которое характеризуется логической последовательностью и согласованностью мыслей. Или, по-иному: истина — та мысль, которая характеризуется когерентностью (от латинского — *cohaerentia* — означающего связь, последовательность). Это

¹ Ф. Энгельс, «Анти-Дюринг», ОГИХ, 1948, стр. 80.

— неопозитивистский вариант объяснения истины, извлеченный, в сущности, из старого субъективистского арсенала.

Но наряду с этим в современной буржуазной философии существует точка зрения, согласно которой истинной признается не только мысль, построенная по формальным законам логики, но с учетом взаимной согласованности интересов людей. Это направление в идеалистической философии, называется конвенционализмом. Если истина возникает на почве взаимной согласованности между людьми, то выходит, что определяющим признаком являются воля и интересы субъекта, а не реальное положение вещей.

В. И. Ленин в свое время полностью разоблачил аналогичную концепцию, которую проповедовал русский махист Богданов: «Объективность физических тел, с которыми мы встречаемся в своем опыте, устанавливается в конечном счете на основе взаимной поверки и согласования высказываний различных людей. Вообще, физический мир — это социально-согласованный, социально-гармонизированный, словом, социально-организованный опыт»².

Ленин, исходя из научных фактов и фактов практической жизни, показал беспочвенность и ошибочность этого положения Богданова.

Если же «социальная согласованность» и «социальная организованность» являются определяющими признаками истины, тогда за истину можно принять и религиозное учение, поскольку значительная часть людей верит в это учение.

«Если же объективной истины нет, истина (в том числе и научная) есть лишь организующая форма человеческого опыта», — пишет Ленин, — то этим самым признается основная предпосылка поповщины, открывается дверь для нее, очиняется место для «организуемых» форм религиозного опыта»³.

Из субъективно-идеалистических учений об истине примечательна прагматическая концепция, которая и сегодня довольно популярна не только в Соединенных Штатах Америки, где возникло это философское течение, но и в других капиталистических странах. Согласно теории прагматизма, истина та мысль, которая полезна. Можно ли сказать: истина полезна? Безусловно — нет. Функция истины — служить человеку, ориентировать его в соотношении предметов и явлений внешнего мира, помочь властвовать над собой и законами внешнего мира.

Наука, действительно, ставит перед собой такую задачу, и в этом именно суть и значение истины. Но отсюда вовсе не следует, что определяющим признаком истины является прагматизм. Как известно, прагматизм всегда связан с интересами субъекта

или вообще отдельной группы людей, и если к вопросу подходить с этой точки зрения, тогда неизбежен субъективизм и основанная на нем концепция исключает объективность истины.

В. И. Ленин не видит существенной разницы между махизмом и прагматизмом в вопросе объяснения природы истины, т. к. если для махистов истина — это «социально-организованный опыт» или применение «экономического принципа мышления», для прагматизма она представляет «инструмент познания» или «правила действия».

Таковы некоторые черты субъективно-идеалистической теории в толковании вопроса об истине.

Объективный идеализм, правда, не разделяет субъективно-идеалистических и агностических концепций в вопросах об истине, но по существу, он не отличается от субъективного идеализма, т. е. материальный предмет, объективная действительность у него вытекает из идеального мира, из мышления. Такую точку зрения проповедовали Платон, Гегель и другие. Примечательно, что Гусерли выступает против психологизма, и, с этой стороны, внешне создается впечатление, будто он исходит из верных позиций, т. к. отрицает подчинение природы истины познанию субъекта, но фактически Гусерли попадает в ложное положение, когда выносит истину за пределы субъекта и рассматривает вообще в отрыве от процесса познания.

Нетрудно понять, что, если категорию истины оторвать от сознания познающего субъекта, можно власть в мистику.

Таким образом, или субъективизм, или мистика, или же и то, и другое вместе, — таков конечный итог, к которому приводит идеализм.

Последовательное решение проблемы истины дано в марксистско-ленинской философии, опирающейся на научные принципы отражения действительности. Вот ее основные принципы: 1. Материальность мира. Существующие в мире явления представляют собой различные виды и формы материи, движущейся во времени и пространстве. Они развиваются на основе материальной закономерности и не нуждаются ни во внутреннем духовном стимуляторе, ни во внешнем «первом толчке» от мистической силы — бога. Материалистическое мировоззрение, пишет Энгельс, означает понимание природы лишь так, как она существует безо всяких посторонних вмешательств.

2. Первичность материи и вторичность сознания. Материальные предметы реально существуют помимо человеческого сознания и независимо от него.

«Отображение не может существовать без отображаемого, но отображаемое существует независимо от отображающего»⁴.

Это положение подтверждается как здравым смыслом и достижениями науки, так и практической деятельностью человека.

² В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 111, 112.

³ Там же, стр. 113.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 57.

3. Согласно принципам материалистического монизма, сознание это — свойство высокоорганизованной материи — мозга, в котором отражается внешний мир.

Познание является высшей сложной формой, качественно отличающейся от простой, низшей формы. Сознание зарождается в недрах материи, как ее особый продукт. Следовательно, мышление принципиально не противостоит материи, тем более, потому, что оно является признаком ее высшей формы. Сознание не является чем-то внешним и чуждым для материи, или параллельно с ней существующим явлением. «...в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя), и «в фундаменте самого здания материи» можно лишь предполагать существование способности сходной с ощущением»⁵.

4. Познаваемость мира и его закономерностей.

Сознание обладает способностью вникать во внутренние тайны материи, вскрывать ее сущность, правдиво отражать ее. Из принципа первичности материи и вторичности сознания пристокает возможность познания мира. Если сознание, мышление развиваются на почве отражения действительности, то они не чужды закономерностям материи, и поэтому они, как вышедшие из недр материи и возникшие из нее, должны и могут вскрыть тайны мироздания и адекватно отразить мир.

5. Внесение в основу теории познания критерия практики.

Научное объяснение механизма познания и всей познавательной деятельности человека стало возможным на основе единства гносеологического и социологического аспектов. Единство же это в философии, в частности, в теории познания основывается на использовании критерия практики.

Следовательно, марксистская философия на основе вышеотмеченных принципов создает стройную, научно обоснованную теорию и тем самым отменяет всякого рода идеализм и агностицизм, преодолевает ограниченность и недостатки домарксовского материализма.

Таковы исходные принципы и положения научного понимания и объяснения природы истины. Но как следует понимать содержание истины, ее структуру?

Первым и основополагающим признаком, характеризующим истину, на который мы опираемся в ее познании, это то, что она является продуктом мышления, признаком отражения.

Исходя из этого, понятия та принципиальная разница, которая установлена между предметом и истиной. Обычно естественный предмет дан материально, как система, отличная от знания; истина же идеальна. Истина — признак мысли, продукт мышления, но не предмета, о котором можно сказать,

что он существует лишь материально, вне сознания субъекта и независимо от него.

Но продуктом мышления является не только истинная мысль, продуктом мышления может быть и ошибочная мысль. Как же в таком случае отличить верную мысль от ошибочной?

Ключ к определению признака истины должен находиться за пределами сознания, а не в пределах сознания; последнее характеризует природу ошибки. Этот принцип должен быть критерием верного объяснения истины.

В исследовании этой проблемы возникает трудность следующего характера: если истина — мысль, то почему ей присущи такие определяющие признаки, которые не принадлежат категории мышления?

Если же природу истины определяет предмет, находящийся за пределами сознания, то как же вещественно-материальное должно превратиться в свою противоположность в вещественно-идеальное?

Идеализм, в частности субъективный идеализм, не ставит вопроса о вещественной природе познания. Например, по мнению Беркли, идея не отражает объективно существующих вещей.

Идеей можно отразить лишь идею, а не материальное. Поэтому вместо объективной вещи Беркли вносит понятие «ощущение». Таким образом, вещи существуют как ощущения субъекта. Эту точку зрения и сегодня разделяет большинство идеалистов в лице неопозитивистов.

Принцип вещественности познания выставила впервые марксистская философия, и на основе этого принципа стали возможными научное объяснение истины и вообще выход из логического кольца в гносеологии, что раньше философы (Беркли, Фихте) считали невозможным.

Каким же образом возможно в мышлении, в идеальной категории действительности, наличие объективного и предметного признаков. В. И. Ленин заостряет внимание именно на этом аспекте, и понятие истины определяет по этому основному признаку — по признаку объективности.

Что такое истина?

Истина, пишет В. И. Ленин, «такое содержание, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества»⁶.

Из ленинского определения истины видно, что в структуре истины представлены две основные стороны: субъективная и объективная. Субъективная сторона истины выражает лишь форму ее существования. Но для истины главным и определяющим признаком является не формальный смысл, а ее содержание, вещественно-смысловое значение, выражающее ее объективность. Это же приводит к тому, что в истине, которая субъективна по форме, отражена адекватная картина объективно существующего материального предмета.

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 34.

⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 110.

Как надо понимать объективность и вещественность истины? Не означает ли это, что то содержание истины, которое Ленин называет независимым от воли человечества, находится вне субъекта, как материальный предмет? Безусловно, это не так. Вещественность и объективность истины — это содержание мысли, поэтому она — идеального характера. Это — такая предметность, которая перешла в субъективное, мысленное.

Истина объективна, это означает, что содержание, данное в представлении, мыслях человека, являющееся идеальным по характеру, определяется содержанием объективно существующего отражаемого предмета, а следовательно, человечество не может по своей воле определить это содержание. Если же доведем до абсолюта объективную сторону, т. е. оторвем содержание познания от познающего субъекта и не увидим в нем субъективных форм, то с точки зрения психологических и гносеологических возможностей неизбежно окажемся на позициях объективно-мистического идеализма.

Поэтому истинное отражение требует полного освобождения от влияний субъекта. Правда, направляющей и центральной фигурой познавательной деятельности является сам познающий субъект, но отражение предмета не зависит от организации процесса познания. Если процесс познания будет направляться под непосредственным влиянием субъекта, то идеальная картина отражаемого будет носить отпечаток мышления субъекта, что искажает понятия и суждения и лишает их объективного содержания, отражение которого является целью научного познания.

Отсюда проясняются пути, по которым должно направляться познание. Идеальная картина объективной действительности должна быть свободной от субъективных начал, которые искажают объективное содержание, отражаемое в сознании субъекта. Исходя из этого, теория познания диалектического материализма дает верную методологию, учит отражать познаваемый предмет таким, какой он есть без субъективного начала, освобождать отражаемую картину от воздействия субъекта.

Только таким путем познается истина.

В связи с раскрытием структурных сторон истины необходимо указать два значения субъективного — положительное и отрицательное.

Положительной стороной субъективного, прежде всего, является познавательная деятельность субъекта, направляющая отражение и преобразование объективного мира. Затем, положительной стороной субъективного является психологический механизм познания, формы сознания: ощущение, восприятие, представление, мышление, язык, весь ощущающий аппарат сознания в единстве всех его элементов, благодаря которым создается идеальная модель действительности.

Как было сказано, истина дана в свете субъективного, т. е. она выражает мысль, а мысль независимо от содержания, которое в ней заключено, существует субъективно, а не объективно. Например, когда мы высказываем истинную мысль: «металл — проводник электричества», в данном случае мы выражаем логические понятия и суждения в языковой оболочке — словами. Понятие и плод языковая, материальная оболочка — плод длительного умственного и практического материального взаимоотношения людей.

Таким образом то, что выражает внутреннюю структуру сознания познающего субъекта, по природе субъективно, таково же нрав человека, воля, желания, интересы, настроения. Одним словом, все перечисленные элементы, в определенном единстве, составляют структуру субъективного и являются постоянным и необходимым условием процесса познания, имеющим большое значение в создании идеальной картины действительности.

Но эта структура и ее элементы не определяют природы истины. Поэтому эти формы имеют положительную роль и значение лишь в определенных рамках. Превеличивая их роль, мы сойдем с правильного пути к истине и неизбежно придем к ошибке. Отсюда начинается отрицательная, тормозящая роль и значение субъективного.

Субъективная сторона познания отрицательна тогда, когда ее содержание не отражает реального положения вещей и является следствием ложной фантазии. Такой формой отражения являются, первым делом, религиозные взгляды, содержание которых не соответствует содержанию объективно существующих вещей. Религиозное отображение и по форме и по содержанию субъективно, т. е. его содержание определяется субъектом и его интересами, а не объективной природой вещей.

Но ошибочным отображением являются не только религиозные представления, а вообще принятое в гносеологической сфере такое отражение, которое не соответствует природе объективных вещей. Гносеологический субъект очень часто впадает в ошибку. В отраженную картину он влетает также элементы знаний, которые не имеют прямого отношения к реальной действительности. Такие элементы называются примесью субъекта, или «субъективным придатком».

Из всего сказанного становится понятным то обстоятельство, что субъективное — это форма, в которую облачается и истина, и ошибочность. Поэтому понятия «субъективное» и «ошибочное» не синонимичны. Следовательно, истина не противопоставляется «субъективному», «ложному». Поэтому ошибочную мысль следует называть не «субъективной», а «субъективистской».

Истина и не истина — противостоящие и взаимоисключающие категории. Эти коррелятивные понятия помогают нам в идеальном отражении, полученном в результате отображения мира, различать определяемую содержанием вещи идеальную картину от того, что не исходит из природы вещей и подчинено воле субъекта.

Характеристика признака истины показывает нам также, какова природа связанного с ней противоположного понятия — ошибки.

Если истина — такое отображение, такое суждение, которое выражает мысль, соответствующую содержанию вещи, тогда ошибкой будет такая мысль, которая не согласуется с природой объективной вещи и характеризуется примесями субъекта.

Ошибка может иметь логические, гносеологические и социальные причины. Логической причиной ошибки является нарушение последовательности мыслей. Но, как было отмечено выше, это не является определяющим основанием для ошибочных мыслей, так же, как и сама логическая последовательность не является определяющим признаком истины. Если бы нарушение правил логической последовательности было основным источником возникновения ошибочных взглядов, тогда всякого рода ошибки и ложь были бы легко устранимы, т. е. исправление логических ошибок связано не с такими уж трудностями. Следовательно, здесь мы имеем дело с более сложными процессами, с тем, что является основным и существенным для возникновения ошибки — с мировоззренческими причинами, которые надо искать в гносеологических и социологических сферах.

Гносеологическими причинами субъективистских взглядов, т. е. ошибок, являются:

1. Одностороннее отображение признаков изучаемого предмета, неполная информация о реальном положении вещи, выводы на основании несущественных признаков, что придает знаниям поверхностный, односторонний характер и делает их несоответствующими природе отображаемых вещей.

2. Из единого процесса познания, из единства его субъективной и объективной сторон выдвижение на первый план одной из них на основании игнорирования другой стороны и ее мышления, когда в процессе познания абсолютизируется «ощущение» (субъективный идеализм) или «понятие» (объективный идеализм). В обоих случаях разрываются вещь и мысль, единичное и общее. В то же время не соблюдается единство компонентов процесса познания. Это мировоззренческая ложность, которая является паразитом гносеологической сферы. Ленин по поводу этого писал:

«Познание человека не есть прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, це-

лую, прямую линию, которая (если за деревьями не видать леса) ведет тогда и в блато, в поповщину»⁷.

3. Догматический подход к изучению действительности, когда игнорируют конкретность истины, когда не предусмотрена изменившаяся обстановка и высказанная когда-то мысль о вещи или принятое решение не соответствует уже новым условиям, но ее все-таки упорно защищают; когда не видят, как превратилась истина в ошибку.

4. Отрицательное влияние, воздействие субъекта на процесс познания возникает тогда, когда тот или иной взгляд на вещь или решение, принятое в результате той или иной обстановки, определяется интересами субъекта или группы людей. В этом пункте часто переплетаются гносеологические и социологические причины.

Социально-классовыми основами ошибки являются:

1. Интересы господствующих классов, которые укрепляют и защищают построенные на односторонности ложные гносеологические принципы, выгодные для их господствующего положения. Маркс указывает, что буржуазия, ставшая реакционным классом, преградила путь истине. С этого времени «бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные, изыскания заменяются предвзятой угодливой апологетикой»⁸.

2. Эксплуататорский режим общественного строя, защищающий волю и желания господствующего класса и отдельных социальных групп, в результате чего в объяснении закономерностей природы и общественных явлений не проводятся единые материалистические принципы.

На основании этого можно сказать, что единство и соответствие предмета и мысли — объективный гносеологический закон верного отражения, независимый от воли людей. Правда, действие этого закона в познании не гарантирует безошибочного отражения явлений. Пренебрежение в процессе познания действием этого закона приведет к таким представлениям о внешнем мире, которые будут ограничены волей субъекта, а не объективными признаками познаваемого предмета. В этом случае ошибка неизбежна.

Истина — это не соответствие и тождество представлений, не знание, основанное на согласованности интересов людей, а соответствие представления с предметом. Истинное представление и природа вещей по содержанию адекватны. Содержание истины определяется материальным содержанием объективной действительности и является ее идеальным выражением.

Законы объективности истины имеют величайшее значение для верного направления процесса познания. Это ориентирует

⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 361.

⁸ К. Маркс, «Капитал», Москва, 1967, т. 1, стр. 17.

нас всегда опираться в процессе отражения на объективно-реальное положение вещей.

Таким образом объективные и субъективные стороны в структуре истины всегда находятся в единстве. Если мы сделаем абсолютной одну, допустим, субъективную сторону, и пренебрежем объективной стороной — тем содержанием, которое определяется материальным предметом, то окажемся в плену у субъективного идеализма.

3. Если правящая верхушка, стоящая у государственной власти, игнорирует передовую теорию, оторвана от народных масс и в силу этого не может учесть всех назревших общественных задач, ее политика, как правило, чревата серьезными ошибками.

Такая фальшивая, основанная на лжи политика неизбежно направлена против научной мысли. Именно потому в сфере буржуазной социологии прописано множество ошибочных теорий, влияние которых на решение вопросов как в области гносеологии, так и вопросов общественной практики приводит к субъективизму, а в практике политической жизни — к авантюризму.

Та форма субъективизма, в которой дана истинная мысль, всегда должна развиваться и совершенствоваться в соответствии с практикой и развитием науки. Все элементы, поставленные на службу процессу отображения, надо рассматривать в связи с их объективным содержанием, а не изолированно, оторвано от него. Положительная роль и значение субъективной стороны процесса познания определяется формой истинного отображения. В таком случае субъективная сторона превращается в мощное орудие познания и преобразования объективного мира. Она помогает разбираться во внешнеполитических вопросах, в выборе правильного и нужного решения, дает возможность глубоко проникнуть в настоящее и предвидеть будущее.

Отсюда начинается огромная организующая роль субъективного фактора в развитии общества. Известное положение В. И. Ленина — «Сознание человека не только отражает объективный мир, но творит его», — основано на этом факторе.

Сознание, передовая идея создает объективный мир в том смысле, что революционное учение дает верное направление развитию общественных явлений, во главе которых стоит вооруженный научной теорией передовой отряд — Коммунистическая партия.

Второе заключение направлено против фальсифицированного понимания субъективного: абсолютизация субъективного является субъективизмом. В данном случае субъективное оказывается на службе у ложного отображения и, будучи ошибкой, находится в противоречии с истиной. Субъективизм в политике и практической деятельности людей приводит к волюнтаризму, авантю-

ризму. Все это задерживает поступательное движение истории, прогресс. К таким же вредным результатам приводит и преувеличение объективных сторон процесса познания. Это приводит к умалению субъективного фактора, к самотеку, пассивности и бездейственности людей.

Правильно объяснить механизм взаимодействия всех сторон процесса познания и общественной жизни можно, лишь опираясь на принципы диалектического материализма. Требованием этих принципов является соблюдение диалектического единства объективного и субъективного в познании и общественной жизни, благодаря которому можно избежать как субъективизма, так и объективистско-фаталистической точки зрения.

С гносеологической точки зрения, отрицательная сторона субъективного, «субъективный придаток», представляющий неадекватное и фальсифицированное отображение, тормозит познавательную и практическую деятельность людей; а субъективность, охватывающая истинное содержание в познании, играет огромную роль как в познавательной и практической деятельности людей, так и во всех общественных и семейно-бытовых взаимоотношениях.

Рассматривая два аспекта субъективности и указывая на отрицательное значение субъективного придатка, необходимо всколыхнуть вопрос специфики художественного отображения.

Как надо понимать субъективность и субъективный придаток в искусстве? В области художественного отображения понятие субъективного приобретает иное значение. В этой области сознания, если отождествить субъективный придаток с ошибочностью, искусство утратит свою специфику и функцию, или отождествится с наукой, как одна из ее областей. Наука отражает действительность позитивно, адекватно, так как она (действительность) существует без всякого субъективного придатка. В этом — прямое назначение истинного отражения.

Настороженность субъекта, его отношение к объекту, индивидуальные черты, воля и желания несовместимы с разъяснением вещественной природы истины, так как исходным, опорным содержанием отображенной картины является объективная сущность предмета. Здесь субъективное отодвинуто на второй план. Что касается искусства, его функций, то они вовсе не заключаются в отображении действительности, так как она дана сама по себе. В таком случае не было бы разницы между живописью и фотографией.

Искусство отображает действительность такой, какой она является во взаимоотношении с человеком, субъектом. В художественном восприятии субъект и объект выступают почти на равных началах. В процессе такого отображения отношение

⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 204.

субъекта—объекта необходимо понимать не односторонне, как отношение лишь объекта к субъекту, от воздействия которого освобожден процесс познания, а как отношение самого субъекта, человека к объекту, его влияние и взаимодействие на объект. Именно эти взаимоотношения в виде субъективного отображаются в произведении искусства, вмещающего фантазию, стремление к преобразенному представлению действительности. Следовательно, продукт искусства возникает в результате обоюдного воздействия субъекта и объекта, где благодаря специфике существенной стороной является субъект, а не объект. Характерным признаком искусства является эмоциональное отношение субъекта к внешнему миру, или, как говорит Маркс, суть искусства—одушевленная природа, то есть мир, отображенный в преломлении субъекта и данный в преобразенном виде.

Если субъективный придалок является выразителем отрицательного отпечатка и тормозящим элементом для научного восприятия, то в искусстве дело обстоит по-иному. Искусство не существует без субъективного придалка и фантазии. Хотя здесь опять-таки надо отметить, что в художественном отображении, когда оно проникнуто реалистическим стремлением, признаки субъективности не содержат элементов ложности, — они носят объективный характер, отличаются правдивостью, убедительностью и имеют большую силу воздействия на человека.

Из вышесказанного, конечно, мы не хотим заключить, что субъективность в искусстве — определяющий и основной признак, а объективность отодвигается на задний план. Как в научном познании, так и в художественном отображении объективность выступает определяющей стороной. Но объективное дано здесь в форме субъективного придалка, объект очеловечен.

Поэтому в области художественного отображения раскрытие и понятие истинной объективности происходит не путем исключения и отбрасывания субъективного придалка, а наоборот, путем вне-

сения самого субъективного, человеческого начала. Из сказанного должно быть понятным обстоятельство, что в искусстве как понятие субъективного, так и единство субъективного и объективного имеет специфическое содержание.

Говоря о субъективности в искусстве, мы подразумеваем не такую субъективность, которая своей односторонностью и ограниченностью фальсифицирует объективную действительность, а глубокую, всеобъемлющую гуманную субъективность, выявляющую человека с пламенным сердцем и широкой душой, субъективность, не допускающую апатичного, отчужденного, равнодушного отношения человека к окружающей действительности, вынуждающую его быть с ней в тесной живой связи и существовать в ней.

Таковы суть и специфика субъективного в искусстве, в отличие от гносеологической субъективности, где «субъективный придалок» противостоит истине.

Как субъективность, так и истина выступают в искусстве очень специфически¹⁰. Реалистическое искусство всем своим существом отрицает формализм и одностороннее, абстрактное изображение действительности и выполняет роль истинного познания. Когда действительность представлена в реальных и высокохудожественных образах, то индивидуальное, субъективное отрицание к ней не скрывает и не искажает объективной действительности, наоборот, представляет ее возвышенно, творчески, в художественных образах раскрывается истинная природа объективной действительности. Художественное произведение в форме индивидуальных, субъективных примесей несет в себе черты истинного. В этом смысле категория субъективного в искусстве служит раскрытию истины в художественных образах, и, следовательно, она не противопоставляется объективной истине. В этом заключается как различие, так и единство науки и искусства.

¹⁰ Эта проблема рассматривается в статье В. Архипова «О субъективном в искусстве», журнал «Москва», 1959, № 2.

Осуществление кооперативного плана В. И. Ленина в Грузии

Социалистическую коллективизацию сельского хозяйства Грузии наряду с закономерностями, общими для всех районов СССР, характеризовали и свои собственные особенности. Поэтому научная разработка вопросов коллективизации требует объяснения тех объективных условий, в которых партии приходилось бороться за коллективизацию сельского хозяйства в отдельных районах, находившихся на разных уровнях общественно-экономического развития. При всестороннем рассмотрении особенностей коллективизации сельского хозяйства в Грузии за исходный момент следует принять руководящие указания В. И. Ленина, данные им в письме от 14 апреля 1921 г. к «товарищам-коммунистам Грузии, Армении, Азербайджана, Дагестана и Горской республики».

В этом письме В. И. Ленин дал глубокий анализ положения в названных республиках, указал на большое значение мирных национальных взаимоотношений, установившихся между республиками Кавказа, особенно заострил внимание на мероприятиях, необходимых для удержания и развития Советской власти. «Но как ни важен национальный мир между рабочими и крестьянами национальностей Кавказа, а еще несравненно важнее удержать и развить Советскую власть как переход к социализму. Задача трудная, но вполне исполнимая»¹. Намечая эту величественную задачу, В. И. Ленин тут же указывал на мероприятия, осуществление которых должны были обеспечить претворение в жизнь этой задачи. Рассматривая вопрос в этом аспекте, он писал: «Всего более важно для успешного ее решения, чтобы коммунисты Закавказья поняли своеобразие их положения, положения их республик, в отличие от положения и условий РСФСР, поняли необходимость не копировать нашу тактику, а обдуманно видоизменять ее применительно к различию конкретных условий»².

Вторая особенность республик Кавказа простекала из того, что Антанта уже не могла оказать поддержки кавказским белогвардейцам. Принимая во внимание это обстоятельство, В. И. Ленин писал: «От Антанты не приходится сейчас бояться нашествия и военной поддержки белогвардейцев грузинских, азербайджанских, армянских, дагестанских, горских. Антанта «обожглась» на России, и это заставит ее некоторое время, вероятно, быть поосторожнее»³.

Можно сказать, что для объяснения особенностей коллективизации сельского хозяйства Грузии из всех, отмеченных в письме В. И. Ленина указаний, важнейшим является третье из них, а именно, что «кавказские республики — страны еще более крестьянские, чем Россия»⁴.

Четвертая особенность заключалась в том, что «экономически Россия была и в значительной степени остается отрезанной от передовых капиталистических стран; Кавказ может наладить «сожительство» и товарообмен с капиталистическим Западом быстрее и легче»⁵.

При этом В. И. Ленин там же добавил, что это не все отличия. «Но и указанных различий достаточно, чтобы понять необходимость иной тактики»⁶.

Под другого рода тактикой в социалистическом строительстве В. И. Ленин разумел большую мягкость, осторожность и уступчивость по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянству. Как экономическая, так и политическая система мероприятий должна быть направлена таким образом, чтобы все было подчинено улучшению положения рабочих и крестьян, задаче вовлечения интеллигенции в хозяйственное строительство.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 32, 1950, М., стр. 295.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 295—296.

⁶ Там же, стр. 295.

В. И. Ленин, учитывая особенности республик Кавказа, предупреждал, что в этих республиках темпы социалистического строительства и, следовательно, темпы коллективизации должны быть сравнительно более медленными. Рассматривая вопрос в этом аспекте, В. И. Ленин писал: «Более осторожный, более систематический переход к социализму — вот что возможно и необходимо для республик Кавказа в отличие от РСФСР. Вот, что надо понять и уметь осуществить в отличие от нашей тактики»⁷. Вместе с тем В. И. Ленин указывает, как именно следовало использовать богатый опыт Советской России, «Не копировать нашей тактики, а самостоятельно продумывать причины ее своеобразия, условия и итоги ее, применять у себя не букву, а дух, смысл, уроки опыта 1917—1921 годов»⁸.

Таким образом, особенности социалистического строительства, сравнительно медленные темпы коллективизации сельского хозяйства в республиках Кавказа, в частности в Грузии, В. И. Лениным были учтены заранее и, только руководствуясь этими указаниями, партия могла достигнуть успехов в социалистическом строительстве. Но в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства особенности нашей республики не всегда одинаково учитывались, что, естественно, не могло отрицательно не сказаться на процессе социалистического преобразования сельского хозяйства, не создать в нем известных трудностей.

В Грузии ко времени установления Советской власти уровень развития производительных сил в сельском хозяйстве был низкий.

В резолюциях VI съезда Компартии Грузии говорилось: «При характеристике современного состояния сельского хозяйства Грузии необходимо иметь в виду условия экономического развития Грузии при царизме и меньшевиках. Царское самодержавие искусственно поддерживало остатки крепостничества в грузинской деревне и всячески тормозило развитие промышленности. Остатки крепостничества и преступная экономическая политика самодержавия сильно тормозили развитие производительных сил в колониальной Грузии и обусловили почти полный застой сельского хозяйства».

Профессор П. В. Гугушвили на основе детального изучения анатомии дореволюционного грузинского села установил, что «в закавказской деревне сохранилось больше пережитков крепостничества, чем в центральных губерниях России. Острое малоземелье, безжалостная эксплуатация крестьян помещиками, грабительская налоговая политика, своеволие царской бюрократии, национальное угнетение, безудержная «деятельность» ростовщического и торгового капитала поставили закавказских крестьян в крайне тяжелое положение»⁹.

Исключительно тяжелым было и продовольственное положение. В условиях мелкого крестьянского хозяйства значительное увеличение производства зерна было невозможно. Для восстановления и развития зернового хозяйства, то есть увеличения производства зерна и преодоления продовольственных затруднений, необходимо было социалистическое преобразование сельского хозяйства.

6 апреля 1921 года Революционный Комитет Грузинской ССР (Ревком) принял декрет о национализации земли, который имел большое значение в деле развития производительных сил и улучшения положения крестьянства.

В. И. Ленин, имея в виду национализацию земли, 7 ноября 1919 года писал в «Правде»: «В крестьянской стране первыми выиграли, больше всего выиграли, сразу выиграли от диктатуры пролетариата крестьяне вообще. Крестьянин голодал в России при помещиках и капиталистах. Крестьянин еще, в течение долгих веков нашей истории, не имел возможности работать на себя: он голодал, отдавая сотни миллионов пудов хлеба капиталистам в городе и за границу. Впервые крестьянин увидел свободу на деле: свободу есть свой хлеб, свободу от голода»¹⁰.

Для социалистического преобразования сельского хозяйства решающее значение имел кооперативный план В. И. Ленина.

В. И. Ленин, учитывая трудности социалистического преобразования сельского хозяйства, указал на основные социалистические формы земледелия и пути внедрения их в жизнь. В. И. Ленин в ответе на поставленный им самим вопрос — в чем выход? — указал: «коммуны, артельная обработка, товарищества крестьян — вот где спасение от невыгод мелкого хозяйства, вот в чем средство поднятия и улучшения хозяйства, экономии сил и борьбы с кулачеством, тунеядством и эксплуатацией»¹¹.

⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 32, 1950, М., стр. 295.

⁸ Там же.

⁹ П. В. Гугушвили, Сельское хозяйство и аграрные отношения, т. IV, 1955, Тб., стр. 94.

¹⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 30, 1950, М., стр. 92.

¹¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, 1950, М., стр. 156.

Еще более конкретно наметил В. И. Ленин пути перехода к коммунистическому земледелию. «Что касается мер перехода к коммунистическому земледелию, — говорил он, — то РКП будет проверять на практике три главные меры, уже созданные жизнью, советские хозяйства, сельскохозяйственные коммуны и общества (а равно товарищества) общественной обработки земли, заботясь о более широком и более правильном их применении, особенно же о способах развития добровольного участия крестьян в этих новых формах товарищеского земледелия»¹².

Коммунистическая партия и Советское правительство широко развернули работу по социалистическому преобразованию сельского хозяйства, созданию и развитию социалистических форм земледелия. Уже к 1 октября 1921 года в Грузии было создано 35 коллективных хозяйств, 2 коммуны и 33 товарищества по совместной обработке земли, в которых было объединено 1 338 хозяйств и обобществлено 1 475 десятин земли.

К концу 1921 г. число колхозов возросло до 47, а коммун — до 3. В течение всего восстановительного периода темпы колхозного строительства были низкими. В 1921—1925 гг. своей производственно-хозяйственной деятельностью отличались лишь 11 коллективных хозяйств, из них 4 коммуны (с. Мохиси, Меджврисхеви и Самтависи — в Горьском уезде и с. Земо-Кеди — в Сигнахском уезде), 6 сельскохозяйственных артелей и одно товарищество по совместной обработке земли.

Коллективизация сельского хозяйства Грузинской ССР проходила в обстановке острой классовой борьбы. Имели место антисоветские выступления дворянских и капиталистических элементов. Проявлением контрреволюционной классовой борьбы явились организованные подпольными центральным комитетом меньшевиков и так называемым Паритетным комитетом Грузии крестьянские восстания в Кутанси, Зугдиди, Гурджаани, Лагодехи, Озургети, Гали, Хоби, Абхазии, Аджарии и других районах республики в 1924 г., носившие, однако, не массовый характер. Вместе с этим «следует отметить, что в проведении коллективизации сельского хозяйства Грузии встретились также большие трудности в связи с теми грубейшими ошибками, которые были допущены «левыми» загибиками по крестьянскому вопросу (нарушение принципа добровольности и применение методов насилия над средним крестьянством, игнорирование особенностей и погоня за высокими цифрами коллективизации и т. д.)»¹³.

В первые годы установления Советской власти в Грузии уровень развития производительных сил на селе был низким. По сельскохозяйственной переписи 1923 г. в Грузии насчитывалось 388—480 хозяйств. Из них не имели: пахотного орудия — 54,1%, транспортного инвентаря — 60,7%, рабочего скота — 44,6%.

Малоземелье вместе с другими факторами обусловило тяжелое экономическое положение грузинского крестьянина, развитие отхожих промыслов. По приблизительным расчетам в 1925—1926 г. число крестьян, уходящих из сел Грузии на заработки, составило 55 624, т. е. 2,9% всего сельского населения, а в 1926—1927 гг. — 72 952 т. е. 3,5% всего сельского населения.

XV съезд ВКП(б) на основе кооперативного плана В. И. Ленина разработал конкретные пути социалистического преобразования сельского хозяйства Советского Союза.

Особо говорилось на съезде о перспективах развития сельского хозяйства, были вскрыты причины его отставания. Дело осложнилось тем, что на селе продолжался процесс дробления крестьянских хозяйств. Уровень товарности их был низкий. В 1926/27 хозяйственном году валовая продукция сельского хозяйства Советского Союза превысила довоенный уровень, но валовая продукция зерновых культур по сравнению с 1913 г. составляла 95%, а товарная снизилась до 13,3% против 26% в 1913 году.

Снижение товарной продукции зерновых последовало в результате ликвидации на селе помещичьих хозяйств и сокращения числа кулацких хозяйств. До войны они давали большую часть товарного хлеба. Помещичьи хозяйства поставляли на рынок 22%, а кулацкие — 50% всего товарного хлеба. В кулацких хозяйствах производство зерновых в 1927 г. по сравнению с довоенным временем уменьшилось более чем в 3 раза.

Для осуществления коллективизации сельского хозяйства большое значение имело постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 16 марта 1927 г. «О мерах хозяйственного и организационного укрепления коллективных хозяйств», где, в частности, указывалось: «...Данные о состоянии коллективных хозяйств показывают, что коллективное земледелие начало выходить из состояния кризиса,

¹² В. И. Ленин, Соч., т. 29, 1950, М., стр. 97.

¹³ А. П. Махарашвили, Создание и укрепление колхозного строя в Грузии, 1954, М., стр. 8 (автореферат к/д).

в котором оно находилось в первые годы новой экономической политики: растет число коллективных хозяйств, увеличивается количество объединяемого ими населения, растет товарность коллективных хозяйств, постепенно улучшается организация труда и производства в коллективных хозяйствах. В определенной своей части коллективные хозяйства начали выявлять преимущество перед мелким крестьянским хозяйством как в отношении рационализации хозяйства, так и в отношении повышения его доходности»¹⁴.

После Октябрьской революции главными производителями хлеба в СССР стали середняцкие и бедняцкие хозяйства, в которых производство зерновых с 2,5 млрд. пудов в 1913 г. поднялось до 4,0 млрд. пудов в 1926/27 году. Товарность этих крестьянских хозяйств была низкой. Товарная продукция зерна составляла 11% валового урожая.

В совхозах и колхозах в этот период зерновые культуры пока что производились в незначительном количестве, в них приходилось лишь 6% всей товарной продукции зерновых. Еще более низким был этот показатель в Грузии.

На основе проведенных мероприятий партией и Советским государством к концу 1929 г. были созданы почти достаточные резервы зерна. В 1929 г. колхозы и совхозы СССР собрали 400 млн. пудов зерна. Из них товарная часть продукции составила более чем 130 млн. пудов¹⁵. Развитие колхозного и совхозного производства давало полную гарантию того, что они в 1930 г. дадут стране не менее 400 млн. пудов товарного хлеба.

Таким образом, Советское государство в лице колхозов и совхозов имело собственную базу производства зерна. «Мы имеем материальную базу для замены крупного кулацкого производства крупным производством колхозов»¹⁶.

В постановлении Пленума ЦК ВКП(б) (1929 г.) отмечено, что «столь значительные успехи колхозного движения являются прямым результатом последовательного проведения генеральной линии партии».

После восстановительного периода колхозное строительство в Грузии приняло более широкий характер. Число колхозов составило: в 1926 г. — 58, 1927 г. — 85, 1928 г. — 239, 1929 г. — 839. К 1 мая 1930 г. число колхозов достигло 2034. В колхозах было объединено 956 661 крестьянское хозяйство, что составляло 21,7% общего числа их в республике¹⁷.

В начале января 1928 г. состоялся первый съезд представителей коллективных сельских хозяйств Грузии. Съезд проанализировал пройденный путь колхозного строительства в республике, подвел итоги прошлой работы, отметил недочеты и, главное, избрал специальный аппарат — правление колхозов, который ныне является юридическим лицом и входит в «Союз кавказских», как его называют¹⁸.

Для изучения процесса коллективизации крестьянских хозяйств большой интерес представляет социальный состав колхозников. На 1 мая 1930 г. из общего числа колхозников было (в процентах): бывшие батраки — 2,0, крестьяне-бедняки — 55,6, крестьяне-средняки — 36,0, рабочие — 1,8, служащие — 3,7, остальные — 0,9.

В этом аспекте представляет интерес социальный состав колхозников в других республиках. На 1 мая 1929 г. в колхозах было объединено: в РСФСР — сельскохозяйственных рабочих — 11,7%, бедняков — 23,9%, середняков — 61,1%; в Украинской ССР соответственно — 14,4%, 25,5%, 57,3%; в Белорусской ССР — 8,8%, 29,6%, 59,6%. «Колхозное движение в 1925—1929 гг. продолжало развиваться в основном как движение бедняцко-батрацкой части деревни с возрастанием в нем роли середняков... С увеличением вступления середняков в колхозы создалось некоторое различие в социальном составе старых и новых колхозов: первые были в большей степени бедняцкими, вторые — более середняцкими»¹⁹.

¹⁴ ЦГА (Тб.), ф. р. 288, оп. I, д. 1974, л. 118.

¹⁵ П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. III, 1956, М., стр. 370.

¹⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов Центрального Комитета, часть II, 1953, М., стр. 544.

¹⁷ ЦГА (Тб.), ф. 661, оп. I, д. 4, л. 138—139; ф. 295, оп. I, д. 448, лл. 1—4.

¹⁸ М. Меликадзе, В. Цома, Н. Русишвили, К истории коллективизации сельского хозяйства в Грузии (1921—1928 гг.), «Исторический Вестник», 1960, № 11—12, Тб., стр. 131.

¹⁹ В. Н. Яковлевский, Подготовка сплошной коллективизации сельского хозяйства в СССР, «Построение фундамента социалистической экономики в СССР 1926—1932 гг.» под редакцией доктора экономических наук И. А. Гладкова, 1960, М., стр. 290—291.

Социальный состав колхозников оказывал определенное влияние на формы колхозного движения.

«Если в конце восстановительного периода преобладающей формой колхозов была сельскохозяйственная артель, то к началу сплошной коллективизации — товарищества по совместной обработке земли. Число коммун за 1925—1928 гг. возросло на 25,6%, артелей — на 41%, а ТОЗов — почти в 4 раза. Это было связано с осторожностью середняка, считавшего необходимым «сохранить в своей собственности сельскохозяйственный инвентарь и рабочий скот»²⁰.

В Грузии в этом отношении положение было иное. Здесь, начиная с 1925 г., удельный вес коммун и товариществ по совместной обработке земли систематически уменьшается и параллельно возрастает удельный вес артелей.

Если взять абсолютные показатели, будет видно, что в Грузии с 1925 г. до 1930 г. число сельскохозяйственных коммун увеличилось в 7 раз, артелей — в 140 раз, а товариществ по совместной обработке земли — более чем в 41 раз.

11 июня 1928 г. Пленум ЦК КП(б) Грузии обсудил вопрос «О колхозном и совхозном строительстве в Грузии». В отчете ЦК КП(б) Грузии по этому вопросу говорилось: «Сейчас перед партией выдвигнут вопрос относительно социалистического переустройства деревни. Главная и основная задача наша — это путь коллективизации деревни, развитие колхозного движения, улучшение работы совхозов и пр. Что нами сделано в этом направлении? Если взять цифры, то мы увидим, кое-какие достижения в области строительства колхозов имеются. Например, у нас сейчас имеются 7 коммун (в прошлом году их было также 7). Сейчас сельхозартелей имеется 74, в то время как товариществ по совместной обработке земли — 131, раньше было — 59. Таким образом, если раньше было всего 85 единиц, то сейчас их имеется 212, они объединяют 3 537 хозяйств»²¹.

Следует отметить, что в 1928—29 гг. растет колхозное движение. Если на 1 апреля 1928 г. мы имели 212 колхозов (коммуны, артели и товарищества по совместной обработке земли), то через год, т. е. на 1 апреля 1929 г., их было 648. Процент хозяйств, объединенных в колхозы, в общем числе крестьянских хозяйств вырос за один год с 0,8 до 3,02, процент общественной пахотной земли — с 0,3 до 1,8, а также увеличилось количество хозяйств в одном колхозе в среднем с 15 до 18 и размер посевной площади колхозов — в среднем с 19,3 до 32,5 га.

На VI съезде Компартии Грузии говорилось, что, несмотря на эти достижения, состояние колхозного и совхозного строительства характеризовалось «...целым рядом отрицательных моментов. Одновременно с количественным ростом и некоторым укреплением колхозов и совхозов мы имеем весьма неудовлетворительные качественные показатели и недостатки, которые при дальнейшем невинимательном отношении к ним грозят задержкой дальнейшего количественного роста колхозов и совхозов»²².

Вопросы сплошной коллективизации сельского хозяйства в Грузии рассмотрены в директивах ЦК КП(б) Грузии от 3 февраля 1930 г.: «Намеченный по Грузии план колхозного строительства в результате мощного движения багратио-бедняцко-средняцких масс уже превзойден».

К началу февраля в основном закончена сплошная коллективизация Кахетинского и Горийского округов и районов агроиндустриального комбината. Планом же предусматривалось окончание коллективизации этих округов и районов лишь к концу 1930 года. К концу весенней сельхозкампании была намечена коллективизация 1/3 крестьянских хозяйств по Грузии. Колхозное движение из районов сплошной коллективизации перекинулось и на другие округа и уезды, охватив значительную часть бедняцко-средняцких хозяйств.

При наличии таких достижений ЦК отмечает, что в некоторых парторганизациях имеются элементы непонимания развертывания колхозного строительства, заключающегося в погоне за количественным эффектом, в насаждении колхозов путем голосований, производимых порой не без нажима и администрирования (созыв собраний на второй день после провала и т. д.), недоучета особенностей того или иного района и «в игре в коллективизацию» (Абхазия, Озургети, Ахалкалаки)²³.

В Грузии, в классической стране многолетних насаждений (виноградная лоза, плодовые деревья, чайный куст, цитрусовые), основной формой колхозно-

²⁰ В. Н. Яковцевский, Подготовка сплошной коллективизации сельского хозяйства в СССР, «Построение фундамента социалистической экономики в СССР 1926 — 1932 гг.», под редакцией доктора экономических наук И. А. Гладкова, 1960, М., стр. 291.

²¹ ПАГФИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 2731, л. 18, 19.

²² ПАГФИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 3400, л. 8.

²³ ПАГФИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 3471, л. 169.

го движения была сельскохозяйственная артель. Удельный вес артелей в 1929 г. составлял 70,3%. В 1926—1929 гг. в СССР вообще, в частности и в Грузии, начался переход на артельную форму колхозного движения. «Коммуны продолжали переходить на устав артели, а ТОЗы с ростом обобществления в них также перерастали в артели»²⁴.

Следует отметить, что в 1931 г. в директивных указаниях ЦК КП(б) Грузии о проведении решения XVI съезда ВКП(б) и февральского Пленума ЦК КП(б) Грузии говорилось: «Считал в условиях Грузии основной формой колхоза с. х. артель, вместе с тем ни в коем случае не должны быть игнорированы простейшие формы колхозов — ТОЗы»²⁵.

В этот период в деле коллективизации сельского хозяйства Грузии были допущены грубые ошибки. В резолюциях VIII съезда ЦК КП(б) Грузии отмечено, что «старое руководство ЦК КП(б) Грузии, не учитывая и не считаясь с особенностями Грузии, механически переносило методы коллективизации передовых зерновых районов Союза, декретировало колхозное движение, грубо нарушало принципы добровольности, гонаясь за бумажными цифрами и искусственно раздувало процент коллективизации. Одновременно оппортунистически недооценивало важнейшее звено на данном этапе колхозного строительства — организационно-хозяйственное укрепление колхозов...»²⁶.

При рассмотрении вопроса темпов коллективизации следует отметить, что Грузия миновала период военного коммунизма. «После установления Советской власти особенность экономического развития Грузии выразилась в том, что она миновала годы военного коммунизма, вступила на путь Советского строительства в период введения новой экономической политики»²⁷.

Для коллективизации сельского хозяйства Грузии важное значение имело постановление ЦК ВКП(б) 1931 г., в котором говорилось: «Разъяснить, что мерилом завершения в основном коллективизации того или иного района или области является не обязательный охват всех 100% бедняцко-средняцких хозяйств, а вовлечение в колхозы не менее 68—70% крестьянских хозяйств с охватом не менее 75—80% посевных площадей крестьянских хозяйств»²⁸.

Своеобразие коллективизации сельского хозяйства Грузинской ССР заключалось в том, что социалистические преобразования в грузинской деревне должны были осуществляться с учетом некоторых особенностей, связанных с многонациональным составом населения ряда районов республики.

При разработке первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Грузинской ССР были намечены темпы коллективизации в Западной и Восточной Грузии. «На предстоящее 5-летие Госплан намечает коллективизацию до 16—17% крестьянских хозяйств или в абсолютных цифрах 71 800 хозяйств. Из них в Восточной Грузии — 37 600 и в Западной Грузии — 34 200 хозяйств»²⁹.

Следует отметить, что «соответственно этому размер коллективизации посевных площадей выразился в 160 000 гектаров или 16% от всей посевой площади республики (к 1932/33 году). Причем основная масса из 160 000 га падает на Восточную Грузию — 130 000 га и лишь 30 000 га посевов — на Западную. Это объясняется тем, что существующие формы землепользования в Западной Грузии (хуторские и подворноучастковые) представляют большие затруднения для радикального землеустройства и, следовательно, для быстрого темпа коллективизации»³⁰.

Низким был в Грузии процент обобществления посевной площади. В 1932 г. он составил: по Союзу ССР — 77,7, в Грузии — 36,6, в Армении — 39,2; в 1938 г. в Грузии — 86,9, в Армении — 95,5. В других республиках этот процент был значительно более высоким. Низким был в Грузии и процент коллективизации по количеству колхозных дворов. В 1932 г. она занимала последнее ме-

²⁴ В. Н. Янковцевский, Подготовка сплошной коллективизации сельского хозяйства в СССР, «Построение фундамента социалистической экономики в СССР 1926—1932 гг.», под редакцией доктора экономических наук И. А. Гладкова, 1960, М., стр. 291.

²⁵ ПАГФИМЛ, ф. 14, оп. I, д. 3920, л. 99.

²⁶ Стенографический отчет VIII съезда Компартии Грузии, г. Тбилиси, 1932 г., стр. 221.

²⁷ А. Л. Гуния, Воспроизводство рабочей силы в промышленности Грузинской ССР, 1961, Тб., стр. 106.

²⁸ Постановление ЦК ВКП(б) от 2 августа 1931 г. «О темпах коллективизации и задачах укрепления колхозов». Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, том II, 1957, М., стр. 316, 317.

²⁹ Архив Госплана ГССР, № 27, л. 23а.

³⁰ Там же.

сто в Союзе. Затем положение несколько изменилось, и в 1933 году на последнем месте была Армянская ССР. Низкие темпы коллективизации характеризовали Грузию и в 1934 году.

VIII съезд Компартии Грузии обсудил вопрос о темпах коллективизации сельского хозяйства Грузии: «Съезд отмечает, что парторганизация Грузии добились известных успехов в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства. Свыше 38% бедняцко-среднеяких хозяйств вступило в колхозы, на колхозных полях работают 14 машинно-тракторных станций, значительно расширилась сеть и возросла площадь под совхозами; достигнуты значительные успехи также в деле внедрения технических и специальных культур»³¹.

В процессе развития колхозного движения Коммунистическая партия и Советское правительство особое внимание уделяли вопросам интернационального воспитания колхозных масс. В связи с этим большой интерес представляет ответ тов. Г. Димитрова колхозным бригадирам Закавказья. В 1934 г. лучшие бригадиры колхозов Закавказья обратились через «Зарю Востока» к тов. Димитрову с письмом, в котором они рассказали о своем соревновании с милостико-куракинскими бригадирами Азово-Черноморского края.

Тов. Г. Димитров в своем ответе колхозным бригадирам Закавказья писал: «С большой радостью я узнал из вашего письма об успехах первого тура соревнования колхозных бригадиров Закавказья с бригадирами милостико-куракинской МТС на сроки и качество сева. Соревнование, которое вы так широко развернули, является не только мощным орудием в борьбе за повышение урожайности, зажиточную культурную колхозную жизнь. Оно имеет также огромное значение в деле еще большего укрепления братской спайки трудящихся всех национальностей Закавказья, побуждая отстающие районы и области равняться с передовыми, сомкнутыми рядами дружно идти вперед.

На рубеже Востока колхозы Закавказья конкретно показывают трудящимся восточных и балканских стран, что только при Советской власти, только на основе колхозного строя, под руководством рабочего класса и его большевистской партии возможно тесное братское сотрудничество трудящихся различных национальностей и подъем их материального благосостояния и национальной культуры»³².

Определенную роль в сравнительно низких темпах коллективизации сельского хозяйства в Грузии играло и более позднее установление Советской власти в нашей республике. Но главное заключалось в том, что в Грузии, в республике многолетних насаждений, частнособственнические тенденции были более живучими, чем в других республиках. В Грузии имелась большая масса средств производства, которая подлежала обобществлению. В этой массе средств производства высоким был удельный вес многолетних насаждений (виноградники, плодовые культуры и др.), и крестьянам-собственникам трудно было решиться обобществить их. По существу именно это и было тем узловым пунктом, где скрещивались все причины медленных темпов коллективизации в Грузии. Это станет еще более ясно при анализе показателей коллективизации по отдельным районам.

Так, например, коллективизация крестьянских хозяйств по состоянию на май 1930 г. была наиболее низкой в основных районах многолетних насаждений (виноградарских): в Гурджаанском районе — 8,2%, в Гаре-Кахетинском — 8,7%, Телавском — 7,0%, в Кварельском — 7,1%, Сигнахском — 8,1%. Средние показатели процента коллективизации имели зерновые и табакотводческие районы: Абашский район — 27,5, Лагодехский — 28,3, Абхазская АССР — 19,4, Цаленджикский район — 28,9. Высокие показатели имели основные зерновые и животноводческие районы: Сенакский — 37,6, Самтредский — 39,4, Чохатаурский — 35,9, Озургетский — 58,8.

Высокий уровень коллективизации обуславливался также малоземельем. Из них можно указать на Амбролаурский район, где процент коллективизации крестьянских хозяйств по состоянию на май 1930 г. равнялся 70,4.

Некоторое исключение представляет Зугдидский район, который в основном являлся зерновым и животноводческим районом. Здесь процент коллективизации крестьянских хозяйств по сравнению с другими аналогичными районами был наиболее низким и составлял — 8,1%. Это вместе с другими факторами было вызвано тем, что капиталистические элементы были представлены здесь сравнительно большим удельным весом.

Следует также отметить, что отсталость земледельческой техники, низкий уровень механизации, чрезмерная раздробленность земли не давали коллек-

³¹ Стенографический отчет VIII съезда Компартии Грузии, 1932, Тб., стр. 221.

³² Газ. «Заря Востока», 17 июля 1934 г., № 165, стр. 1.

тивному хозяйству полной возможности наглядно показать свои преимущества по сравнению с крестьянским единоличным хозяйством.

При обобществлении виноградарских и плодовых насаждений происходило обобществление таких средств производства, в которые был вложен труд не только тогдашнего производителя, но и его предков. «В нашей стране произрастают виноград и разнообразные фрукты, виноградники и плодовые сады дают достаточный доход, так что во многих местах надежда наших крестьян зиждется на них. Разведение виноградников и фруктовых насаждений требует маленькой площади и большого труда, больших расходов, много времени. В виноградниках и фруктовых садах, подобно нетленному кладу, заложены весь труд, вся энергия и страдание предков. Поэтому наши крестьяне виноградники и плодовые насаждения считают не только источником дохода, но и тем священным бассейном, который их предки обильно поливали потом и завещали своим потомкам — грядущему поколению»³³.

Таким образом, низкий процент коллективизации сельского хозяйства в Грузии был обусловлен следующими факторами: 1. Более поздним установлением Советской власти. 2. Затруднениями в обобществлении многолетних насаждений, а также той особенностью их, в силу которой они до закладки и после нее требуют больших материальных и трудовых затрат, а доход дают лишь через несколько лет. 3. Более низким уровнем развития производительных сил на селе. 4. Чрезмерной раздробленностью земель на мелкие участки и низким уровнем механизации. 5. Спротивлением кулацких и других антисоветских элементов и др.

Несмотря на это, в деле коллективизации сельского хозяйства Грузии были достигнуты большие успехи. В результате успешного выполнения первого и второго пятилетних планов, как в СССР вообще, так, в частности в Грузии, колхозный строй одержал победу.

«Темпы коллективизации и соотношение форм производственных кооперативов по республикам были различны. В одних республиках уже в первой пятилетке была завершена в основном коллективизация, для других это — задача второй пятилетки»³⁴.

Осуществление коллективизации обеспечило повышение уровня экономических возможностей и культуры колхозного крестьянства, в чем большую роль играли мощные хозяйства многолетних насаждений.

В послевоенный период партия и Советское правительство осуществили мероприятия, на основе которых было достигнуто дальнейшее укрепление и развитие колхозного строя. Неделимые фонды колхозов СССР с 69,9 млн. рублей в 1940 году увеличились до 870,5 млн. рублей в 1967 году в сопоставимых ценах.

Следует отметить, что в 1967 году приходится в среднем на один колхоз: колхозных дворов — 305, неделимых фондов в основных и оборотных средствах — 573 тыс. рублей, выручка от реализации продукции (денежный доход) — 202 тыс. рублей, валового дохода — 177 тыс. рублей, общественных посевов — 341 тыс. га, общественного скота (крупного рогатого скота) — 351 голова, тракторов (в пересчете на 15-сильные) — 10.

Мероприятия, осуществленные Коммунистической партией в деле организационно-хозяйственного укрепления колхозов, позволили обеспечить неуклонный подъем сельского хозяйства республики, рост доходов колхозов и тем самым повышение материального благосостояния колхозников. Новые перспективы дальнейшего развития открыли перед сельским хозяйством решения мартовского Пленума ЦК КПСС (1965 г.), и XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Осуществляемые партией и правительством в соответствии с этими решениями важные мероприятия по значительному увеличению капитальных вложений, улучшению управления, внедрению принципов материальной заинтересованности колхозников, рабочих и служащих в итогах своего труда уже дали положительные результаты. Валовая продукция сельского хозяйства по всем категориям хозяйств составила в 1966 году (в ценах 1958 г.) 893 млн. рублей, т. е. увеличилась по сравнению с 1913 годом в 6 раз, а по сравнению с 1940 годом — в 2,4 раза.

Эти успехи достигнуты благодаря осуществлению ленинской национальной политики, братскому союзу и дружбе народов СССР, повседневному руководству Коммунистической партии Советского Союза.

³³ И. Чавчавадзе, Частное и общинное землевладение. Соч. в 10 томах, т. VI, 1956, Тб., стр. 188, 189 (на груз. яз.).

³⁴ М. А. Краев, Закономерности и особенности коллективизации сельского хозяйства СССР. Построение фундамента социалистической экономики в СССР 1926—1932 гг., под редакцией доктора экономических наук И. А. Гладкова, 1960, М., стр. 341.

СВЕТЛАЯ СУДЬБА САКРАУЛА

Когда-то это маленькое селение, затерявшееся в горах Западной Грузии, называлось Кикнавелети. Пожалуй, и в самой Грузии мало кто знал о его существовании. Давным-давно поселился на этих землях беглый крепостной Кикнавелидзе, и пошли от него название селу и поколения бунтарей, борцов за справедливость и за свои права. У кикнавелетцев поистине завидная судьба — за это село ходатайствовал еще до революции сам Ленин.

В июне 1912 года в большевистской газете «Невская звезда» Владимир Ильич выступил с гневной статьей против экспроприации земли у горцев. Эта статья называлась «Переселенческий вопрос»¹. Вождь революции тревожился о злой судьбе крестьян прилепившегося к горным склонам грузинского села Кикнавелети Кутанского уезда. На примере этого села Ленин, ссылаясь на доклад предводителя дворянства князя Церетели, глубоко вскрыл и обличил провокационный смысл переселенческой политики царизма.

Реформа в Грузии привела крестьян к полному обнищанию, они были ограблены еще больше, чем сельчане в России. Жители горных деревень и после своего так называемого «освобождения» остались без земли. Владимир Ильич в своей статье писал, что в Кутанской губернии надел на один двор не превышал 0,6 десятины. Однако и это казалось царским прислужникам слишком много. Колонизаторы стремились лишить коренных жителей и этих клочков земли, полученной за выкуп от помещика, согнать их с насиженных мест. Переселенческая политика приспешников трона заключалась в разжигании национальной розни. Они стремились обманным путем поселить на землях горцев обездоленных русских крестьян, восстановить против них местное население. Но, поддержанные большевиками, самим В. И. Лениным, крестьяне Кутанской губернии и в их числе кикнавелетцы решили бороться.

Сегодня в селе Сакраула (так называется нынче Кикнавелети — по названию протекающей здесь реки) живет немало свидетелей тех событий. Старейшему жителю села — Карпезу Семеновичу Кикнавелидзе пошел от роду 106-й год. Николаю Ивановичу Зуадзе и Николаю Самсоновичу Кикнавелидзе перевалило за восьмой десяток.

У Карпеза Кикнавелидзе, несмотря на преклонный возраст, превосходная память, совершенно ясное сознание, и рассказчик он замечательный. Молодежь любит послушать, когда старейшина их села вспоминает прошлое.

Послушаем и мы рассказ старого Карпеза:

— Много лет батрачил я на местных богатеев, но так и не сложила моя счастливая доля. Помещики только и ждали, к чему бы придаться, что бы еще забрать у бедняка за мнимые долги. А как мы жили тогда! Об электричестве не только не мечтали, а просто не знали, что это такое. Не было керосина, свечей. Так и жгли лучину по вечерам, да и то не всегда. Одежда была домотканая, обувь, — старик посмотрел на свои новые отличные сапоги и усмехнулся, — и зимой и летом лапти. И те не каждый раз справишь, так что ходили и в дождь и в стужу в прохудившихся. Чего уж говорить, для свадеб у молодежи была одна общая пара сапог на всю деревню. Кто женился — тому и одалживали их на день-два.

Жили мы тогда впроголодь — земли-то почти не было. Хаты наши жалкие были крыты травой или соломой — не то, что теперь, черепицей, шифером там, или железом.

Не было в селе мануфактуры. На базар ездили в уездный город Зестафони раз в кои веки, да и то на арбе. А в Тбилиси из села тогда, может быть, побывали один-два человека. Если кто заболел, то беднягу на трясуучей арбе везли в Зестафони — только там на всю большую округу и была единственная «медицинская помощь» — в лице местного фельдшера.

Немного было тогда у нас грамотных людей. Среди них были Караман Кикнавелидзе с тремя братьями, Василий Мачавариани, Константин Келенджер-

¹ В. И. Ленин, Соч., 4-е изд., том 18, стр. 79.

дсе и несколько других. Когда началось выселение, они от имени односельчан составили и направили начальству протест о несогласии с выселением. Да в старину ведь, знаете, как было, — пока эта бумага ходила по разным царским чиновникам, жандармы учинили свой суд и расправу над «бунтовщиками». И Караман Кикнавелидзе с семьей, да и некоторые другие крестьянские дворы вынуждены были покинуть родные места...

«Бунтарский» дух сродни землякам Карпеца, и эту традицию в них успешно поддерживали грузинские большевики. Сюда, неоднократно, пользуясь труднодоступностью села, наезжал легендарный Камо. Он организовал здесь тайный склад оружия для тех, кто боролся с самодержавием. Но земля так и осталась несущественной мечтой кикнавелетских крестьян и при царизме, и в годы холяничанья меньшевиков, стоявших на страже интересов помещиков. Правды сельчане добились лишь с помощью оружия, когда в 1921 году пошли за большевиками и утвердили Советскую власть в Грузии.

Колхоз в здешних местах организовался в 1930 году. Понятно, что первым вступил в него Карпез Семенович. Он стал одним из бригадиров.

— На первых порах, — вспоминает дед Карпез, — всю нашу технику составляли лопаты да мотыги. Была еще соха, да в качестве тягла — несколько быков.

Но жизнь брала свое. Колхозный строй мужал и креп, и вместе с ним росло артельное хозяйство, крепла экономика местного колхоза. Конечно, рельеф местности не изменился, горы не сдвинулись, и все так же мощной громадой возвышались они над Сакраула. И все же эти покрытые лесом седые великаны вынуждены были потесниться, отступить перед натиском советских людей и щедро раскрыть сельчанам свои богатства.

Основой экономики колхоза стало виноградарство, которое приносит примерно 60 процентов всех денежных поступлений. Виноградники здесь возделывают на десятках гектаров. На крутых горных склонах родится особо высококачественный виноград, дающий отменное сырье для марочных грузинских вин. В прошлом году при плане урожайности 35 центнеров на каждом гектаре выростили по 48 центнеров ягод. Государству было продано на 45 тонн янтарных гроздей больше, чем предусматривалось заданием. А нынче, в юбилейном году, сакраульские колхозники обязались добиться средней урожайности винограда в 60 центнеров. Удивляться здесь не приходится. Горный колхоз в достатке обеспечен всем необходимым для ухода за лозой. А главное — люди трудятся всегда с душой, с огоньком: они знают, что работают для себя.

Многие передовики хозяйства выращивают рекордные урожан. Старики мало уступают молодежи по результатам. Например, Николай Самсонович Кикнавелидзе, коммунист с большим стажем, с закрепленного за ним участка в 0,30 гектара при плане 22 выростил 48 центнеров винограда. В пересчете на гектар это составляет 160 центнеров. Только одной премии Н. Кикнавелидзе получил в прошлом году 170 рублей. Такие же высокие результаты и у В. Табукашвили, Г. Бахтадзе и многих других виноградарей.

В колхозе занимаются также животноводством и шелководством. Новый коровник на 120 голов — гордость колхозных животноводов. Это типовое помещение, в котором механизирован ряд трудоемких процессов. Есть здесь и новое помещение для молодняка на 250 животных, построенное три года назад. На его строительство колхоз ассигновал 26 тысяч рублей.

Культурно и заочно живут теперь жители колхоза села Сакраула. Артель носит имя земляка — Владимира Маяковского.

Сакраульцы — уважаемые в районе люди. Колхоз несколько раз был участником ВДНХ. В каждом доме теперь достаток. Здесь внедрена гарантированная денежная оплата труда. Доход хозяйства составил в минувшем году почти 90 тысяч рублей. Стоимость одного человека-дня превышает 2 рубля. Высокие заработки позволяют колхозникам строить новые жилые дома.

За последние годы в деревне построено более 60 новых капитальных домов. А сколько еще строится!

А ведь когда-то в этой деревне было всего три — даже не дома, а избы, покрытых черепицей. А теперь собственный колхозный черепичный завод едва справляется с потребностью строительства в черепице.

Небольшое горное село Сакраула дало шесть Героев Социалистического Труда. Это Шалва Окропирович Чумбуридзе, Шалва Петрович Табукашвили, Валерьян Макарович Бахтадзе, Николай Ираклиевич Хускивадзе, Михаил Гивоевич Чкония, Леван Семенович Абашидзе — гордость села Сакраула.

Новая жизнь прочно утвердилась в Сакраула. В центре села капитальное большое здание правления и клуба колхоза. Есть здесь почтовое отделение, магазин, пекарня, лесопила, гараж на десятках автомобилей, навес для обширной техники, колхозный радиоузел, аптека, медпункт с врачом и тремя фельдшерами. В селе сейчас три школы, недавно приступили к занятиям в новом школь-

ном здании 300 учеников. Клуб артели располагает стационарной киностанцией. В горном колхозе есть своя автоматическая телефонная станция. Молодежь в свободное от работы время с удовольствием меряется силами на своем футбольном поле, баскетбольной и волейбольной площадках.

Кипучей, полнокровной жизнью живет сегодня далекое горное село. В сегодняшней судьбе Сакраула, как солнце в капле воды, отражается счастливая судьба всего крестьянства, и в частности, нашего, грузинского.

Но важнее всего то, что изменилась сама деревня, изменился в качественном отношении, она стала совершенно иной в духовном смысле.

Сейчас в селе, где когда-то всего несколько крестьян умели читать и писать, 65 человек имеют высшее образование, а 22 человека учатся в вузах республики. Бывший колхозный счетовод Андрей Михайлович Кинаведидзе нынче известный экономист, заместитель директора Грузинского научно-исследовательского института экономики и организации сельского хозяйства по научной части. Две дочери Василия Мачавариани, того самого, который когда-то писал протест против выселения кинаведидцев, стали доцентами, кандидатами наук по медицине и сельскому хозяйству. Преподают в Грузинском политехническом институте молодой кандидат технических наук, еще один представитель Сакраула, Тамаз Дмитриевич Баградзе. Известны в республике художник Давид Яфетович Кинаведидзе, вышедший из горного села, и скульптор Вахтаг Романович Маградзе. Поистине совершенно новый человек населяет сегодня Сакраула. Сакраульские крестьяне патриоты своей Родины. В трудную годину тяжелых испытаний Великой Отечественной войны 312 сельчан этой небольшой высокогорной деревни с оружием в руках грудью встали на защиту завоеваний Октября. 225 из них погибли смертью храбрых в битве с фашизмом. Вечная им слава!

А недавно в селе Сакраула был настоящий праздник. Их земляк — скульптор Вахтаг Романович Маградзе, живущий сейчас в Тбилиси, подарил селу памятник Владимиру Ильичу Ленину. Мне посчастливилось быть на сельском съезде, посвященном этому событию. К колхозникам приехали известный писатель Демна Шенгелая, заместитель министра сельского хозяйства Грузинской ССР Б. Палавадишвили, ученые, партийные, советские работники.

«Что для истории отрезок времени в 50 лет! — говорил на этом торжественном сельском съезде в Сакраула писатель Демна Шенгелая. — Но какой гигантский скачок совершила за это время наша страна, первой шагнувшая даже в космос. Сила партии, ее энергия, жизнеспособность нашей идеологии находят свое повседневное подтверждение буквально во всех областях нашей многогранной жизни.

В вашем селе при клубе работают драматический, хоровой, литературный, шахматный и другие кружки. Агитхудожественная бригада поднимается в горы, где трутятся виноградари и животноводы, и выступает перед ними. Мне особенно отрадно, что в селе есть обширная библиотека из 5.000 книг; сюда ежедневно, да в каком количестве, поступают свежие газеты, журналы и другая литература. Ваши дома связаны с миром антеннами телевизоров. И это в селе, где полвека назад царил темнота, невежество, нищета и отсталость, где не в каждом доме даже горела лучина!

Я задаю себе вопрос: мог бы я жить и творить здесь, в Сакраула? И с глубокой убежденностью отвечаю: да, тысячу раз да! Потому что новая светлая жизнь сегодняшнего вашего села полностью способна удовлетворить не только материальные потребности человека, но и самые высокие духовные его запросы.

Мне, как человеку, знавшему и встречавшемуся с вашим земляком Маяковским, особенно приятно воочию увидеть те огромные социальные сдвиги, которые произошли на родине поэта и во всей нашей стране.

Если бы видел Ильич сегодня то село, о котором он писал более пятидесяти лет назад, он был бы доволен. Нынешнее Сакраула еще один штрих грандиозных социальных сдвигов в деревне, ибо здесь наглядно подтверждено: нет больше кондового захолустья, всюду центр — культурный, полнокровный, благоустроенный, богатый и интересный.

И как нельзя более созвучны сегодняшнему дню солнечной республики, силой природы и властью человека превращенной в страну рукотворных чудес, замечательные слова ее великого сына — Маяковского:

Я знаю:
глухость эдемы и рай!
Но если
пелось про это,

Должно быть,
Грузию —
Радостный край
— подразумевали поэты».

Светлая судьба у Кинаведети сегодня. И сельчане хорошо знают, что ею они обязаны Советской власти, Ленину.

К ИСТОРИИ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННОГО В. И. ЛЕНИНУ

В июле 1920 года, когда в Москве проводился Второй конгресс Коммунистического Интернационала, многие видные деятели международного коммунистического движения решили составить альбом, озаглавленный: «Делегаты Конгресса о товарище Ленине».

Эту рукописную книгу, выразившую самые возвышенные мысли и чувства делегатов, открывает запись Джона Рида на английском языке. В переводе она звучит так: «Ленин — такой простой, такой гуманный и в то же время такой дальновидный и непоколебимый. Ленин — локомотив истории».

Тридцатая запись в альбоме принадлежит Михаилу Барсову (Миха Цхакая). Он желает Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне здравствовать бесконечно долгое время «на радость коммунистам всех стран».

Следующая запись — делегата Коммунистической партии Грузии Филиппа Махарадзе. Он называет В. И. Ленина

«великим и гениальным в области практики, в прозорливости, в предвидении будущего...»

Записи в альбоме — самые различные по форме высказывания мыслей, по своей эмоциональной окраске и душевной непосредственности, но единые по силе любви к вождю и учителю.

Вот строки на осетинском языке. Это стихи, написанные здесь же, на конгрессе. Под ними подпись: «Южно-Осетинский делегат, бывший бакинский рабочий Р. Ш. Кодзаев. 27 июля 1920 г.»

Разден Шамелович Кодзаев (1873—1938) — видный революционный деятель, бывший рабочий. Будучи делегатом Второго конгресса Коминтерна, он привез в Москву и передал Владимиру Ильичу Ленину послание осетинского народа.

Стихотворение, посвященное Р. Ш. Кодзаевым В. И. Ленину на осетинском языке, приводится и в дословном русском переводе. Вот он:

О, ЛЕНИН!

Живи, живи, наш Ленин!
Бедному народу отец.
Живи, как мы тебе желаем,
Бедному трудящемуся
Народу — Голова.
Услыхали твоё слово
Бедные люди во всем мире —
Начали следовать твоему слову,
И наш бедный горский народ тоже.
Слух о тебе слышен далеко,
Но сегодня мы тебя близко узнали
И увидели твой образ,
И твоя речь, твоё слово —
Перемалывают даже крепкие кости.
Бедный горский человек

Когда-нибудь кусок хлеба поест
благодаря тебе.
В руки если попадет бедным кое-что,
Вот тогда скажут тебе бедняки:
Пусть больше не болит твоё сердце за нас,
Мы рубашку наденем благодаря тебе.
Живи, наш Ленин,
Так, как желает тебе наше сердце!
Бедному народу ты отец.
Чем отплатим тебе за твои благодеяния?
Имя твоё прозвучало по всему миру.

Все материалы альбома делегатов конгресса воспроизведены в журнале «Исторический архив», № 2 за 1957 год.

Подъем и спуск

РОМАН

— Знаю... Но знаю, что рано или поздно, где бы и с кем бы вы ни были, поднимая тост этот, подразумевать будете только меня.

— Ха-ха-ха... А вы удивительно самоуверены!

Эда отпила вина, один глоток, затем чуть больше, затем припала с жадностью, но вот оторвала чашу от губ, опустила ее, поставила и глубоко вдохнула.

— Я не должен надеяться?!

Она вопроса его будто и не расслышала, да и вообще казалось, что не помнит уже, над чем недавно смеялась; она опять взяла чашу, опять отпила и, словно обретя былое спокойствие, пробормотала:

— Хорошо! Что за вино!

— Божественное, другого не пью. Мы ведь во владении Армази, мы гости Армази... — и замолк, к плоту подлил деревянный лоток с жареным цыпленком, с подливками из ореха, граната, ткемали. Ленто разложил все на столе, — пожалуйста, отведайте, прикажите, что еще изволите; Армази, щедрый хозяин наш, обладает отменным вкусом, тонко чувствует красоту и вдохнет нам в душу радость, наполнит счастьем, увлечет за собой...

— Вы так убеждаете, что вот-вот уверю!

— До сих пор не уверовали?!

— Пока еще нет, ха-ха-ха... пока еще нет.

Пригубила чашу, медленно отпила. Ленто склонился над своей, выпил и отрываясь. Только так, утверждал он, так гораздо вкуснее. Эда не возражала — кому что нравится... Но после второго или нет, после третьего тоста и она осушила чашу до дна. Так все же вкуснее, сказал он. Как когда-то пробормотала Эда.

Издали донеслись звуки доли, зазвучали громче, еще громче, к ним и дудки присоединились, и стали они приближаться, вот совсем уже рядом оказались, и тут к плоту пристала лодка с карачохели. С какими? Конечно, с самыми настоящими. И не только одеянием — эх, одежда — пустяк! — нутом своим, старотбилисской закваской, беспечностью своей. А ведь это были они, те, что такими тихонями выглядели в Грма-Геле; те же — да не те, воспряли духом, из мертвых воскресли они, свидетели и очевидцы возрождения Химши; прежними были, но какими ликующими, восторженными и вдохновенными были их мухамбази. Сейчас куплеты пелись в честь Ленто, в честь гостя его, ее восхваляли, возвеличивали, душу за нее отдали бы с радостью. Ты, во всем лишь ты, все лишь благодаря тебе существует, уйдешь — и пустота вокруг, лишь тобою живу, и самую смерть принять от тебя готов... Да, лучше погибнуть, коль ты разгневаешься, меня отвергнешь. Пожелай только, и буду петь нескончаемо, поклонению конца не наступит, ты ведь женщина, а женщина для поклонения рождена, для прославления ее стихами. Помимо всего, пришла ты с Ленто, а он ведь в трудный час для нас — кремьон с огнем, наше упование, жизнь, надежда...

— Где ты пропадал?! — прокричал ему меделе, закончив петь.

— Не забывай старой дороги и старого друга! — это добавили те, что играли на дудки.

— И чего мне пропадать?! Десять стихов принесу...

— Времени у нас мало, но для тебя... Даван, принеси!

— Завтра же принесу... А сейчас пожелайте мне...

Продолжение. Начало в №№ 1, 2, 3.

Лодка приткнулась к плоту, молодецки, по-юношески браво перескочили на него карачохели. Взлетели, позвякивая, вложенные одна в другую три чаши. Подхватил их Ленто, наполнил вином.

Пожелали счастья и удалились, улыбки, устремились к другим, чтобы у каждого плота побывать, чашу поднять, пожелать многие лета... И песни смеялись шаири — частушками, мухамбази, баяти, старыми, подпольными и совсем новыми; с ветром смешавшись, неслись они над Курой, радость наполняя сердце Ленто, ибо были от него неотделимы, самую сущность его выражали. Очень хотелось ему сказать об этом вслух, но не перед Эдой же хвастать — да и вообще, о том он и звука не проронит, рта не раскроет, только про себя и подумает, молча, тайком погордится; а имеет ли это значение? Да и время ли думать о подобном?.. Эда уже не подсмеивалась, колкости ей не отпускала и если что ей и не нравилось, то все-таки молчала, не привередничала. Пока и этого достаточно, а там — поживем-увидим. Ленто верил, что потрясет, воспламенит ее, что исполнится она радости.

Откуда-то передали ягненка, сказали, что плотогоны посвящают его своему вояке, который провел их с честью по трудной дороге; теперь надеялись, в городе, до которого рукой подать, он сумеет их повеселить на славу; плотовщик обнадеев друзей, приказал ягненка заколоть. И то, что затем случилось, произошло со сказочной быстротой, все было сделано с поистине невозможной сноровкой: последние слова приказа еще звучали, а ягненок уже валялся обезглавленный, Эда даже вздрогнуть не успела, как тушу подвесили на иве, не успела вскрикнуть — уже освежали, не успела прийти в себя, как разгорелся костер, и только осознала происшедшее, — а уже разносили шашлык на шампурах, разносили по плотам по приказу верховодившего плотовщика. Где-то туш заиграли за дудуки, и с плотов раздались восторженные крики. То был тост за удачную, счастливую дорогу в город. Плотовщики, стоя, — а как же иначе, — высоко поднимали чаши и шампуры с шашлыком. Встал и головной плотовщик и тоже поднял свою чашу. Чаши сверкали, тлели угольки на шашлыке. Можно ли было остаться ко всему этому безучастными? Но почему же Эда не поддавалась, почему не всала с чашей и с шампурами!

— Это варварство...

— А когда до этого ели, не было варварством?..

— Не видела, как убивали...

— А вы попробуйте, а потом уж осуждайте меня, говорите, что это варварство... Попробуйте, ну!

— Подождите, дайте в себя прийти.

— Что ж, пожалуйте!.. А пока — за чистоту, благонравие, добродетель, надежды, за что еще? Еще за наслаждение...

И услышали задиристую песню плотовщиков; они напомнили, видимо, товарищу своему на переднем плоту, что мора уже братья за багор. И поднял он багор, и стал тихо вторить, зашел. Пел он, и липли, проникали слова песни в самое сердце, заставляя невольно вспомнить Илью:

Пел в ночи аробчик, и такую
Полон был ночной призыв тоскою,
Что, как подорожный перезвон,
Он остался в сердце угнетенном,
И звучит он заглушенным сном!

Пел он, и подтягивали ему другие, подтянул и ветер, ветер с Куры, подхватил и вдаль понес, вдаль унес, ворвался в город, как ликующий вестник, вестник идущих плотов... Промчался по городу и вернулся назад, к плотогонам, и снова песню подхватил, увлек ее далеко-далеко...

— Поете?!

— А как же?!

— Всегда?

— Иногда... Когда радуюсь или печалюсь...

— А сейчас?

— Радуюсь!

— Потому что я с вами?

— Потому, что будете со мной.

— Огненные и вовек?

— Огненные и вовек.

— Ха-ха-ха...

Дудуки опять туш заиграли. Еще сильнее плот закачался, дернулся, рванулся, поплыл, будто ничто уже не могло его остановить — даже угроза гибели на порогах или каменистых отмелях. А если бы это случилось, Эда закричала бы, взмолилась бы, обреченная. Не боясь, я рядом, отозвался бы сра-

зу Ленто и, рассекая волны, преодолевая течение, подплыл бы, подхватил бы ее, поднял, понес бы к берегу; но вода, хохоча, взревела бы, хохочущий оскал и острые длинные ногти показала бы, набросилась бы, мясо кусками сдирая, искромсала бы Эду, костей ее не щадя...

Ленто быстро провел рукой по глазам, торопливо отгоняя видение, возникло нечто еще более странное: вот взвился платок — там, в орбиской цюнде, учительница биологии так откидывала покров со скелета, — а взвился платок, то должны задвигаться ребра, сдвинуться с места ключицы. И действительно, взвился платок, подхватил его ветер, обнажив глубокий вырез, руку обнажив, язящую руку, что качнулась, скользнула, прикрылась платком, и тогда вдоргнули плечи, точно рассердившись на расшалившийся ветер. И, словно тоже рассердившись, ветер обрушился на пламя свечей. Стояли они на плоту, освещали блюдо, полное фруктов и сладостей, — ветер обогнул их и чуть не погасил. Упало и снова вспыхнуло пламя, опять встрепенулось, запрокинулось за край свечи, скользнуло по самой грани и вновь вспыхнуло. Началась борьба между пламенем и ветром, долгая, упорная, изматывающая, доводящая до изнеможения, до неотвратимого желания уйти...

И Ленто, в который раз, принимался допытываться: не поправились, завтра не пойдете?

— И завтра?!

— А почему бы и нет?!

— Не думаю...

— Завтра надумаете, захотите...

— О нет!

— Послезавтра!

— О нет!

— Захотите, говорю!

— Кто знает, что до послезавтра случится...

— Что бы ни случилось, разве не пойдете?

— Ха-ха-ха... Послезавтра... Посмотрим...

— Договоримся сегодня...

— О нет!

— Ну хорошо, пусть послезавтра...

И не удержался, потянулся к ней. Они были у подьезда.

Ленто потянулся, но растворилась дверь, и Эда открылась; и остались по эту сторону протянутые губы, обманутые губы; остался здесь звонкий смех и окутал Ленто, обволоч, окружил.

15

Что же касается хозлина, то тот, плотно сжав губы, носился по ателье как угорелый, заглядывая в каждый уголок, все проверял, прибирал, подчитывал, лишнее рвал, припрятывал. И раньше он многое успел уже вынести, схоронить от любопытного глаза, а теперь приводил все в ажур, выискивал последние угольки, о которые еще можно было обжечься!.. И тушил их, злобно озираясь. Но Ленто уже было безразлично, его он и прежде ни во что не ставил, а теперь и тем паче. Все ему было ныне трын-трава.

Но вот наступило «послезавтра», с рассветом истек бесконечный срок ожидания, миновали два длинных, невыносимо томительных дня. И этот последний несомняемый день он как-нибудь скоротает, как-нибудь дожидается вечера... А начальник пусть лопается от злости. Но почему начальник, а не подчиненный?! Конечно, подчиненный, подручный, посыльный, мальчишка на побегушках, — поставим его на место, если будет слишком приставать. Не так ли? Как это не так, разве не ему вчера подали выписку из приказа — заведующим назначается Ленто?! Только вчера это было, и хоть немного до отлегло его от неотступной мысли, помогло сократить бесконечно длившийся день. Да и уверенности у него поприбавилось; словно бы ничего и не случилось, а не заметил, как заважничал, — пусть посмеют отвергнуть меня! Он думал о встрече на плахах, но был сейчас уже подчеркнуто степенным, в голосе звучали какие-то повелительные нотки. А заведующий, ставший подчиненным, казался ему растерявшимся, потерявшим голову. Иначе и быть не могло, не так просто ведь снести понижение в должности, даже если сам на него согласился. Кривилось, глубокими складками покрывалось лицо начальника, то бишь подчиненного, все более вытягивалось оно, все сильнее испещрялось морщинами, но отнюдь не становилось безобразней, чем раньше; если и сердце его так же терзается, нащептывал Ленто его внутренний голос, пусть терзается, чистой особой оно ведь не блещет... Словом, Ленто был в хорошем настроении и в общем-то не хотел обижать начальника, то есть, простите, подчиненного. Но Бульдод вдруг заговорил, и как-то само собой выяснилось, что сегодня нагрянет

ревизия. Ленто будто и не расслышал, а может, расслышал, но до сознания его не дошло, к той заветной двери тянулись и глаза его и уши. Да, к той двери, порог которой никогда не переступал, но надеялся, ждал, что она откроется с заходом солнца; потому и поглядывал нетерпеливо на парадный вход, потому и хотелось, чтобы Бульдог поскорее убирался бы вон, оставил бы его одного. Неужели сообразить не может? Сам же догадается, так он его отпустиет; но лучше пусть сам догадывается, так-то будет лучше. Подчиненный должен в глаза хозяину заглядывать, читать в них должен уметь... Но в глаза Бульдог не смотрел, все куда-то вбок косил, с беспокойством и тревогой повторял, что хорошо еще ребенок уехал... Какой ребенок?! Что за вопрос! Моя Эда, конечно, хорошо что уехала, иначе изнервничалась бы здесь, совсем не может подлых вещей переносить. Каких-таких вещей?! Да ревизия, понятно. Кто уехал?! Эда. Ха-ха-ха... уехала?! Куда?! Когда?! Как вскричал это Ленто, и не спрашивайте, нет, нет, не любите стужите, не допрашивайте, тем более, что ревизия действительно явилась...

Явилась и засела, засела и окрутила заведующего, надо ли напоминать, что заведующим был Ленто?! Но Александр не больно-то давал ему ходу, он сам вел беседы, сам все показывая, самоотверженно отражая натиск ревизоров. Ленто, как посторонний наблюдатель, безмолвно сидел в сторонке, ни во что не вмешивался, а потом, когда все надосело до чертиков, и вовсе покинул их — бейтесь хоть головой о стену, только и сказал. Ревизоры засмеялись, а Александра прошиб холодный пот. Из этого липкого пота он несколько дней не мог выбраться, тиетно выныривал и барахтался, ловчил и выкручивался, вылапувался, плавал и снова извивался, извивался... Иногда поздно вечером Ленто еще заставал их, и ему казалось тогда, что, подобно старому корню, далеко отставшему от побегов лозы, грузное тело Бульдого отделилось от головы, валившейся на столе перед ревизорами. Ленто тут же прикрывал дверь за собой, валился одетый на кровать; если заскивалились, опять выбегал, опять ходил по улицам.

Но наконец — ушли...

Ушли-то ушли, но раз гром прогремел, то жди, конечно, дождя. И он грянул.

На подушке лежал свежий номер газеты, кто-то видно, подоброе, — хоть разок взгляни, мол, — вот и взглянул: в углу был помещен сатирический рисунок — на вилке торчал кочан капусты, смахивающий на лицо человека с вытаращенными глазами и высунутым языком. Под рисунком было написано: «По нашим сигналам». А ну-ка, посмотрим, что за сигнал такой... Дальше все ясно, в газете пропечатали их лабораторию, а портрет на кочане с вытаращенными глазами и высунутым языком изображал самого Ленто; оказывается, выдвигаемые молодые кадры, на него возлагали большие надежды, но зря, не оправдал он надежд, сойдя с пути истинного, вступил на порочную стезю. Подтвердились факты из напечатанного в предыдущем номере фельетона. Сняли Ленто и привлекли к ответственности. Вот оно что! Нет, теперь не знать ему покоя, и раньше жил он в постоянной тревоге, а теперь?! Но разве в снятии дело, могло ли оно его взволновать, он-то к своей новой должности не успел привыкнуть, где уж тут о снятии говорить... И привлечению к ответственности большого значения он не придал, обидно только, что им совершенно пренебрегли, а он до сих пор ни о чем не догадывался: это взорвало его, взорвало, и у него перехватило дыхание. Распахнул он все двери, окна, облился холодной водой, выбежал на улицу, но огонь не угасал, никак не мог совладать с волнением. Когда чуть перевел дух, немного успокоился, снова глянул на убогие строчки под кочаном капусты: чья же там подпись, кто так меня осчастливил? Оказался некий Одилавадзе, заместитель заведующего каким-то отделом. Бросился к ящику, перевернул все, наконец, нашел выписку из приказа о назначении, и там подпись «Одилавадзе». Да, ничего не скажешь в свое оправдание: все на своем месте, все правы, один он неправ, один он виновен, бездельник, безголовый, разная, невежа, болван! Всех опозорил — и воспитавшего его, и тех, кто возлагал на него надежды, и покровителей, и Эду скомпрометировал, подвел поручившегося за него бескорыстного друга; на первой же ступеньке карьеры оставил себя, на первой же ступеньке поскользнулся, упал, полетел вверх тормашками. Еще хорошо, что с первой же слетел. А пламя по-прежнему обжигало нестерпимо, огонь унять он не мог...

Да и могло ли быть иначе, когда ему просто не приходилось видеть человека, более одуряченного, околоченного, чем он сам; такого, впрочем, и не существовало; но в том, предыдущем номере о нем и не вспомнили; да, он поискал газету, раздобыл ее, перечел, — не раз и не два, а много раз перечел, — но как ни ищи, имя его не упоминалось, о нем, видимо, и слыхом не слыхали. Бульдог был нарисован, он лаял, и изо рта у него вылетали пластинки: пла-

стишки звучали, заливались, пели о том, что опера за паузой лежит, консерватория под мышки засунута, а филармония, извините за выражение, под ногами валяется у него, черноглазого, чернобрового красавца. Стоило приглядеться, и вы сразу узнали бы настоящего Бульдога, — не кожан какусты то был, а он сам был сфотографирован собственной персоной. Художник, нарисовавший карикатуру, под рисунком подписался честно и смело, а автор текста скрыл свое имя, укрылся под псевдонимом; но не надо было большой прозрачности, чтобы заподозрить Бадри, он пригрозил и осуществил свою угрозу. Да, пригрозил и ударил, крепко ударил, но в кого попал, в кого?! Что ему нужно было от Ленто?! Ничего, просто Бульдог никому щек не подставлял, ни правой, ни левой. Но должна ведь в кого-то попасть Замахнувшаяся рука — и попала, благо, простодушие никогда не переводится, а умный человек в петлю не полезет, так говорил Бульдог в минуту откровенности; и если раньше не верил Ленто, то теперь уж поверить придется... И огонь, что так опалает, так жжет нестерпимо, тоже поухитнет, иссякнет, — все в конце концов покрывается пеплом! За паузу вдруг, словно змея, что-то заползло, проскользнуло, приятно обдало холодком, оговзало под ложечкой, и вдруг встрепенулось, будто крыльями взмахнуло и опустилось на землю, распласталось, девушкой обернулось, в Эду превратилось, и та, нагая, вся алая, совсем алая бросилась к нему; распростерла объятия; обвила его, алая и прохладная, а может, и стылая, отталивающая стылая, как та змея, что скользила за паузой; отталивающе стылая, но одновременно и освежающая в этом безбрежном торении, в этом неустанном пекле; освежающая, но и разжигающая пламя...

Неужто ничто иное умиротворить его не могло? И рванулся он в зал к зеркалам, перебил их в дребезги, а потом, как подшошенный, до самого сердца потрясенный, рухнул на стул. Нет, он не заплакал, но еще немного, и он, наверно, не сдержал бы слез. И не только от обиды он мучался, — она лишь разожгла его гнев, — мучался скорее от ощущения собственной беспомощности, — герои, право, зеркал не разбивают!.. Да, это было от ощущения безнадежности и беспомощности, и эта вспышка гнева тоже была вызвана беспомощностью.

Разве кто ведает, что изтворил уважаемый Александр? Да и кто знает, почему его «выдвинули»? Кто знает, в какие клеветные дела его впутали, в какую беду втянули?! И все-таки, как прекрасны были гибкая талия, высокая грудь, лучистые глаза, шепот ее, как хороша была ночь, и она вновь пошла бы с ним, непременно пошла...

Ноги его лежали на блестящих осколках, мерцавших, переливавшихся разными цветами.

Уважаемый Александр и глазом не моргнул при виде разбитых зеркал, на лице ничего не отразилось — ни гнева, ни удивления, словно ждал этого, лодозвал уборщицу, попросил убрать осколки; но некоторые все же остались, не убрала те, на которых лежали ноги Ленто. Она венка не выпускала из рук, но и сказать ничего не решилась, потом ушла, видно, заведующий подает ей знак; а как же иначе, снова начальник, — ведь «новый кадр» оказался к делу неспособным, пришлось опять обратиться к старому, опытному, понаворшему, — исправь, мол, недостатки. Не пожалеев себя, все исправит, да, да, не сомневайтесь...

— Жарница совсем несносная, — сказал Бульдог. — Сейчас нет ничего лучше моря... поехал бы, погулял, отдохнул...

— Связать меня хочешь?

— Вах, для чего?! Разве отпуск тебе не положен?!

— Это еще откуда?!

— Полагается ведь...

— Каким образом?!

— Сейчас дело приостановили, Бадри нагадил, и пока все снова закрутим, поезжай, погуляй, на Черном море отдохни, лучше отдыха и не придумаешь.

— Гроши?

— Пошарь в ящичке...

Выдвинул ящик Ленто, приподнял большим пальцем сторублевки, — их не много было, но и не мало. А что с того, будь их и в сто раз больше, это не имело бы никакого значения, — совсем другое лежало у него на сердце.

— Добро, поеду, честное слово, зови, как знаешь — хоть отпуском, но на море или в горы поеду, как уж сложится. Скроюсь от этого ужасного пекла. А? Не так ли? Киноаппарат прихватчу...

— Какие тут вопросы...

— Век живи, добрый ты человек!.. Не впервые с добротой твоей сталкиваюсь, потому и за стихи положи в ящичек деньги!

— За какие стихи?

Ленго надавил на осколки, и стекло отвратительно заскрежтело.

— Забывчивый стал?!

— Брось, нашел время шутки шутить!..

— Отчего же, почему же и не пошутить, не такая уж давила история!

— Что было — то было, за все сполна получил.

— Не будем зубы скалить...!

— Я и не собираюсь...!

Ленго опять надавил на осколки. Бульдог скис, но тут же убрал морщины, почти улыбнулся, холодно улыбнулся, ядовито.

— Езжай... Если есть тяжесть на сердце, вернешься — поговорим, разве будет поздно?! Солнце зло кусается, слова ядом наполняет, позвоним из-за пустяка, только врага порадуем. И так он не нарадуется. Что перенесли!

— Ничего особенного!

— Ничего?!

— Я — ни чуточки...!

— И ты, и я.

— Сказано ведь, что не я!

— Пусть так... Но ждать многого можно...!

— Можно многого ждать?! Ты не изволь печалиться, ты незапятанным, чистеньким остался. Все камни в меня швырнули, ну к черту, пусть хоть арестуют.

— Такого не будет.

— А если и будет...!

— Что, блата у меня нет?! Или в беде покину?! Где я, там и ты. Тост за братство и дружбу забыл?! Сказано — сделано. Я человек слова!..

— Что?!

— Человек слова я...!

— Хм...!

— Не вернешь?!

— Верю, верю, как же не верить!.. Ну довольно!.. Поморочил и хватит, кончай игру, а то мочи нет, вот до сих пор дошло, — он поднес руку к горлу, — чуть кровью не харкаю.

— Отдохни, говорю...!

— Еду... Но прежде рассчитаемся.

— Вернешься, нигуда не денусь.

— Когда вернусь, все будет иначе...!

Опять заскрежтели осколки.

— Не попрекай.

— Вернусь, говорю, все будет иначе.

— Что еще?! Сам столько не весишь, во сколько дельце твое обойдется.

— Знаю, не из-за меня убиваешься... Кончай играть, говорю. При чем тут я?

— А кто же?!

— Ты, собственной персоной... Все дело в тебе, обо мне не беспокойся, мне тревожиться нечего, вызовут — предстану, спросят — отвечу.

— И не удивлюсь.

— Знаешь это, и потому на море спешить меня отослать, а я поеду, только сперва рассчитаемся.

— Вах, разве человек от моря откажется, если он не клязник?! Езжай, прохлаждайся в свое удовольствие, погляди на девочек...!

— Рассчитаемся сперва!

— Если кончаем игру, то и ты прекращай, выкинь эти чертовы стихи из головы, на что мне сдались они?!

— Чтоб опутать меня... И опутал! Но поэту должен ведь я заплатить?

— Этому твоему дружку-оборванцу — две пятерки в зубы, девять раз поклонится.

— Рот прополощи, прежде чем о товарище моем говорить!

— Прощу прощения! — Усмешка скривила лицо Александра.

— И извинения попросишь и на колени станешь. Нет?! Я знаю больше, чем думаешь, на любую хитрость пойду.

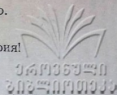
— А ты изменился, и характер не тот.

— Ну и берегись... Позовут — и пойду, а спросят — может, и этим заинтересуются... — он вытащил конверт, тот, что купил у глухонемой, швырнул карточкой.

— Это еще что такое?! Я тут при чем?! — Александр недоуменно повел плечами.

— Кончай лучше игру, говорю!

— Кто этим интересовался?!

— Никто! Но если вызовут — пойду, если спросят — скажу.

Оскалил зубы Бульдог, сверкнули клыки, грозные клыки, сверкнули и тут же погасли, укрылись за черными толстыми губами, только уголки рта остались приоткрытыми, и в них показались слюны — словно яд... Воистину несчастья тот, в чье сердце проливается этот яд! Поорыгав слюной, он ушел, этой дверью исчез, что испускала свет, так, по крайней мере, казалось Ленто. И действительно, какой лучезарной была недавно эта дверь, как светилась, как ласково маяла к себе и как теперь потемнела, потухла, словно насушилась, словно и не отворялась никогда, и не затворялась, будто вовсе и дверью не была, а всего лишь темным провалом, за которым скрывается Бульдог, раздутый от гнева, распыряемый злостью, он так и не ликнул, то ли зубы стиснул, то ли пересилил себя. Ленто это было уже безразлично, волнение улеглось, и его могли только позабавить и гнев, и угрозы, и жалобы, и обиды его уважаемого заведующего, заслуженного учителя и воспитателя, именно воспитателя и учителя — как это он запоминавал?! Но теперь, когда вспомнил, мог ли хоть слово проронить, слово, неудобное почтенному мастеру? Не пошел и смолчал, когда тот деньги вынес и зло в лицо ему швырнул; подумавшись, на то он и мастер, а уж раз мастер подкинул, он, понятно, тотчас подхватил ловко, изящно.

— Здесь, конечно, все, считать не надо?

— Не надо...

— Уверен был, что не откажешь.

— Гм, разве слово нарушу?

— На это никогда не пойдешь!

— А как же...

— Пусть мир перевернется, пусть все рухнет, ты слову своему — твердый хозяин.

— Довольно!

— Ха-ха-ха...

— Хватит, говорю!

— Добро, на сегодня хватит, благо и завтра жизнь не кончается, но одню помощи мне уразуметь, мой сладчайший нареченный отец и мастер, мой учитель, помоги уразуметь, почему так тщательно скрывал это, почему и мне ничего не догадался подкинуть, тогда ведь не влопался бы так глупо в западню...

— Поминишь басно: кошка, выкармливая львенка, не обучила его, на всякий случай, лазать по деревьям!

— Гм...

16

Что было — то было, впредь буду умнее, — снова и снова повторял, успокаивая себя Ленто: он и впрямь собрался с духом, пришел в себя, а тут и «отпуск» подоспел, да и то утешало, что вознаграждение за стихи он все-таки получил, и это означало победу, тем более весомую, что, как говорят, после поражения победа доставляет особую радость. О будущем он не очень задумывался, судьба мастера мало заботила ученика: пусть хоть лбом о камень бьется, пусть хоть голову расшибет, ему все равно, пусть действует, как найдет нужным. Ленто же заберется под облака, оттуда взглянет на суету людей и на возно чертей посмотрит — но разве уразумеешь что-нибудь путное с такой высоты — все покажется мелким, ничтожным; не стоит, однако, загадывать, сперва нужно пойти, подняться... И, навесив на себя фотоаппараты, киноаппарат, сумку, набитую пленкой, он отправился к Парнаозу — коли решил, то пора в путь, нечего ждать. Парнаоз прикинулся, что запоминавал о своем обещании. Ленто не отставал, напомнил, повторил все слово в слово. Тогда созная Парнаоз, что проворонил уже тех, с кем должны были двинуться в путь; но если очень постараемся, может, где и нагоним. Конечно, постараемся. Парнаоз снова стал отнекиваться. Ленто не отставал — уж не безденежье тебя, друг, запугало, не горюй, от заведующего моего прими придет и эти пять тысяч рублей. Теперь разошелся Парнаоз, — какие еще деньги, за что деньги такие, за какие стихи, ах, те стихи, но их по твоей просьбе написал, тебе подарил. В твоих подарках не нуждаюсь, что эти стихи для тебя, и не спрашиваю, для хозяина они — деньги, и деньги я тебе принес. Разве это стихи — поэзия тут и не ночевала.

— К черту все... Вставай, собирай манатки, двинемся в горы, здесь такая жара, что голова не просто болит, а раскальвается, поднимайся, пошли, может, с мыслями немного соберусь и тоже что-нибудь пойму, вставай, ну, вставай же, прощай тебя, к черту все, пойдём только! — повторял Ленто без конца.

И добился он своего, сдался Парнаоз — что поделаешь, раз так ты настаиваешь, пойдем, не удастся до вершины, так хоть до подножия с нашим снаряжением доберемся: нет, обязательно до вершины, упрямылся Ленто. И два дня у них ушло на поиски и выяснения, два дня бегали с высунутыми языками. Сборы оказались не такими приятными, как думалось Ленто, но не такими трудными, как представлялось Парнаозу. Весь город торопился в дорогу, в те дни словно все куда-то уезжало, из складов клуба альпинистов, Географического общества, университета и институтов палатки, спальные мешки, кирки, кошки, веревки, колышки — все разобрали, унесли все, что могло пригодиться в горах. А в магазинах только зимняя одежда, коньки, лыжи... Вербени, колышки, теплую одежду, они, правда, могли приобрести и приобрести, конечно, — если и не очень удобную, то, во всяком случае, сносную; колышки, веревки и теплую одежду притащил Ленто, но особенно пацким оказался на колышки, столько притащил, что с избытком хватило бы на несколько экспедиций. Ну, чего же еще, собирайся и поехали. Но Парнаоз в ответ лишь улыбался и, вспомнив что-то или кого-то, срывается с места, куда-то убегал, пытался выяснить маршруты предстоящих экспедиции, спрашивал о друзьях-товарищах, но тщетно, все уже шли своими дорогами, и плечи их уже оттягивали палатки и спальные мешки... Пока языкком, его удивленно спрашивали: где ты пропадал, почему не дал знать о себе; тогда он бросился к пожилым профессорам, к тем, кто в юности увлекался альпинизмом, а теперь хранил снаряжение для собственной утехы, но и здесь — неудача, либо палатки были уже розданы внукам, либо сами профессора давно переехали на дачу. Отчаяние охватывало Парнаоза, и, кто знает, сколько раз он махнул бы уже рукой, но, опасаясь оказаться в роли палача, убившего в Ленто его самое большое желание, он, наконец, решился, — пойдем, нагоним студентов геологического факультета, напилим несколько пар теплой одежды и засядем в их палатках. Но без кошек все равно не обойтись, хоть бы их достать, — и опять испарялся...

А Ленто тем временем притащил два больших свертка, но не развернул их, словно оставил на хранение, пусть, дескать, полежат. Пожалуйста, пусть полежат, — ответил Парнаоз, не зная, да и не интересуясь, что в них было завернуто, не обратив даже внимания на сияние глаз Ленто. А глаза выдавали его, ликовали — ай да молодец! В одном свертке — отрез на пальто, в другом — на костюм, и плата за шитье приложена. Придется с этим Парнаоз примириться, сторука не вышиберит же в окно! — а там наступит зима, суровая, возможно, лютая зима, и тогда, тем паче, пальто не выборюешь. Но об этом рано загадывать, пока Парнаоз думал только о кошках. Но вот и кошки достали и поднялись в воздух, да, да, наконец-то оказались в самолете.

Вдруг он понял, что за огромный город лежал у него под ногами, как-то неожиданно увидел, что, накренившись, обваливались Кождорские горы, Шавнабада, Махата, и крыши внизу заметил, что опрокинулись и засверкали; заблестел и пруд, который тибинцы морем называют; проплыло, промелькнуло ущелье Куры с холмами и пригорками, с рощами и рывинами, с пашнями, садами и виноградниками, с монастырями и крепостями, с древностью и новью, с трубами заводов, подъемными кранами, — да разве все перечислишь! Потом резко взмыл самолет, и сразу все исчезло; самолет поднялся за облака, набрал высоту и с ревом полетел по беспредельным владениям солнца. Там было солнце, повсюду солнце, только оно там и было — высокомерней, чем обычно, величественней, ладнейшей, царственной обычной; там не грело оно никого, никого не радовало, никого не ласкало, оно само радовалось — всеобщий властитель и всеобщий слуга; там никому не служило оно, облака куполом опускались над землей, и не провалились сквозь них ни молнии, ни угрозы, а в этом распаленном сиянии, в блеске и тени не возникало, съезжилась, улетучилась и тень самолета, — в этом великом свете и безмолвии, и грохот его притих в этом мире, где царило солнце, где царил создатель, изначальный, неустанный, неутомимый, вековечный... Так пока утверждают. И впрямь так скажут и не перестанут говорить — во всяком случае, не будет порицающих солнце... Снова прыгнул самолет, опять странно завыл, опустился, вынырнул из-под небесного свода, и окончились видения великого света, великого безмолвия. Опять рухнули горы, предгорья, ущелья, селения; проплыл, прополз, проскользнул самолет, потом вдруг сам завалился, врезался в горы... Ступив на трап, Ленто почувствовал себя очень маленьким, он и впрямь весь съезжился, поник, голозу в плечи втянул, стоял, ослепленный ярчайшим светом, замурив глаза, подумав даже, — эге, свет этот нисходит по уступам колышущегося облака, словно бог нисходит, погруженный в думы и заботы, идет, приближается, окруженный облаками и вселяющий надежды, — все было так же, как и при первом взгляде на купола Шю-Мгвие; теперь даже подумал,

что не завершишь полет, видение стало бы явью. Но полет-то ведь еще не кончился, они должны были лишь передохнуть, и все же переживание притупилось, иссякло, тихо испарялось.

Они находились на земле, и земляне суетились, сновали взад-перед, что-то волокли, проносили мимо. Какой-то самолет, уже набитый пассажирами, бежался, ушел в высоту, разорвав облака. Вот рыжий веснушчатый мальчуган с фокстерьером; мальчуган голубоглаз, он удивительно напоминает ангелочка, которых рисовали мастера фресковой живописи. Мальчик то ли отстал от самолета, то ли пришел на аэродром слишком рано — но видно было, что он встревожен, пытается что-то найти, найти, переходя со своей собакой от одной группы пассажиров к другой: одни равнодушно его отгоняли, другие что-то отвечали, вступали в разговор; раздавался смех, и вокруг подхватывались, принимались хохотать. Он отходил от хохочущих, степенно подходил к другим, но те следовали за ним. Мальчик чуть не плакал, глаза его, голубые глаза, уже полны были слез. Но насмешники все-таки не отставали и к Ленто подошли, предложив ему фокстерьера; торговаться начали с десяти рублей, потом постепенно набавляли. До каких же пор будут они дурака валять, потешаясь над мальчиком? — подумал Ленто и, сунув мальчику пятьдесят рублей, взял собаку за ошейник. Рыжий точно провалился. Зато на смену ему явился чернявый, смуглый пёсика с поводком в руке. Купил и поводок, — снова окружили Ленто балагуры. Купил, привязал фокстерьера, погладил, приласкал его; купил поводок, обрадовался, даже преисполнился надежды, что скоро приручит... Кто-то допался от смеха. Ленто ничего смешного не видел, — но потешного было немало, в этом убедился, когда должен был сесть в самолет, да никак не мог втащить по трапу собаку. Поднялся переполох, пёс начал лаять, рычать, отбрызгиваться, и ничего не помогало, — ни ласки, ни битые. Уже подали сигнал к отлету. Что поделаешь, — пинком оттолкнул собаку, отогнал, прогнал, поглядывая на тех, что надвигались от смеха. И тут догадался, почему хохочут они. А когда самолет облетел аэродром, в иллюминаторе видны были оба мальчика — и рыжий, и смуглый, как черноез; рыжий отвязал поводок от фокстерьера, чернявый вял его, и они принялись ждать новую жертву, на которую, как на Ленто, действуют и голубые печальные глаза, и черные бездонные, мученические.

Ленто так улыбаясь, словно и не был обманут, словно все ему было известно заранее. Пассажирам это понравилось.

А самолет взбирался все выше и выше; достигнув, наконец, нужной высоты, он лег на курс... Тут было уже не до смеха. Сейчас будет явление: нигде не было ни облачка, ни самого крошечного не было. Ну и пусть, только бы он явился, но на чем возстанет он, ведь создатели фресок рисовали его только стоящим на облаках; он, всемогущий, всесильный, тоже, оказывается, должен был на что-то встать, обо что-то опереться; и у него были ноги, и всевышний должен был пройти своим мостом, облачным мостом, но неужели мост уже миновал, неужели?! Но когда же?! Неужели тогда, когда чертовым псом отвлелен его хитрые мальчишки. Неужели черт это был в собачьем обличе?! Но таких сказок бабушка не рассказывала. Может, пропустила такую сказку, иначе что за черт такой, если не способен обратиться в него пожелает. Но зачем ему было превращаться в собаку? Вот еще! Разве поймешь, — если бы дошел до всего, то и черта бы не стало! Догадавшись, не обманешься, но какой же это черт, что и проведи не сумеет?! «Только я ошибаюсь, только я бываю невейшей, все — от меня, даже существование черта». Вы что-то сказали?.. Он вздохнул, бессмысленно повел глазами, никого не увидел, ничего не разглядел — лишь слабые тени в густом нависающем мраке. Но почему не вслыхнуло сияние, ведь мост перекинул, ведь перебрал уже облачный мост?! Может, он опустился уже; может, уже прошел?! Вот черт окаинный, верно, тогда именно и затуманил ему глаза, и большой свет застыл, чтобы скрыть от него благодать. О чем-то подобном он уже слышал в бабушкиных сказках, подробностей не помнит, но упоминание о ковре-самолете накрепко врезалось в память. И чего сейчас вспомнил об этом, — не день, не два прошло с тех пор, как сказки забросил и зашагал по трясине!.. Слышал, конечно, сказки и о вязких болотах, и о преисподней, но предпочитал о небе высокому, — смелые мысли рождали чувства крылатые. Хорошо было на ковре-самолете, нравилась и шапка-невидимка. Нахлобучив ее, он взбирался на грушевое дерево соседа Ладо, набивал полную пазуку и карманы, потом, устроившись на ветке, дрыгал ногами, надкусывал спелый плод, и сок, брызнув на подбородок, стекал по груди, он же снова надкусывал и, причмокивая, огрызки кидал в Ладо. Тот, никого не обнаружив, подымал плечи, разводил руками. Он буквально допался от смеха и кусал, кусал... Как прекрасна была сказка о шапке-невидимке! И сейчас надеет ее, и сейчас, вернувшись в сказку, поедет в Абастумани... «Как там

она!» — подумал он вслух и, понурив голову, не желая отвечать на вопросы, притворился ушедшим в себя. Да, поедет он, в сосновую рощу направится, присядет на скамейку где-нибудь неподалеку от Тинатин, глаз не отвернет, пока не убедится, что болезнь не поборет ее, и тогда только скроется. А почему, собственно, скрываться? Не таись, смело смешается с людьми. Потом в Сочи уедет... Там она... Войдет в море, вольно, легко поплывет, подтекает, закачается на волнах. Еще неудержимей стала своеобразная Эда, но увлекает за собой еще настояще: поплывет она далеко-далеко, так далеко, как не всякому мужчине под силу. На лоне закатного солнца взмахнет он рукой, вскинет голову у солнца на груди, улыбнется светилу: с тобой я, и солнце возрадется. «Иди по пятам, следуя, не упусти, твое это солнце!». «Ты кто?». «Я — душа... Иди!». «Душа? Какая душа? Чья душа?». «Душа... ощути рукой, видишь, солнце зовет!». «Чья душа?!». «Ощути, говорю, дотравься, поддержи, спаси, а то тонет, скорей, торонись!». И спешит он, как же медлить, когда шапка-невидимка на плечах, она сейчас повелевает. Солнце — близко. Солнце — далеко. Опять приблизились. Опять отделились. Солнце качается... «Помнишь плоть?!» Солнце опускается. «Тонет, помоги!». «Нет... берег далек». «Помоги!». «Берег остается слишком далеко...». «Но ведь захлебнется!». «Что поделаешь?!». «Как сам погубил!». «Я?!». «Обманул, утопил, а теперь торонись-поделаешь!». «Как ничего, я здесь, я все видела и выдам тебя, я — душа!». И тут загудело в ушах — чью душу угодно, вспомнил как играли в детстве, твою душу, твою... «Ну, чью душу?». «Твою, твою желаю, я — душа Ленто!». «Боже мой...». «Ха-ха-ха...». «Спасите!». «Ха-ха-ха...». «Помогите!...». «Зря стараешься, далеко мы, никто не услышит, в моих руках вся подмога, только признавайся, как это было...». «Спас...». «Признавайся, говорю!». Как обманул, как плоть мою обезумил, душу как искверкал?.. «О, нет...». «Берег далек, ты во власти моей, признавайся, не то...». «Неужели так ужасно поступишь?». «Без сомнения!». «Снажу...»

— Что с тобой?! Не встаешь!?

— А?!

— Очнись, говорю!

Самолет уже сел, все сошли, и Парнаоз тряс его за плечо.

Он произнес что-то невнятное и лениво потянулся. Опять неудача, если уж явления не удостоился, то хоть исповедь дали бы дослушать до конца; но не получилось, и потащил он сумки, и на спину перекинул, и на плечи повесил, и в руках держал, — не шел, а тащился за сумками; посмотрел на Парнаоза: обещан с головы до пят, самого не видно, а сумки плывут себе, верно, шапку-невидимку надел... Ах, уж эта шапка-невидимка! Окажись у него, попади ему в руки, чего бы только ни совершил он, — и добро бы посеял, и зло преодолел, добром бы зло и преодолел, и не прервалось бы тогда его существование. Сумки посыпались на землю, а он сам рухнул на них, как подкошенный. Парнаоз и не оглянулся, поглощенный расспросами, — они должны были примкнуть к студенческой группе, выступившей несколькими днями раньше, — во так ничего и не узнал и не выяснил. Да и что тут выяснять, когда самолеты доставляли столько туристов и альпинистов, к тому же многие приезжали и на машинах, добирались пешком — поди тут узнай, кто из них студент, а кто нет! Нужно было идти вперед, снова расспрашивать и расспрашивать — это была единственная надежда; но Ленто не двигался с места, выдохся.

— Может, билет тебя изнурил?

— Не знаю...

— Уж не заболел ли?

— Не знаю!

— Пил многовато в последнее время, вот и результат.

— Нет. Видно, устал...

— Скажешь тоже! Что нами сделано!?

— Не знаю...

— Впрочем, может, и впрямь устали в поисках дела?

— Не знаю...

— Некоторые и дела не делали, и пальцем не шевельнули, но все равно

устали.

— Не знаю...

— Устали, говорю тебе...

— Не знаю...

— Пойдем?

— Не знаю...

— Тогда посидим?

— Не знаю...

И Парнаоз опустился рядом с Ленто; что ж, пусть так, он подождет, пока Ленто придет в себя.

Шумела Цхенис-цкали, небо и воздух были ясны и прозрачны, все вокруг было пронизано таким покоем и умиротворением, что Ленто ослабел, обессилел, сон окутал его, подхватил, увлек за собою, умчал... Парнаоз ждал, все ждал. Рано скрылось горное солнце. А Ленто все спал и спал, и не было уже сомнения в том, что здесь застигнет их ночь, что здесь придется разбивать им лагерь. Парнаоз снова попытался растормошить Ленто. Но безуспешно. Тогда разложил он теплую одежду, подложил вместо подушки один из рюкзаков, и постель для Ленто была готова. И себе постелил. Ночь была безоблачной и ясной, и могло ли быть что-нибудь прекраснее, чем сон здесь, на этой высоте?

Вот уж, вонистину, сон безмятежный, без сновидений, глубокий, всеохватывающий — в него погрузился не только Ленто, но и Парнаоз. Но он истрепал рассвет бодро, а Ленто до полудня провалялся оцепенелый. Но вот припекло солнце, потянулся Ленто и укорил Парнаоза: трудно было что ли о тебе подумать, три дня проспал бы, как дед; да что тут о деду толковать, он не только спать, но трудиться любил. А вот с братом до анекдотов доходило. Пошел однажды жать он и наказал жене, чтобы с полдником не запаздывала. Приехала ему жена полдник — и что же видиг? — благоверный ее всего одну ложку сжал, столько, сколько нужно было подложить под голову; подложил и уснул. Ну да, это еще ничего, ты о третьем брате послушай... Но Парнаоз и не слушал его, торопился сам и его поторапливал, но не зря ведь сказано: кто торопится, вечно опаздывает, и они, конечно, опоздали: пока расспрашивали да разузнавали, случился оползень, машины, сказали им, не ходят; пока достали лошадей, немало времени прошло. А еще на дорогу надо? Конечно, надо, и потратили порядочно, но опять все втуне, и в Цани ничего утешительного не узнали, и в Колурдани ничего обнадеживающего не услышали: нет, нужную им группу не видели. Но Парнаоз не терял надежды, сейчас, наверное, группа уже в Унгули находится, и их лишь Загарский перевал разделяет. Вот одолеет они перевал и к ним присоединятся. Ленто соглашался. Покачивал головой, как старый, ко всему приученный конь, никому не противился, безразлично было, что оставаться, что дальше идти, — и оттуда как на ладони виделся лик Зесхо, повисший на крыльях гигантского ледника, и тонкими ветвями сбегали ручьи, сверкало ущелье, блеском своим слепили ручьи и окрестные ледники, солнце щедро заливало округу. Но зноя не чувствовалось, было прохладно, и Ленто не торопился, и здесь он мог бы проспать три дня и три ночи, подобно блаженной памяти деду своему. Но Парнаоз мешкать не давал — тянул к перевалу. Да и куда прекрасней было там, в альпийской зоне, в праздничном окружении цветов, света, свежести. Там весна-ньме лишь вступала в свои права, цветок спорил с цветком, один цвет властвовал над другим, даже докучливому дождю, который вдруг стал накрапывать, не удалось приглушить буйство красок.

Да, заморосил дождь, и в мелком бисере проступили башни Унгули, башни вольной Сванетии, проступили было четкими границами своими, шагунги, но тут же слово исчезли, поглощенные будто нарочно зачистившим дождем и на какие-то минуты ступившимся мраком, окутавшим весь Унгули; но столь же неожиданно прояснилось, луч выхватывал то один край, то другой, и все тогда оживало, выступало из небытия, а потом он исчезал опять. Все плотнее становилась завеса дождя, стеной он уже наступал, и снова проступал Унгули, Унгули непокоренный, Унгули непреступный, непоколебимый, словно на миг только из прошлого вырвали его, но в прошлое он канул вновь, как сон появився, и исчез он, как сон...

«Езжай, езжай дальше, положишь на коня!» — подбадривал Ленто Парнаоз. Конь не подвел, гигантские тени уже накрывали их сверху, они подвезжали к первым башням. Глухие башни эти, давно безмолвные, покинутые, главной покишке, лишь издали казались высокими, неприступными, суровыми; вблизи все выглядело иначе, да и не заглядывал в них никто годами. Разве что в лигурали? И в мачуби — пристройке к башне — ли дунни, двери и окна распахнуты, а никого нет. Ленто, конечно, мог лишь предполагать, но Парнаоз знал прекрасно, что там, как правило, только детей найдешь да стариков. Ну и что, и те могли указать, где разбили лагерь альпинисты. Можно было отправиться и просто вдоль журчащего Ингури, пройти к краю Унгули, и уж где-то да нашлось бы запропастившиеся. Но все же лучше было повстречаться с теми, кто сумел бы указать, где они... Когда подошли к мосту,

только тогда заметили, что оба балкона стоявшего вдали двухэтажного дома заполнены были людьми. Одни перегнулись даже через перила, пытаясь по лучше их разглядеть, другие спустились на лестницу то ли для встречи, то ли для того, чтобы поближе их рассмотреть.

Подожли к воротам на мосту, но открыты не смогли, пришлось дожидаться, когда явятся на помощь. Побеседовав с проводниками, ничего утешительного не узнали; да, были здесь такие, но еще утром ушли, двинулись вдоль Ингури... И виноват, конечно, Ленто, проспал все на свете, лежебока. И вот изволь догонять теперь. Правда, в такой дождь далеко не уйдешь, придется где-нибудь поблизости лагеря разбивать. Парнаоз потому и настаивал: надо спешить, настигнем, Ленто же, промокшего насквозь, тянуло к печке; и проводники склонны были переждать у огня — не конец же света, говорили они, и завтра успеем... И озябший Парнаоз не выдержал, сдался, — так и быть, передождем...

Направились к нижнему балкону... Им сразу уступили место у печи. Едва расселись, открыла дверцу духовки старая женщина, вытащила хачапури, разложила на подносы, они, казалось, выплыли из-под дождя; оттуда же, видно, выплыла рука, протянула бутылку и растворилась, а потом опять возникла, чтобы раздать стаканы. Рука остановилась на подносе, а вторая, подоспевшая ей на подмогу, напряглась, прося приблизить поднос, дотянулась до хачапури, переломила, поднялся пар, потех расплавленный сыр. Придвигайтесь, предложили им, и они придвинулись к столу, угощайтесь, предложили им — и они привалились за еду.

Наверху стоял нескончаемый гул, несмолкаемый гомоном наполнился и нижний балкон — все куда-то поднималось, спускались, шептались, громко перекинулись. Как выяснилось, из Лентехи приехали врачи, — и в медпункт нагрянули со всего Ингури, и их осматривали, расспрашивали, лечили... Это — наверху. Внизу же — возносили хвалу, благословляли больных и врачей, благословляли весь мир, все сущее на свете, но особенно тепло, и, поди ж ты, чаще тепло большой чугунной печи, нежели водки. А те милосердные руки столь же часто исчезали, чтобы тотчас вернуться, что-то принести, что-то поправить, но все более ясным становилось, что они ждут кого-то, искусно тянут время. А Ленто с Парнаозом считали, что все волнение из-за них. Главные гости были наверху. Они спускались по-одному. Одеты были одинаково, во все темное, и глаза их казались такими же темными, и лица — эти горы, эти угрюмые башни наложили отпечаток на человеческие лица.

— Я думал, здесь будут великаны, хрустальных девушек здесь увидеть надеялся... — прошептал Ленто.

— Они приехали лечить, не на праздник же... А поспеет ли на праздник присутствовать...

— Прекрасных, как в сказке, увижу?

— Зачем же, как в сказке, лучше уж настоящих...

— Мы в волшебных горах.

— Слишком близко ты к ним подошел, так исчезнет и сказка...

— А жаль...

— Не горюй, все услышанное разве не чудесно?

— А увиденное?

— Оборачивается сказкой, если волшебник искусен.

— Но этого в сказку не вместишь.

— Волшебство будет там, на пастбищах, в цветочных россыпях... Сейчас пора линтурали.

— Линтурали?

— Линтурали.

— А что означает линтурали?

— Девичье-юношескую дружбу.

— Чистую дружбу?

— Как тебе сказать... Говорят, так и было некогда, а потом изменилось, утверждают, что изначально любовь означало. Как хочешь, так и понимай. Это — пора всепоглощающей любви. Сам видишь, как мал здесь мир, отсюда и досюда, вот эта пещь, этот гулал на балконах, эти черные тени башен-крепостей. А прояснится, возникнут высокие горы, здесь же, рядом, но и им не раздвинуть пространство; и солнечный свет не подмога, в теснине ему не проникнуть — повсюду угрюмые горы, и округа кажется еще меньше. Какое сердце способно вынести этот давящий натиск, в одиночестве сердцу не выдержать. Страсти усиливались, неистовствовали, но как могли разорвать они эти пределы, этот туман, если не огромной любовью?! В ней росли они, безгранично сливались с необъятной страной, в частицу ее превращались... При-

роду долго не тревожили, и любовь сохранила здесь свою исконную суть, только чище стала, возвышеннее, но естественности не растратила.

— До сих пор?!

— О нынешней умалчивают,

— Но ты, ты же наблюдал в свой последний приезд?!

— Это уже сегодняшний день... Да и походя ничего не уловишь... Путешественнику лишь горы открыты, крепости, храмы, ущелья, развалины и стройки...

— А в туман?

— Тогда видят друг друга.

Вскоре, однако, могли узреть они и нечто гораздо более значительное: все ущелье Ушгули предстало их взору — небо прояснилось, будто и впрямь распахнул окно всевышний, и изумительной ослепливой высветилось, нечто величественное, гордо величественное вырвалось из тьмы, и зажглось оно ярко, пламенное, ослепительное. Даже глазам было больно. Их и вовсе не раскрыть бы, не прими башня огонь на себя; тени пропали, тени исчезли; но явился древний Ушгули со своими крепостями-башнями. Словно одним архитектором все построено было, словно единый замысел в жизнь претворили мастера с огромным вкусом и верным глазом; малые, самые малые башенки связали в прихотливые группы, увязали своеобразным внутренним смыслом, одно к другому, почти незаметно привязали, до наивности просто и до удивления осмысленно все объединили и выставали мощь неприступного ущелья, могучую крепость неодолимой Сванетии. Так думалось, так представлялось и с первого взгляда, хотя этнографы и путешественники толкуют разное, — каждая семья, говорят, строила лишь для себя, каждый о своей защите заботился. И все-таки что-то определяло это своеобразье — глаз художника, верно, всем верховодил. Ну а когда ослабевал этот верховный властитель, то и нарушались ансамбли, — здесь и там было уже немало прорех; виднелся и поверженные временем и болезнями башни. Одни стояли обезглавленные, другие были разрушены по пояс, иные и вовсе пали. Подле них возвышались дома, очевидно, сложенные из камней от этих башен; возвышались дома, но в чашу, орнаментированную древними мастерами, они уже не попали, да и не стремились попасть, — своя чаша имела свои линии, свои линии они проводили, и скоро до последнего камня разберут башни, что стоят с непокрытой головой...

Ленто тотчас вспомнил, что таскает с собой аппараты, вспомнил и пожалел, что так оглушило его в самолете; но ничего, надежда еще не потеряна, ведь и отсюда придется лететь; воспрявши духом, он принялся настраивать аппарат.

— Точку выбрать надо, — заметил Парнаоз.

— Любая подойдет...

— Одни лучше, другие хуже...

— Все обойду, сначала отсюда попробую.

Но неожиданно захлопнулось небесное окно, опять заморосило, башни канули в дождь; только недолго держалась непогода, опять прояснилось небесная синь, — и вновь вспыхнуло сияние, только еще более яркое, еще более пронзительное, чем раньше. Вокруг бились темные облака, но тем величественней казалась неземная громада, величественней и ослепительней, еще более завораживающей и неприступной.

— Что это? — спросил Ленто.

— Это Шхара.

— Что?!

— Шхара, говорю...

— Слышал... Должны подняться?!

— Если туда пошли...

— Кто туда подымается?!

— Кто очень захочет.

— Разве мы не хотим?

— Ну и взойдем...

Ленто принялся перезаряжать аппарат; не желая спорить или соглашаться, он притворился, что не слышал последних слов Парнаоза. К тому же и торопился, врачи стучали уже каблуками по лестнице, — впрорхнули медсестры и все наседали на него: сфотографируй, сфотографируй. И он защелкал аппаратом. Да, сфотографируй, сфотографируй нас, и кричали кому-то наверх: Алиса, спускайтесь, пожалуйста, сюда! Сверху не отвечали, зато внизу не замолкали восторги: ах — как удивительно, ох — как прекрасно!.. А Ленто, покинул щебечущих медсестер, вышел во двор; и вдруг на балконе увидел он молодую женщину, она по полю перегуляла через перила и вся как бы устремилась к Шхаре; он вскинул аппарат и мгновенно запечатлел ее. А медсестры не пе-

глаза, да и не было такого смельчака, что пренебрег бы, как говорили, опасностью остолбенеть под искрометной силой его взгляда. Или знал он сам злую силу очей своих, или сердце у него вконец ожесточилось, но не желал он никого видеть, ни на кого глядеть не хотел, и сейчас по подрагивающим плечам его только и можно было судить, каким волнением он охвачен, какой гнев его раздирает; ах, кому я разрешил подняться, ах, почему я дозволил, — а башня все гудела: «Коллегал! Ко...лле...гал!»

Там было их трое — Ленто, Парнаоз, Ваучи. Ваучи притстал и взирал на окружающее из амбразуры в нижнем этаже; он всем видом своим показывал, что, мол, будучи подчеркнуто вежливым, демонстрируя гостям башню, он лишь выполняет хозяйские обязанности, а то, признаться, положа руку на сердце, башня эта для него ровно ничего не значит, давно надоела, опротивела, и рука, не дрогнув, подписала бы ей смертный приговор, — пускайте на слом и стройте контуры: он был секретарем Совета, и его решения-то и опасались, видимо, Давлет Гвачлиани, никого не впуская в свою башню. Но Ваучи настаивал, даже голос повысил: из города они, гости ведь! Твои они, городские, свою башню своим гостям и показывай, не мог успокоиться Давлет. У меня уже нет, пожимал плечами Ваучи. А почему уже нет?! — еще миг, и Давлет, казалось, откинет шапку и явит всем свои глаза, — нет у тебя, уже нет!.. — он докал языком, качал головой, что-то говорил, повернувшись к Ваучи спиной... Недоумевали Парнаоз и Ленто, невдомек им было, о чем столько времени толкуют хозяева, недоумевая, бродили вокруг башни; фотографировались, и на Давлета навели, нацелили аппарат: может, не останется равнодушным, хоть внимание на них обратит. Но так же горя вам не звать, как он их взглядом удостоил — и головы не повернул; но все это, очевидно, было одним притворством, ибо, словно невзначай, он и плечи распрямил, и грудь колесом выкачал, и чуть-чуть шапку откинул, и шею вытянул, длинную-предлинную шею. И откинув свою шапку — не рукой, о нет! — разгладив морщины на лбу — а как же иначе! — он все же прицокнул языком, выразив тем самым решительный отказ. Тогда-то и выбежал Ваучи и привел кого-то на подмогу. Они тяжело поднялись на балкон, грузно ввалились в комнату. Вскоре Ваучи выскочил с повеселевшим лицом: пожалуйте! А сейчас, наверно, и он пожалел о содеянном, сверху упорно зывали: «Коллегал! Коллегал!» Впрочем, может, Ваучи и незнакомо было чувство раскаяния. Но вот Давлет, тот уж, точно, горько сожалел о свершенном, — но не на гостей, на Ваучи злился.

Из себя выходил рассвирепевший Давлет, но и ему приходилось сдерживаться, на балконные перила гнев изливать, — другого выхода не было! Иначе, увидев, что община трещит по всем швам, глава рода — Самхубим-махвши единым взором своим связал бы ее, спил бы накрепко части ее, собственную душу, если воспротивилась бы, прикончил; да, прикончил бы ее, не колеблясь; но мог ли противостоять внешним силам, незримым и беспощадным, вкрадчивым и неизбежным? Да, что противопоставил бы им Самхубим-махвши, коли жив остался?! Или глава семьи — Кора-махвши — это уже безразлично, — но ушли и братья, и дети, и внуки, все покинули его, сохранилась только эта старая башня; зал и мачуби остались, да воспоминания о том, что тесно было в них от множества мужчин, женщин, детворы; потому и нахлобучивал шапку на самые глаза, боялся, что и воспоминания его покинут, не расставался с шапкой и воочью видел в кресле глубоко разгневанного Кора-махвши, своего отца, на виду у которого распалась большая семья, разваливалась, а он ничего не мог придумать...

«Ко...лле...гал! Ко...лле...гал!» — гудела башня Гвачлиани, и Давлет сотрясал перила и думал о том, что не раздражительностью должен был исходить Кора-махвши, а грозной силой крепить большую семью, тогда не развалилась бы она, — но, ах, где та грозная сила, куда она только запропастилась?! А башня снова гудела «Ко...лле...гал!» — и когда осип и зашелся в кашле, понял Давлет, что хоть грозен, достаточно грозен был отец его, но не мог ничего предпринять и стал оттого раздражительным.

Гудела башня...

Замирал пустой очаг, Кора-махвши захлебывался от кашля, Давлет груду бился о перила балкона... Когда уходили от него, и счастливого пути не пожелал; шапку еще больше на глаза надвинул, мог и не заметить их оживленной жестикуляции, мог, конечно, но ведь смерил их обоих взглядом с головы до пят; пытался догадаться, который же из них орал, кого следовало вдогонку проклясть, но так ничего и не понял, а может, и понял, но махнул рукой и проклял обоих.

Зато Булат благословил их, Булат Чаркселани, у храма Ламарин благословил, и вряд ли проклятые могло возобладать. И потом как искренне благословил, какой задушевный голос был у Булата Чаркселани!.. Светлый был,

спокойное лицо, доброе, чистое... И было в нем нечто от Кора-махви, а если хотите, и от Самхубима-махви — но это унаследовал он еще с тех времен, когда и фамилия их писалась с особой черточкой под строкой, и были они сильны, неодолимы, непоколебимы; и детей рождалось тогда больше, и тучнее стада, и поносы были свободны, и козцы не успевали лута убирать, и скоту справиться с травой никак не удавалось; те, кто спускались в долину, благополучно возвращались, нагруженные различными инструментами, всем, необходимым для свершения религиозных обрядов, играли свадьбы, чтили интурати, помнили дни рождения, и воистину благодатью дышал тогда махви, многочисленной родней вдохновленный. Такой благодатью исполнен был Булат Чаркселани, высокий, представительный, чистый, как Шхара, как Шхара, освещенная солнцем...

Повстречали его на взгорье, у храма Ламарии, где цветы собирал он — стоящим подле него женщины и мужчины; собирал он цветы на склоне; а они с собой принесли, чтобы возложить на заброшенную могилу, на могилу вольного сына Бесариона Нижарадзе. И они стали цветы собирать. Не срывайте, выбирайте с землей, пробормотал Булат Чаркселани. А они не знали, что делать с цветами... Этот человек и благословил их в дорогу, с чистой открытой душой благословил; и разве взяло бы верх проклятье раздраженного Давлета, когда не только благословил их Булат, но и порывался проводить их по горной дороге, и с трудом уговорили его вернуться назад.

И повернул к себе Булат Чаркселани, махви той поры, когда имя это было в зените, повернул к себе удивительный старик, ясный, просветленный, долго следил он за путниками от храма Ламарии...

Коста Чаркселани мимо них проскакал, взмахнул плеткой, прощаясь, желая им мира, взмахнул и поскакал дальше. Это был другой махви — страстный, беспокойный, неуемный, искатель волнений, тревог. Утром именно он их угощал и тогда уже простился с ними, сейчас прощался вторично; да, угощал их сердечно, но вот беседа их:

— Что потеряли ушгульцы в Лентехи?!

— А почему именуется Лентехским районом?!

— Ну-на... Ну... — Ленто бурчал что-то нечленораздельное, обсабывая куриную ножку.

— Ну, скажи! — пристал тогда Коста к Парнаозу.

— Что сказать... Разве так уж это существенно?!

— Не существенно?! Как ты можешь такое?! — воскликнул Коста, оспивший от длинных разговоров.

— Разве может быть это безразлично? — поспешил на помощь Ленто, да так горячо, словно и в самом деле ему было безразлично...

— Не будет этого, нет, не будет! Мы — Верхняя Сванетия, вольная Сванетия! Что такое Лентехи, что такое Лашхети, что за счастье быть рядом с ними! Никогда не считались они Сванетией, вечно под господством чужим прозябали, а о такой, подчинившейся Сванетии что-то не слышал! Сванетия — вольная, а то, что признало чье-то господство, Сванетией именоваться не может. Мы всегда считались Сванетией, и зваться теперь лентехцами не будем, Сванетией называли эти края, и всегда близки они были к Кала и к Местии. Всегда рядом с ними, даже выше них, туда Пута Дадешкеллиани добрался, а сюда не сумел, нет, не сумел. Видели, небось, храм Ламарии, нашей Ушгульской Ламарии! У дверей заметили, конечно, большую каменную ступень — ступень почета и величия. Так вот, на нее мы и усадили Пута, тогда никак не хотел отстать он от нас и дорогу на равнины отрезал, там усадили, пригласив быть нашим повелителем; сказали, что отпраздновать нужно объединение, так сказали, ублажая его, а сами просунули в дверь ствол ружья, призвав к тому ружью длинную веревку; и когда потянули за веревку, когда выстрелило ружье, когда Пута упал со ступени, в один голос вскричали все: я убил! Вот каковы мы, ушгульцы! Скажешь, то — предки! И мы таковы, а лентехцам такого и не снилось!

— О чем-нибудь другом расскажи, а убивать всюду умели...

— У нас по-особому умели, не зря ведь звались вольной Сванетией. Всегда, говорю тебе, мы здесь обитали. А где тут, покажи, если можешь, Лентехи. — и он вытащил из-за пазухи изрядно потертые бумаги, развернул их с большой осторожностью, разложил на ладони и принялся читать, вернее, говорить наизусть: «Именем бога, отца и сына и святого духа. Эту книгу написали по велению всемогущего ушгульского святого великомученика Георгия Сетского и заступника Лалатского в знак общей верности и совместной борьбы с врагами Ушгули, Местии и Лалати». Где тут Лентехи?! Молчишь?! То-то и оно!.. А теперь на это посмотрим. И он раскрыл другую бумагу, истлевшую. И опять прочел наизусть: «По внушению и велению заступника Лалати, по внушению и велению заступника Ленджери, по внушению и велению заступника Сети, по вну-

дженно и велению заступника Мулахи, по внушению и велению заступника Мьялви, по внушению и велению заступника Цуремии, по внушению и велению великомученика Гардаши, по внушению и велению заступника Эли, по внушению и велению заступника Ходнши, по внушению и велению святого Квирике Кальского, по внушению и велению божьей матери Ушгули... Божьей матери Ушгули... Слышите?... По внушению и велению божьей матери Ушгули написали это порицание сообща всей Сванетией. Всей Сванетией, а Лентехи — где, Лентехи пришивают и приклеивают. Со стыда и в Кала показаться не можешь. Ну, пока один-два стакана выпьешь, еще ничего, а как до третьего черед доходит, тут уж калельды начинают покусывать, прямо зубами скрипят от ехидства: лентехский, мол, ты...

— А ты не пей третьего...

— Э-э-э... скажешь тоже!

Сидевший с ними сын Коста — молодой, но сдержанный, уже как настоящий мужчина, — ни разу не вмешался в беседу, ни перечил отцу, ни поддерживал его. Но тут и он не выдержал:

— Дай гостю выпить...

— Сначала объясню... Разъясню вот последние неясности, — и Коста снова принялся размахивать руками; он кричал, орал, вопил, визжал, голос его непрерывно и странно менялся; то поднимался до громовых высот, то вдруг окончательно срывался; но именно в тот момент, когда казалось, что он вот-вот перейдет на шепот, голос ломал все препоны, взлетал, как на гребне волны, и снова, опять слабел до едва различимого хрипа. Не испугаться, не поразиться, наблюдая за этими превращениями, за этими страданиями живого голоса, было сверх человеческих сил; голос сковывал вас и захлестывал, от него нельзя было никуда деться, оставалось только слушать его, пусть даже в тысячный раз, как то выпало на долю его терпеливого сына. А Коста убеждал, грозил, разжеывал, разъяснял, — разжеывал, кто это «лентехцы» и кто это «местийцы»... Но, стойте, тут необходимо внести уточнения, мы упомянули лентехцев, местийцев, а ведь на самом-то деле лентехцы, местийцы здесь ни при чем — это совершенно условные названия, которые, по своему усмотрению, раздавали ушгулды. «Местийцами» оказались все те, кого некогда освободили от должности или сняли с постов — председателя Совета, председателя колхоза, директора школы, секретаря Совета, одним словом, с любого поста, даже с поста почтальона; «местийцами» были все те освобожденные или снятые, которых возглавлял Коста; нужно ли уточнять, что сам он был снят с работы, хотя с апломбом уверял, что с превеликим трудом освободился от давнего его бремени, нет, сами понимаете, не обидя, что я уже не секретарь Совета, заставляет меня возмущаться, он повторял это постоянно, а чувство справедливости, борьба за восстановление поправленной исторической правды, забота о судьбе народа...

Заметим от себя, — если есть в том нужда! — что о том же, почти в тех же выражениях клялись и «лентехцы» — все те, кто не мог не признавать, не быть начальниками, заведующими — о, и они о народе думали, за него души болели, о нем неусыпно пеклись, днем и ночью, из-за него в схватку вступали с «местийцами»! А иначе чего было бы им хлопотать?! Стоило, однако, остаться кому-нибудь из них без должности, как в ту же секунду вступал он в стан «местийцев», горько сожалел о прошлых грехах своих, пальцы кусая от досады; такие присоединялись к самым непримиримым «местийцам»; но все-таки не к Коста, к тому не подступившись, — тот был другим, по иной мерке выкроенным, под особым знаком родившимся — благодатью его была способность сыпать словами без остановки, без передышки, без усталости, способность оставаться глухим к чужим словам и слушать только собственные, даже если никто уже не слушает. С Коста никто не мог тягаться, и ведь не обучали его, сам постиг, выручил врожденный талант, дарование, ниспосланное богом! И других не натаскивали, — к чему? И одного Коста было предостаточно, этого преданного, самоотверженного деятеля, для других, только для других старающегося, для общего дела, во имя исторической справедливости...

— А как же, а как же! Лишь у народе, лишь для народа... Разве мне что-нибудь нужно, дом я, слава богу, выстроил, детей поднял, — и каких детей, враги позавидуют! Я-то поставил их на ноги, но другим как поступить, одной школы ведь недостаточно? А дорога к высшему образованию разве излияния? Нет, не излияния! А о какой дороге говорить, когда снежный обвал у Лентехи на месяцы отрезает нас от белого света?!

— Были бы отрезаны, не будь иного пути, дороги по эту сторону...

— Вот еще новости, раз нарекли нас Лентехским районом, то через Лентехи и должны добираться.

— Упрямство...

— Некоторые тоже так думают, забывают, что дорога тому должна принадлежать, кого она к цели ведет, понятно?! Младенцы вы, быстро до сути вам не добраться, а мы из-за соли кровь проливали, но не подчинялись никому, разумеешь? То-то, пока не растолкуешь, не докумекаете. Небось, восхищаетесь, глядя, как врачи возятся тут с нами, с головы до пят выстукивают, оцупывают, прослушивают; небось, сами до корня добравшись не можете, думаете, что они из кожи вон лезут, о нас заботятся, глаз не спускают, не давая ноготку разболтаться, — так и мчатся на помощь?! Верно, так и думаете, в толк не возьмете, где собака зарыта. Или, быть может, догадываетесь... а? Нет, где вам знать, вам, наивным свидетелям, вы уедете и приметесь всюду рассказывать, что такого медицинского обслуживания, как в Ушгули, и в большом городе не сыщешь. А лентехдам того и надо, но от моих глаз ничто не укроется, нелегко околлачить Коста Чаркелани! Вы и до города еще доберетесь, а там уже будет моя объяснительная записка. И знаете, что там будет написано? Послушайте... — и он вытащил из кармана аккуратно сложенную бумагу: «Мое это первое заявление, которым я привлекая ваше внимание к положению, которое создано было в Ушгули в связи с медицинским обслуживанием, вы для проверки и принятия мер переслали в Лентехский район. Оттуда, ни в чем не разобравшись, наспех, лишь бы отделаться, откомандировали бригаду врачей. Ревизоры, которые после этого пожаловали...» — он снова положил бумагу в карман, — «дальше читать излишне, сами не маленькие... Но когда сообщать будете в городе о том, о чем сейчас догадались, то и мое заявление приложите, от него все равно никуда не денетесь. Да я и сам приеду, знаю, что есть охотники припрятать заявление, не дамся им, не бойтесь, не на такового напали, меня там прекрасно знают, не раз и не два добывал! Вас пока ни в чем не хочу упрекать, несведущи были, а незнание — не грех. Сказали вам, отправляйтесь в Ушгули, поглядите, как там медобслуживание поставлено, вы и отправились, и поглядели, и понаблюдали, а теперь и заохаете, как чудесно там все налажено! Мы и не сомневались, — ответят вам, для упреков нет оснований. Разве что один проклятый богом Коста грязью все обливал, но ведь вы были предупреждены, обошлись без его советов?! Теперь по-другому запоете, дети мои, сами видели того, кто грязью все обливает!..

— Отец!..

— Ладно, выпьем...

— Вы нас за кого-то другого принимаете...

— Да будьте вы кем угодно, только выпьем, горло промочим...

Ленто лишь что-то промычал, объятый ужасом: что ждет нас, когда промочим горло?

— Только знаете... — Парнаоз все же решил отвести обвинения.

— Разговорчики тут излишни, — мгновенноотреагировал Ленто, — уважаемый Коста все сам прекрасно знает.

— Но...

— И «но» давно известно...

— Только...

— И «только» вдоль и поперек изучил, да и чего он, вообще говоря, не знает, не так ли, уважаемый Коста?!

— Да, да, я с первого же взгляда заметил, что ты более разумный парень...

— Ха-ха-ха... Слышишь, Парнаоз?

— И Парнаоз выглядит молодцом, но...

— Всякое «но» и Парнаозу не очень-то нравится, промочи горло, так вы сказали, неправда?

— И о многом другом я вам говорил...

— Много и великоленно, я напомнил вам лишь последние слова. Если желаете, с начала до конца повторю, а если хотите, и наоборот, «горло промочим...», «а теперь выпьем...», «да будьте вы кем угодно, только выпьем...», «проклятый богом Коста грязью все обливал, но вы были предупреждены, обошлись без его советов?!», «горло промочим...».

— И другое наговорят, они ведь только тем занимаются, что меня ругают. Но кто они, те, что меня ругают?! Здешние, земляки... То одного забирали отсюда, то другого, должность подсовывали, а сами не отставали, — видишь, что делается с нами, Коста, сам понимаешь, коли выделят Ушгули из района, не усидеть тебе на этом месте... Ну! Действуй! И он больше ничем не занимается — ругает и рвет за спиной мне могилу. Такова вся работа его, за то и деньги платят. Но пусть ругаются, злятся, бесятся, бушуют, — если враг бушует и злится, значит, он бессилен. Сильный враг не ругается, как баба.

— Отец...

— Выпьем, выпьем... А вообще, они очень хитры, о, как хитры! О-о-о-о... Не знаете? Кто только все их увертки перечислит! Однажды чуть на смех не подняли, вздумали восстановить народ против меня и протокол составили... Будь здоров, я не спустил им, такое заявлениище вслед накатал, что камень бы лопнул...

— Столько писем, заявлений, целый том, наверно, получится...

— А почему не десять?!

— Отец...

— Гм, гм... горло промочим...

Ленто толкнул ногой Парнаоза, чтобы и пикнуть больше не смел, тот подслушался, но Коста был неиссякаем, — так заездил их, так словами измочалил, иссушил, что ни есть они не могли, ни пить; поясницы вконец одеревенели, но они все же как-то изловчились, встали, уверяя, что пока светит яркое солнце, пока облака небосклона не затянули, хотят на башню подняться, Ушгули сфотографировать... А башни-то и не было уже у Коста, давно разрушил до основания, домом заменил с балконами; но признаться не мог, хотя некогда и бахвалился напропалую, что первым башню разрушил и самолично крест на церкви сломал; сейчас, не хвастая, но и не сожалея о содеянном, он, приняв соответствующий вид, понизив доверительно голос, объяснил:

— Когда я был там, — он ткнул пальцем за плечо, подразумевая Совет, — гостям не приходилось просить, сам знал, кому и что необходимо, когда желательно одно, а когда другое... Гм... эти... я не спрашиваю!.. — Он степенно поднялся, вышел на балкон: — Баучи! Баучи! — прокричал.

Явился Баучи, и он, так и не признавшись, что свою башню давно разрушил, с самоуверенным достоинством повел их за собой.

И уже потом гудела башня Гвачлиани: «Коллега! Коллега!», и в отчаянии тряс перила Давлет Гвачлиани.

Авторизованный перевод Михаила ЗАВЕРИНА

Окончание следует

Весеннее половодье

РОМАН

Однажды Котэ вернулся домой раньше обычного. С утра его мучила головная боль, он сказал директору, что нездоров и ушел среди дня с завода. Тамара была на базаре. Директор — в школе. Ключа от двери у Котэ же оказалось с собой. Он долго возился с замком, пытался открыть его перочинным ножом, потом с раздражением махнул рукой и вышел на улицу. Погруженный в печальные думы, он рассеянно брел, сам не зная куда. Мысли его были, как обычно в последнее время, заняты Тиной. Так он прошел, не замечая расстояния, весь длинный проспект Акакия Церетели. Даже оживленные голоса молодежи, столпившейся у касс стадиона «Динамо», не вывели его из задумчивости — он ни на что не обращал внимания и, глядя себе под ноги, шел вперед все тем же медленным, размеренным шагом. Вот он очутился на Плехановском проспекте. Здесь было много народу, ему встречались знакомые, кланялись, снимали шляпы, но Котэ не замечал их. Только если его окликали по имени, он поднимал глаза, кланялся с отсутствующим видом и, не останавливаясь, продолжал путь. «Улица Камо, семнадцать» — неустанно вертелось у него в голове. Часто проходил Котэ мимо этого нового, большого дома, часто смотрел на один из балконов второго этажа. Случалось, и замедлял шаг, если на улице было уже темно и он не боялся, что его увидят сверху, из освещенных окон. Но ни разу ему не пришлось в голову подняться по лестнице, позвонить у дверей...

Улица Камо, семнадцать. Вот он, этот дом... Ничто не мешает Котэ войти, подняться на второй этаж, увидеть ту, что была его радостью и стала его горчайшей мукой...

Он вошел... Что-то словно подталкивало его, и он быстро поднялся по лестнице. На площадке, перед закрытой дверью квартиры, он остановился. Сердце его учащенно билось, он постоял немного, чтобы перевести дыхание, потом нажал кнопку звонка...

За дверью послышались легкие, быстрые шаги — Котэ тотчас же узнал их. Щелкнул замок, и дверь отворилась...

Тина обомлела, она не поверила своим глазам. Она раскрыла рот, но не смогла выговорить: «Папа!». Котэ тоже не в силах был произнести ее имя — какая-то непонятная сила сомкнула ему уста. Он вошел и своей большой рукой легко, едва ощутимо коснулся головы дочери. Тина прильнула лицом к его груди.

— Прости меня! — шепнула Тина.

Котэ молчал, крепко прижимая к груди голову своей дочери — эту светловолосую головку, от которой исходил такой чудесный, любимый запах, знакомый ему еще с тех лет, когда Тина была маленькой.

— Прости! — еще раз прошептала Тина.

— Я потому и пришел, что простила тебя! Разве я мог не простить?

Тина молчала и все сильнее прижималась к отцу.

Потом она вдруг оторвалась от него и убежала в комнаты, радостно крича: «Папа пришел!.. Гиви, иди сюда, это папа!»

Котэ пошел за нею и увидел появившегося из глубины квартиры стройного молодого человека. Тот сделал шаг ему навстречу и остановился. Хмуро и выжидательно глядел он на гостя.

— Идите ко мне, мои дорогие, идите! — воскликнул Котэ, раскрывая объятия.

— Как хорошо, что вы, наконец, решили прийти! Простите нас, если мы виноваты... Неужели вы на нас сердитесь за то, что мы любим друг друга? — заговорил Гиви, приузданно улыбаясь.

— Ну как можно за это сердиться? Напротив, дети мои, я хочу, чтобы вас связывала большая любовь! Ведь я желаю вам счастья!..

— Вардо, накрой на стол, — распорядился Гиви. — И вино поставь, там в шкафу есть три бутылки «киндзмараули».

— Нет, нет, не беспокойтесь, я сегодня не могу пить вино, — сказал Котэ.

Продолжение. Начало в №№ 2, 3.

— Почему не можете? Какой же вы винодел, если отказываетесь от вина?
— Одно дело — пить вино, и совсем другое — дегустировать. Винодел скорее дегустатор.

— Нет, мы с вами должны выпить! Вы же у зятя в гостях, не у чужих! Хватит и того, что вы не хотели so мною знаться до сегодняшнего дня! А нем-я плох, спрашивается?

Котэ пришлись не по душе слова Гиви, а еще меньше понравился его тон. Он поднял тяжелый взгляд на зятя, словно стараясь прочесть что-то на его лице. Да, повадки этого молодого человека ему неприятны. Он часто встречал таких... Не напрасны были его опасения!

— Нет, отчего же... Всем ты хорош... — Котэ улыбнулся!

Тина испуганно смотрела на Котэ, внутренне вздрагивая при каждом его слове. Ей было совершенно ясно — отцу что-то не понравилось.

Но Гиви не привык докапываться до тайного смысла слов. Он не обратил внимания на отказ Котэ и вторично напомнил Вардо о вине.

— Я же сказал, что не могу сегодня пить. Голова что-то болит, да и с сердцем все время неважно... Ну, я вас повидал, а теперь и домой пойду, — сказал Котэ, вставая.

Он поискал глазами шляпу, взял ее и протянул руку Гиви.

— А хорошо было бы выпить бутылку — другую! Куда вы торопитесь, завтрашний день никуда ведь не убежит!

— Это правда, завтрашний день не убежит... Но каждый день все же отличается чем-то от других. Для меня, например, сегодняшний день — особенный!

Котэ приказ Тину к груди, поцеловал в голову и спросил шепотом: «Может, пойдем домой?»

Но Тина не поняла, о чем говорит отец, и без всякой задней мысли ответила:

— Только не сегодня, папа! Завтра или послезавтра я приду, непременно приду, раз ты разрешаешь!

— Ну конечно... ты можешь прийти когда захочешь! — пробормотал Котэ.

Он повернулся и пошел к двери.

XVI

Прошло еще немного времени, и Тина ощутила в себе биение новой жизни.

Как-то ночью она открыла мужу свою радостную тайну.

— Гиви, дай руку.

— Что с тобой? — насторожился он.

— Слышишь? — спросила она и, немного погодя, сказала шепотом: — Наш ребенок!..

Гиви взволновался, чувство, похожее на гордость, охватило его.

И вот настал день, которого все ждали с замиранием сердца.

...Няня спустилась в нижний этаж, вошла в приемную. По ее лицу Тамара и Гиви сразу же догадались, что все обстоит благополучно.

— Мальчик или девочка? — спросил Гиви.

— Мальчик! — с улыбкой сказала няня, довольная, что может обрадовать молодого отца.

Гиви просиял. Он теперь настоящий мужчина, зрелый человек — у него есть сын.

После рождения ребенка Гиви впервые призадумался. Даже посторонним было заметно, что его преследует какая-то беспокойная мысль. Гиви чувствовал — в жизни его совершилась важная перемена. Он, до сих пор всецело зависевший от отца, теперь сам стал отцом и должен заботиться о своем сыне. Правда, Гиви с семьей жил на всем готовом, и, кроме того, отец ежемесячно давал ему небольшую сумму на расходы. Но Тина однажды упрекнула мужа:

— Вечно у меня не хватает денег... Нельзя даже купить что-нибудь ребенку по своему вкусу. До каких пор мы будем во всем спрашивать у старших?

Гиви сознался ей, что не работает, — правда, он только недавно ушел с работы и теперь присматривает себе подходящее место.

Тина была изумлена. Значит вот как обстоит дело! А ведь Гиви недавно сказал ей, что он в отпуске... С тех пор как появился Гоги, он все сидит дома. Но ведь раньше он целыми днями пропадал где-то...

— Не беспокойся, Тина, я скоро опять начну работать — не в Тбилиси, так за городом, — успокаивал ее Гиви.

— Но скажи, где ты проводишь время? Сколько раз ты уходил утром и возвращался вечером пьяный! Что за друзья у тебя и на чьи деньги ты кутишь?.. — Тина смотрела на мужа расширенными глазами, с недоумением испугом.

Гиви понял, что необходимо как можно скорее поступить на работу. Теперь он уже всеерьезно принял за поиски места, однако, по старой привычке, все привередничал: то должность ему не нравилась, то зарплата оказывалась чересчур малой, то нужно было ехать из Тбилиси, а он считал, что никак не может оставить семью. В конце концов, не найдя ничего лучшего, он все-таки решил устроиться за городом.

Однажды Гиви вернулся домой грустный, подавленный и сказал Тине, что будет работать в Каспи, на цементном заводе.

— Чем же ты расстроен? — спросила она, прося от радости.

— Да ведь мне придется жить одному, есть что поало...

— Мы будем там, где ты! — сказала Тина твердо.

У Гиви отлегло от сердца. Он сейчас же объявил о своем решении отцу.

Стефан был очень доволен: наконец-то парень взялся за ум.

Было решено, что сначала Гиви поедет в Каспи один. Он снимет там комнату, немного освоится, а потом уже перевезет туда семью.

Приехав в Каспи, Гиви сразу же отправился на цементный завод. Он увидел гигантские печи с высокими трубами, из которых валил густой дым. В воздухе носилась мельчайшая пыль; она оседала в ушах и в ноздрях, от нее першило в горле. Гиви сразу же приуныл. Он старался не дышать глубоко и уже спрашивал себя, сможет ли он привыкнуть к этим условиям. Когда он явился к директору, тот собирался уезжать и, пригласив в машину, сам отвез его к карьерам, где добывали для завода сырье — известковый сланец. Он познакомил Гиви с бригадирами и объяснил, каковы будут его обязанности. Гиви был назначен бригадиром. Под его началом оказалось десять человек. Он и его товарищи по работе должны были обеспечить бесперебойное снабжение завода известью.

Карьеры находились километра за три от завода, между Каспи и Кавтисхеви, на зеленом холме, именуемом Сисхлисгора — кровавая гора... Видно, много крови было когда-то пролито на склонах этого холма. Теперь же там стояли камнедробилки, размельчавшие известковый сланец, который потом отправлялся по подвесной дороге на завод.

Работы производились под открытым небом, и Гиви был только рад этому: ему не придется дышать чадом и едкой цементной пылью. С удовольствием глядел он вокруг. Как лебеди, плыли по небу белоснежные облака. Дул прохладный ветерок. Вдали, протянувшись волнистой линией, по-летнему зеленели Триалетские горы.

Гиви снял комнату в Каспи и тотчас же протелеграфировал Тине. Через два дня Тина с ребенком приехала горным поездом, Гиви встретил ее на станции. Небольшая комната в скромном одноэтажном домике показалась Тине немного тесной, но это не испортило ее настроения. Она почувствовала себя совершенно счастливой.

— Нам будет здесь очень хорошо, — говорила Тина. — В этом углу мы поставим кроватку Тоги...

И вот для Гиви началась новая жизнь, совсем не похожая на прежнюю. Перемена эта поначалу тешила его. Через несколько дней он уже освоился с работой и стал чувствовать себя уверенно.

Гиви старался пореже бывать на заводе — ему больше нравилось работать на открытом воздухе. Он берег себя и старался не спускаться в глубокие карьеры, но часто это оказывалось неизбежным...

Гиви возвращался с работы усталый — весь день ему приходилось бегать по карьерам. На завод он наведывался ежедневно — то к директору вызывали, то к главному инженеру. А стоило побывать на заводе полчаса, как одежда, обувь, волосы, шея, уши покрывались толстым слоем серой цементной пыли. Тончайшая пыль вечно носилась здесь в воздухе — она была ясно видна в полосах солнечного света, особенно в цехах без крыш...

Одежда на Гиви вылиняла, изнашивалась. Он уже не успевал так тщательно, как прежде, следить за своей внешностью. Лишь по утрам старательно подстригал усы, брился и причесывался перед маленьким зеркалом.

В октябре полили дожди. На дорогах, на склонах гор, в карьерах была непролазная грязь, ноги увязали в ней по самую щиколотку. Башманы и брюки у Гиви были теперь всегда залпаны пустой грязью. Он ходил угрюмый, насулленный, был постоянно сердит.

Звонкий смех Гоги, ласковая улыбка Тины не могли развеять его дурного настроения. «Я не выдержу такой жизни!» — думал он, вспоминая Тбилиси, шумный проспект Руставели, приятелей, с которыми он кутил и веселился, не зная никаких забот.

«Надо вернуться в Тбилиси», — эта мысль постепенно укрепилась в нем. Вскоре возвращение в Тбилиси стало его навязчивой идеей.

— Неужели я родился для того, чтобы жить в каком-то медвежьем углу и копать в земле с утра до вечера? — сказал он как-то с раздражением Тине.

— Не все ли равно, где жить, — лишь бы вместе! И зачем гнушаться работой, если ее ценят, и ты знаешь, что она приносит пользу, — отозвалась Тина, стараясь ободрить мужа.

Но ответ Тины рассердил Гиви так, словно она-то и была единственной виновницей его мучений.

— Нет, я не намерен похоронить себя заживо в этой глуши! — вскричал он в ярости. — Собирайся, едем в Тбилиси!

Стефан был неприятно удивлен возвращением сына.

— Что случилось? Тебя опять уволили?

Разговор происходил в отсутствие Тины — она пошла проведать мать.

— Нет, папа, не уволили. Но я больше не могу там работать!

— Почему? Какая-нибудь неприятность?

— Нет, просто я не согласен вечно копать в земле.

— Стыдись! Ты и трех месяцев не выдержал, — а ведь я вот уже тридцать лет работаю не покладая рук!

— На таких условиях, как ты, я согласен работать не то что тридцать лет, а все пятьдесят! Ты сидишь в кабинете, одет с иголочки, и вся твоя работа в том, чтобы отдавать распоряжения.

— Прежде чем стать руководителем, я сам исполнял чужие распоряжения! И не отлынивал ни от какой работы! Я копал землю, дробил камни, взрывал скалы. Только сейчас, когда моя жизнь идет к концу, я благодаря моему опыту руковожу другими. Но кто-то ведь должен копать землю и дробить камни! Без этого не будет никакого строительства. Мне обидно, мне горько, что у тебя оказалось так мало терпения и мужества!

— Я не могу, отец, не могу привыкнуть... Разве для этого я кончал институт?..

— Слушай, вот что я тебе расскажу! Недавно я побывал на Кутанском автозаводе. Я зашел в сборочный цех. По конвейеру двигались новые машины. В конце конвейера стоял человек, вся работа которого состояла в том, что он прикреплял к машинам ярлыки. Дело небольшое — и однако было ясно, что он гордится своей работой, гордится вместе со всем заводом, потому что автомобиль — дело рук не одного человека, а огромного коллектива, и в этом общем труде его доля так же важна, как и доля всякого другого. Вся наша страна — единый коллектив, работа каждого его члена одинаково важна. Поэтому-то у нас — кто не работает, тот не ест. А ты не работаешь, а ешь. Понятно тебе — только ешь!

Гиви хмуро посмотрел на отца.

А Стефан, потеряв самообладание, продолжал, невольно повысив голос:

— Я не хочу больше, чтобы ты жил у меня! Я никогда ничего для тебя не жалел, но мне невыносимо твое безделье, я не хочу содержать взрослого, женатого мужчину. Уходи от меня, ступай куда хочешь!

— Ах, так! Хорошо, я уйду, я сейчас же уйду, и больше вы меня не увидите! — закричал Гиви. — Я прекрасно знаю, ты был бы рад избавиться от меня!

Вбежала испуганная Маро. Увидев искаженное от обиды лицо сына, она набросилась на Стефана:

— Ты с ума сошел! Что ты пристал к мальчику, чего тебе нужно? Оставь его, наконец, в покое!

Как всегда в подобных случаях, ей и в голову не приходило, что неправым в споре мог оказаться не отец, а сын — ведь бедный мальчик выглядел таким расстроенным!

Стефан прилагал героические усилия, чтобы приохотить сына к труду. Он трижды устраивал его на работу — в проектные организации и в исследовательский институт. Но Гиви не удержался ни в одном из этих мест больше полугода.

В Тбилиси стояла жара. Горячий воздух был неподвижен, ночью было трудно дышать. Листва деревьев не шевелилась, точно погруженная в сон. Маленький Гоги задыхался от зноя. Дедушка с бабушкой, беспокоясь о здоровье ребенка, отправили Гиви с семьей на море — в Гантиади, близ Гагры. Сняли прекрасную дачу — уютный дом среди фруктового сада с развесистыми грушами и яблонями, с беседками, увитыми виноградом. Море было совсем близко — через улицу, в сотне шагов от дома. Гиви и Тина ходили купаться два раза в день — утром и вечером; они брали с собой и Гоги, — врач сказал, что морские купания укрепляют кости ребенка.

Не прошло еще трех лет после женитьбы, а Гиви был уже равнодушен к Тине. Она чувствовала это на каждом шагу, но из гордости и самолюбия не подавала вида. И только теперь, на пляже, замечая, как Гиви смотрит на женщин, она как-то раз сказала мужу шутливым тоном:

— Гиви, не заглядывайся на женщин, глаза скосишь!

Гиви, пойманный с поличным, попытался вывернуться:

— На кого мне заглядываться? Ты ведь здесь лучше всех!

Немного погодя Гиви лениво поднялся.

— Пора идти, — сказал он жене.

В молчании дошли они до дома. Только Гоги лепетал что-то свое, но они его не слушали. Дома им вручили телеграмму. Ираклий, ближайший друг Гиви, просил его немедленно приехать в Тбилиси. Гиви вертел телеграмму в руках, и пылливо поглядывал на жену.

— Не понимаю, в чем дело?.. Должно быть, что-то важное. Пожалуй, надо будет поехать... — сказал он не очень решительно.

— Не сидитя тебе здесь, с нами, — упрекнула его Тина.

— Ну что ты! Чего лучше валиться на пляже без всяких забот... Но, съездив, пожалуй, придется. Не волнуйся, через день я вернусь.

Тина оросила на мужа недоверчивый, укоризненный взгляд, но ничего не сказала. Гиви принял ее молчание за согласие и тут же стал собираться.

Наконец-то он может распорядиться собой, делать все, что ему заблагорассудится! Гиви казалась, что он вырвался из плена... Он долго ходил из вагона в вагон, пока не пошел к каким-то девицам. Вскоре он разговорился с ними. Девочки беззаботно болтали и смеялись, перебрасывая шутками со своим молодым, красивым попутчиком, который с самого же начала дал им понять, что он не женат.

Приехав в Тбилиси, Гиви наспех позавтракал дома и сразу же ушел.

Под вечер к его матери забежала Лили. Она очень удивилась, узнав, что Гиви приехал, и при том один — без жены и ребенка.

— А как поживает Тина? Скоро ли думает вернуться?

— У Тины все хорошо... Приедет, наверно, к концу месяца, — сказала Маро.

— Жаль, что я не застала Гиви, расспросила бы его поподробней.

— Так заходи завтра пораньше, а то он опять, верно, уйдет на весь день.

— Хорошо, я взгляну завтра утром. Хочется узнать, как им там жилось.

Гиви вернулся поздно ночью, едва держась на ногах. Приятели потащили его в ресторан, где и повеселились на славу. Ввалившись в дом, Гиви как был, одетый, направился к своей кровати. Маро остановила его, разделла и уложила в постель. Едва коснувшись головой подушки, он захрапел...

Утром Гиви проснулся рано. Голова у него раскальвалась. Наконец он встал, потянулся и, достав из буфета бутылку водки, выпил рюмку.

Ему сразу стало легче. Он ласково поглядел на бутылку — точно на друга, выручившего его из беды.

Из соседней комнаты с корзиной в руках вышла Маро. У Вардо был выходной день, и Маро сама собралась на рынок, чтобы купить персики для варенья. При виде бутылки с водкой она нахмурилась.

— Довольно пить, Гиви, — сказала она с упреком. — Ты женат, у тебя ребенок... Ты должен заботиться о своей семье!

— Все вы вечно наставления мне читаете! — вспыхнул Гиви. — Покой от вас нет — заладили одно и то же!

Гиви был в ярости. Маро подумала, что еще один упрек — и он не вытерпит, убежит из дому. А сердце матери потянется за ним, полное страха и гложущей, безотчетной тоски... Бледная и убитая стояла Маро, виновато глядя на сына:

— Хорошо, хорошо, сынок, пусть так! — Она направилась к двери. — Только постарайся не сердить отца. А я все выдержу, все прощу...

Маро вышла и осторожно закрыла за собой дверь.

— Отравят тебе с утра настроение и еще спрашивают, почему пьешь. Вот от этого и пью. — брызжал Гиви. Он налил себе третью рюмку, достал из шкафа еды, чтобы закусить: холодного мяса, огурцов, жареного картофеля. Он старался успокоиться. Бутылка была уже наполовину пуста. «Пожалуй, хватит!» — подумал он, торопливо орудуя ножом и вилкой. Однако, проглотив несколько кусков, он снова взялся за бутылку. Но тут у дверей позвонили. Гиви бросился открывать.

— Лили? — воскликнул он с радостным изумлением. — Вот это здорово! «В самом деле, удача!» — мелькнуло у него в голове.

Поздоровавшись, Гиви пригласил Лили к столу. Они сели друг против друга.

— Я получил телеграмму, один мой товарищ просил срочно приехать...

— Вот как! — Лили покачала головой. — Какая жалость не правда ли? Н с того ни с сего разлучили с женой! — и прибавила с иронической улыбки. — Кто это взял такой грех на душу?

— А причем, что скрывать от тебя — это все я сам придумал: написал товарищу, попросил прислать телеграмму. Просто захотелось съездить в Тбилиси на день — другую.

— Знаешь, Гиви... Я хочу с тобой поговорить... Давно уже хочу, все не решаюсь... Не знаю, как и начать...

— О чем ты? Неужели со мной трудно заговорить — да еще девушке!

— Три года, боже мой, целых три года!..

Гиви насторожился:

— Ну?

— Сначала ты мне просто нравился... А потом, когда ты вдруг остановил меня на лестнице и... обнял... Зачем ты это сделал?

— Да что тут особенного? Поцеловал, и только. Подумаешь, важности!

— Я совсем тогда потеряла голову, но постаралась не подать виду. Ведь ты был женихом Тины, а Тина такая красивая! Правда, она звезд с неба не хватает... Но ведь мужчинам это обычно нравится! Я жила надеждой, что со временем стану тебе нужна. Из любви к тебе я была готова на все. Я даже способствовала твоей женитьбе на моей сопернице. А ты и не замечаешь меня, забыл, что я существую на свете!

Лили закрыла лицо руками. Гиви услышал сдерживаемые рыдания.

Он встал, подошел к ней, осторожно погладил ее по голове, положил руку на плечо:

— Почему ты не попробовала хоть раз шепнуть мне словечко? Может, и я был к тебе равнодушен... Разве я оттолкнул бы тебя?

Он обнял Лили, привлек ее к себе.

— Не плачь! Почему ты плачешь? Я здесь, с тобой!

Губы Гиви коснулись пылающего лица девушки, нашли ее покорный рот...

Внезапно раздавшийся в передней резкий пронзительный звонок вернул их к действительности. Лили вздрогнула и отшатнулась.

— Это мама, не бойся! — сказал Гиви. — Вечером она уйдет в гости к родственникам, и я буду дома один. Приходи, хорошо?

Лили растерянно молчала. Она вытирала платком мокрые от слез глаза, насмех приглаживала растрепавшиеся волосы.

— Ну как, придешь?..

— Не знаю, — пролетела Лили.

Она села за стол, положила себе на тарелку какой-то еды... Гиви пошел открывать. Уверенный, что это пришла мать, он повернул ключ в замке и сразу направился назад, в комнату. Но это была не Маро. Дверь с шумом распахнулась, и в переднюю вбежал маленький Гоги. За ним показалась с чемоданом в руках Тина. Гиви был поражен.

— Почему ты приехала? — спросил он растерянно.

— Не хотела оставаться там одна.

Услышав голос Тины, Лили вскочила и побежала навстречу подруге, сделав вид, что очень рада ее видеть. Они обнялись и поцеловались. Гиви подхватил на руки ребенка.

— Где мама? — спросила Тина.

— Только что ушла на рынок.

Все трое сели за стол.

— Я прошу Лили выпить рюмочку, а она не хочет, — шутливо пожаловался Гиви. Он старался не выдать своего замешательства.

— Я была у вас вчера и узнала от тети Маро, что приехал Гиви... Вот и пришла сегодня пораньше, чтобы застать его дома. Хотелось узнать, как вы там, на море...

Все это была чистая правда, и Лили сумела взглянуть подруге в глаза, не краснея... Но держаться щутливого тона было нелегко.

— Почему вы не приехали вместе? — улыбка получилась совсем не веселая, а вымученная и натянутая; волнение, обуревавшее Лили несколько минут назад, еще не улеглось, ей было трудно совладать с собой.

— Я хочу быть вместе с Гиви. Что мне делать одной на побегушках?

Гиви пропустил ее слова мимо ушей; он растерянно тормозил мальчика, занятый совсем другими мыслями.

— Зачем тебя вызывал твой приятель? — спросила Тина, обращаясь к мужу.

Гиви, застигнутый врасплох, сказал первое, что пришло на ум:

— Ты знаешь, он оказался тут ни при чем. Нам просто доставили чужую телеграмму.

— Ну да, — подтвердила Лили, — должно быть, перепутали фамилии. С телеграфом это случается.

Тут открылась дверь, и вошла Маро.

— Бабушка! — закричал Гоги, бросаясь к ней.

Маро поставила на пол корзину, доверху наполненную персиками. Она не могла скрыть удивление: неожиданный приезд Тины показался ей странным. С минуту она стояла молча, глядя на сына и невестку. Потом подхватила мальчика, села и посадила его к себе на колени.

— Это очень хорошо, что ты приехала. Очень, очень хорошо! — говорила Маро, целуя внука. — Я ужасно соскучилась по малышу!

Лили поднялась с места. Она уже успела успокоиться. Тина взглянула на нее, и снова ее овладело сомнение. Лили стояла, повернувшись к окну, и при ярком свете было ясно видно, что глаза у нее заплаканы. Тина не сводила пристального взгляда с подруги.

— До свидания! — сказала Лили. — Мне пора.

— Что так спешить? Оставайся, пообедаем вместе!

— Спасибо не могу. Мама меня ждет.

— Как хочешь, — сказала Тина холодно.

Весь день она молчала, ходила по комнатам, погруженная в свои мысли, и даже ребенку не уделяла внимания. Сердце ее сжималось от какой-то неясной, неотвязной тревоги. Она пыталась стряхнуть эту тяжесть, спрашивала себя: «Но что же, что меня огорчает? Почему я так терзаюсь? Неужели только оттого, что Гиви оказался дома один, когда зашла Лили? Какие пустяки! Нет, я же обманываюсь...»

Гиви, по-видимому, догадывался о причине ее задумчивости. Явно желая искупить свою вину, он оставался весь день дома.

XVIII

Жизнь Котэ Джабадари можно было сравнить с прозрачной горной рекой. Чистосердечный и недупкавый, он всегда ходил прямыми путями и все корыстное, низкое, нечистое вызывало в нем изумление, причиняло ему боль. Горестями своими он никогда ни с кем не делился.

Как-то к концу дня Мелитон пригласил Котэ к себе в директорский кабинет, запер дверь на ключ и спросил доверительным тоном, вполголоса:

— Почему у нас оказалась недостача вина?

Котэ был ошеломлен. Не находя слов, молча смотрел он на Мелитона.

— Как это вышло? Куда делось вино? — снова спросил тот, теперь уже строго, словно перед ним стоял виноватый.

— Не должно быть недостачи, — помолчав, с трудом выговорил Котэ. — Ни одна бутылка вина не отпускается без оформления. Наша документация...

— Документация, документы... — прервал его Мелитон, повысив голос. — Вы твердите «документация», а между тем у нас не хватает пятисот декалитров! Утекли! Испарились! Вы злоупотребляете дружеским расположением и не даёте себе труда следить за тем, что делается на заводе!

Котэ отметил, что Мелитон обращается к нему, против обыкновения, на «вы». Это был уже не прежний друг и приятель, который клялся ему в верности за бутылкой вина, а суровый начальник.

— Ничего не понимаю! — с искренним недоумением воскликнул Котэ и развел руками.

Он ломал себе голову над тем, как, когда это могло случиться. Необходимо было немедленно, во что бы то ни стало это выяснить.

«Неужели в тот раз... в тот единственный раз, когда я ушел с завода первым, на полтора часа раньше обычного? Но как это произошло? Кто мог это сделать?» — думал Котэ.

Мелитон вышел следом за ним из кабинета. Вид у него был недвольный, врасуленный. Он то и дело бросал на Котэ взгляды исподлобья, как бы подчеркивая, что подозрение ложится именно на него. Они подошли к огромным винным бочкам, выстроенным в ряд вдоль стен погреба.

— Недостача должна быть возмещена, — сказал Мелитон, почему-то снова понизив голос. Потом он посмотрел на водопроводные краны с прикрепленными к ним длинными резиновыми шлангами. Из шлангов вытекала струйками вода и разливалась по асфальтовому полу.

— Ну, ты сам, знаешь, что делать, ты — винодел, специалист. Только смотри, не переборщи! Если в нескольких бочках вино будет на полградуса слабей — не беда, никто не заметит. А нельзя, так сообрази что-нибудь еще. Тебе видней. Пятьсот декалитров не так уж много! — снова перешел на «ты» Мелитон, в голосе его слышались на этот раз просительные нотки.

Он круто повернулся и вышел, оставив собеседника наедине с винными бочками и водопроводными кранами.

Котэ стоял растерянный, оглушенный, стараясь собраться с мыслями.

«Что это он сказал? Поручил мне подлить воды? Воды в вино?..»

Острая боль пронзила его сердце, он пошатнулся, с трудом удержался на ногах и невольно прислонился к бочке.

Домой Котэ вернулся сумрачный и расстроенный. Он ничего не сказал Тамаре — решил скрыть от нее свои заботы. Тамара его и не расспрашивала, думала, что он, как всегда, печалится о Тине.

На другое утро Котэ отправился на завод, приняв твердое решение выяснить, куда делось недостающее вино.

С этим намерением он вошел в кабинет директора. Но Мелитон был не один. Котэ не захотелось затевать неприятного разговора при посторонних и он промолчал. К тому же Мелитон был явно в превосходном настроении, и, глядя на его веселое лицо, Котэ даже подумал, что, может быть, все разъяснилось, беда миновала, и никакой недостачи нет — просто вчера кто-то ввел директора в заблуждение.

Мелитон сказал ему шутливым тоном:

— А ты знаешь, какие шутки проделывают в торговых точках? Укус превращают в вино! Здорово набили себе руку эти бездельники! Укус, вода, сахар, тысячи и тысячи гекталитров! — Он захохотал, его огромный живот заколохался, как недолжный бурдюк.

Мелитон перестал смеяться и спросил:

— Сколько у нас укуса?

Котэ молча смотрел на него, думая о своем. Разве позволит совесть настоящему виноделу, благоговейному почитателю сока виноградской лозы, для которого вкус, цвет, букет вина кровное, личное дело, — разве совесть позволит ему испортить, все равно что отравить вино? Мелитон здесь случайный человек. Будь он виноделом, разве могла бы ему прийти в голову кощунственная мысль — подделывать вино?

Котэ выпрямился, посмотрел сверху вниз на развалившегося в кресле директора и громко сказал:

— Не бывать этому! Пока я здесь работаю, наш завод будет выпускать только настоящее вино!

Мелитон вскопич с неожиданным для такого грузного человека проворством:

— Не бывать? А то, что есть? Что уже случилось, — не ты ли это устроил? — Мелитон особенно подчеркнуто, с расстановкой выговорил последнее слово.

Расчет оказался правильным, Котэ был уязвлен в самое сердце.

— Кто, я устроил?! — вскопичил он и занес сжавшиеся сами собой кулаки; казалась, еще мгновение, и он в гневе пустит их в ход.

— Осточертел ты мне с твоими разговорами, житья от тебя нет, ханжа! — злобно прошипел Мелитон и, опасно взглянув на разъяренного Котэ, вскопичил из кабинета.

Гнев, охвативший Котэ, угас так же внезапно, как и вспыхнул.

Он весь как-то ослаб, сердце у него бешено колотилось, колени подгибались, перед глазами плыли темные круги. Обессиленный, он упал в кресло.

ХІХ

Тина давно уже лежала в постели, но все никак не могла заснуть. Она была охвачена тревогой, горькие мысли теснились у нее в голове.

В комнате темно, лишь через окно проникает слабый свет уличных фонарей. На стенах колеблются узорные тени спущенных занавесей. Пронся-

щияся по улице машины то и дело озаряют окно ярким светом фар, и тогда ты занавесей скользит с одной стены на другую. Тина в беспокойстве следит за бегущими теневыми узорами, но вот прекращается игра света, узоры на стене меркнут, и ей сразу становится спокойнее.

«Ну, теперь я усну», — говорит себе Тина, крепко закрывает глаза, переворачивается на другой бок и старается отвлечься от назойливых мыслей. Но усилия ее напрасны. «Неужели все кончилось?» — снова снова спрашивает она себя.

«Да, все это так... Какие еще нужны доказательства? Разве меня не предупреждали? Уже через три месяца после нашей женитьбы его видели с какой-то девушкой — а может, с замужней женщиной. А прогулки на Шавнабада... Трое мужчин и три женщины... А может, все это и неправда? Я ведь сама, своими глазами, не видела... Мне только рассказывали! Почему я должна верить? Может, это одни выдумки...» — думает Тина.

День начался, как любой другой — как вчерашний. Гиви отправился по каким-то делам, которых у него всегда было по горло. А Тина занялась ребенком, затеяла даже небольшую стирку, радуясь, что может как-то отвлечься от своих мыслей. Она работала, опустив голову и не глядя на светровы, притворная нежность которой последнее время раздражала ее. «Деточка», «голубушка», «милая», «родная» — Маро иначе и не обращалась к ней, а между тем ее совсем не заботили переживания невестки. Она жила словно в обособленном мире, так же как и Стефан.

«Я не в силах больше терпеть, — думала Тина. — Надо положить этому конец!»

Гиви явился в тот вечер сильно навеселе.

— Ты опять пьян? — сердито спросила Тина.

— Не твое дело, пьян я или нет, — грубо ответил он и насупился.

— С кем ты пил?.. Все с этими твоими бездельниками-приятелями, да? — вспыхнула Тина. Лицо ее вспыхнуло, она стала кричать, не помня себя от негодования: — Выбравай — или мы или они, эти твои мерзкие собутыльники и эти гадкие, развратные женщины, с которыми ты бесчинствуешь дни и ночи напролет!

— Кто это — бездельники? Кто это — развратные женщины? Как ты смеешь?! — взревел, сжимая кулаки, Гиви.

Он схватил со стола первое, что попало ему под руку, — это оказалась тяжелая хрустальная пепельница — и изо всех сил швырнул ее в Тину. Пепельница, пролетев мимо нее, ударилась о стену и раскололась.

Тина смотрела на мужа широко раскрытыми глазами: «Зверь! Животное! Как я не видела до сих пор его истинного лица? Только теперь, когда он совсем распоясался...»

Услышав громкие голоса, Маро вскочила с постели и выбежала к ним — растрепанная, в халате, надетом наизнанку:

— Дитя мое, — обратился она к Тине, — зачем ты его сердить? Будь с ним поласковей, и он успокоится. Ступай, постели ему постель.

Тина не двинулась с места. Маро постелила сыну и, укоризненно взглянув на Тину, ушла к себе. Гиви, сердито насупясь, направился к своей постели, неторопливо разделся и нырнул под одеяло.

— Потуши свет! — бросил он жене.

Тина присела возле кровати Гоги, поправила ему одеяльце, прислушиваясь к его ровному сонному дыханию.

Гиви уже храпел. Ничего не тревожило его безмятежного сна, а для Тины начиналась еще одна долгая бессонная ночь.

Опять колеблющиеся узорные тени занавесей на стене... Постепенно замирающий уличный шум... Упорная, тупая душевная боль... Тяжелые, неотвязные мысли... Потом — снова грохот первого трамвая, бледный рассвет... ввалившиеся глаза и осунувшееся лицо... «Нет, так жить я не могу!» — подумала Тина.

Утром она встала и оделась, стараясь побольше шуметь. Гиви проснулся.

— Тина! — позвал он нетерпеливо.

Поискав глазами пепельницу и не найдя ее, Гиви швырнул спичку прямо на стол.

— Привеси пепельницу! — сказал он резко.

Тина бросила на него быстрый взгляд. Бледное лицо и припухшие веки Гиви говорили о тяжелом похмелье.

Слезы набегали на ее глаза. Пепельница... Она валялась на полу, разбитая... Что это, наглость? Или он в самом деле забыл все, что было вчера?

— Пепельницу, слышишь? — закрычал Гиви.

Тина села у окна и сжала ладонями голову. Ей было горько и тяжело, но слезы на глазах у нее высохли. Все в ней перегорело, обратилось в пепел.

У дверей позвонили. Ни один, ни другая не двинулись с места. У Тины было скверно на душе, ей никого не хотелось видеть. А Гиви просто ждал, чтобы Тина пошла открывать, — он считал, что это ее обязанность...

Звонок повторился. Тина нехотя встала и направилась в переднюю. Встретившаяся в дверях она увидела свою мать. У Тины сжалось сердце. Растерянная, стояла она перед матерью, забыв даже посторониться, чтобы впустить ее. Тамара встревоженно глядела на дочь.

— Что с тобой, моя дочечка? Может, я не вовремя?

— Что ты, что ты, мама... Я так тебе рада!

Тамара прошла в комнату.

— Что Гоги? Спит? — спросила она.

— Спит.

Тамара глянула на Гиви, сидевшего с угрюмым видом у стола.

— Здравствуй, сынок! Что это ты такой хмурый? Не рад мне?

Гиви поморщился, встал, поздоровался с Тамарой... «Еще и эта будет меня уму-разуму учить!..» — подумал он с досадой.

— Вот, полюбуйтесь на свою дочь: с самого утра дуется, не разговаривает, ничего у нее не допросишься, — пожаловался он теще.

— Что ж это ты? А ведь все твердила, что любишь мужа, не нарадуешься на него! — Тамара говорила шутивым тоном, но от ее внимательного взгляда не укрылось, что ссора, невольной свидетельницей которой она оказалась, не пустячная супружеская размолвка. Не дождавшись ответа, она продолжала уже серьезно...

— Счастлив тот, кто сумеет до конца жизни сберечь свою первую любовь!..

В тоне и словах матери Тина почувствовала нотку обвинения. Но она не знала за собой вины — и решила ничего больше не скрывать. И она тут же, в присутствии мужа, рассказала, глотая слезы, все начистоту: что Гиви пьянствует, изо дня в день пропадает в ресторанах с какими-то бездельниками, друзьями и подозрительными женщинами, что однажды она застала его наедине с Лили...

Тамара была ошеломлена. Этого она не подозревала! Взволнованная и подавленная, слушала она рассказ дочери. Гиви время от времени перебивал Тину, чтобы вставить два-три слова:

— Ну и что ж, я — мужчина, и у меня, конечно, есть друзья! Ты моя жена, а те просто так, женщины!.. Я и думать забыл о Лили — была и нет ее, и дело с концом!

— Да, несчастье, иметь такого мужа, дочка, — проговорила наконец Тамара, пораженная его откровенным бесстыдством.

— Это мой дом! Жена и ребенок тоже мои, я сам знаю, как обращаться с ними! А если кому что не нравится — скатертью дорожка.

— Что ж, я уйду, и дай бог тебе всего хорошего! — Тамара накинула на голову платок и, отвернувшись, незаметно отерла набежавшие слезы.

XX.

Котэ постарался войти к себе в дом с улыбающимся лицом, как ни в чем не бывало, — но Тамару не так-то просто было обмануть.

— Что с тобой? — спросила она, сразу всполошившись. — Ты чем-то встревожен?

— Встревожен? — переспросил ее Котэ и молча стал ходить по комнате. Потом сел и ответил, несколько помедлив: — Да нет, с чего ты взяла?

— Посмотри в зеркало, на тебе лица нет!

Тамара, покачав головой, ушла на кухню. Она и сама сегодня с утра чувствовала тяжесть на душе. Котэ проводил ее взглядом и, оставшись один, тяжело вздохнул.

«Две раны... и обе в сердце...» — подумал он.

Он осторожно притронулся к своей груди — точно боялся в самом деле коснуться кровоточащей раны... Сердце у него болело. Котэ посмотрел в зеркало, попытался улыбнуться, но улыбки не получилось. Губы были искривлены горькой гримасой, в глазах залегла печаль...

«Ты мне осточертел! Житья от тебя нет!» — вспомнились Котэ злобные слова Мелитона. Так вот что вышло из его уверений в дружбе.

Вошла Тамара.

— О чем ты без конца думаешь? — спросила она.
— Эх, друг мой, так уж все обернулось — ничего не могу с собой сделать. Заботы меня одолели... Авось перемелется, все снова войдет в колею. Не спрашивай меня, родная, ни о чем не спрашивай...

Они сели за стол. Котэ придвинул к себе кувшин с вином. Он то и дело наполнял свой бокал и осушал его с жадностью. Тамара молчала, думала: «Может, от вина ему станет легче?» Но душа у нее была беспокойна, кусок не лез в горло.

— Ты не заходила к Тине? — спросил Котэ после долгого молчания. Тамара не ответила. — Как она там, бедная девочка?

— Бедная? Ты так думаешь? — бросив на него быстрый взгляд, сказала Тамара.

— При таком муже... Как ее иначе назвать?

— Да... И все же, плохой или хороший, — а ее муж!..

— Муж... ха-ха-ха, тоже мне муж! Хам, грубиян, бездельник! Неужели моя Тина не заслуживала лучшей судьбы?

Котэ задумался, устремив невидящий взгляд в пространство. Потом, словно очнувшись от забытия, вздрогнул, повернулся к жене.

— Что с тобой? Ты сегодня на себя не похож!

Котэ не ответил на ее вопрос.

— Нельзя воспитывать детей в чрезмерной строгости, — снова заговорил он. — Кулак и розги недостойны воспитателя. Но и бессмысленно баловать детей не годится. Плохо, когда родители смотрят в глаза детям и исполняют каждую их прихоть. Так мы дрожали над Тиной... Это была ошибка. — Вздохнув, он спросил: — Как же нужно было ее воспитывать?

— Да, как? — повторила Тамара.

— Вот ты и скажи мне — как?

Они смотрели друг на друга, и каждый ждал от другого ответа. После недолгого молчания Котэ продолжал:

— Мы должны были стать ее друзьями, чтобы она рассказывала нам обо всем, что у нее на душе. Тогда она не стала бы таиться от нас и постаралась бы узнать наше мнение. Да, горе, горе с детьми!.. Нехорошо получилась с Тиной — гложет меня это... А тут еще на заводе...

— А на заводе что? Случилось что-нибудь?

— А нет, ничего особенного! — спохватился Котэ. — Как, по-твоему, не побриться ли мне? Уж очень я оброс!

— Почему ты не хочешь сказать мне, что у тебя случилось?

— Ты видишь, мне не хочется сейчас говорить... не спрашивай, потерпи.

В голосе Котэ звучала мольба, взгляд был полон горечи. Тамара замолчала, поняв, что расспросы ее причиняют боль Котэ, и вышла из комнаты.

Котэ старался отвлечься, заняться чем-нибудь. Потом сел за письменный стол и достал из ящичка толстую тетрадь, куда обычно заносил всякие замечания для своей будущей книги о виноделии. Поразмыслив немного, Котэ написал: «Илья Чавчавадзе назвал наше грузинское вино «праведным» вином. Виноделы и виноградари нашей страны, все, кто растит и лелеет лозу, все, кто производит вино, должны заботиться о том, чтобы оно было поистине праведным».

Отложив тетрадь в сторону, Котэ встал, прошел на кухню. Тамары нигде не было видно.

— Скажи маме — я скоро приду, — сказал он Сосо и медленно, как бы нехотя спустившись по лестнице, вышел на улицу.

Авторизованный перевод Веры КИРЕВОН

Окончание следует

Сдано в производство 2 марта 1970 г. Подписано к печати 23 марта 1970 г.
6 печ. листов + 2 вкл., усл. печ. листов 8,4. Формат бумаги 70—108¹/₁₆.

Заказ 704

Тираж 3600

УЭ 07547

Типография издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, ул. Ленина № 14.

КОНТРОЛЬНЫЕ

Մոսկվայի Լենինի մաուսոլեոսը

1875
Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

საბ. კვ. ცკ-ის გამომცემლობა
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ